

АНДРА
РАУН

ПЛАМЯ
СТРАСТЕЙ

Сандра Браун

Пламя страстей

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=118574

Пламя страстей: Вагрюйс; 1996

ISBN 5-7027-0311-6, 0-446-36071-6, 0-446-36073-2

Оригинал: SandraBrown, "Shadows of yesterday"

Аннотация

В жаркий августовский день на безлюдном шоссе у Ли Брэнсом внезапно начались роды. Сама судьба послала ей на помощь Чеда Диллона. Он помог малышке появиться на свет и, гордый выполненной миссией, простился с новой знакомой, как ему казалось, навсегда...

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	27
Глава 3	56
Глава 4	86
Глава 5	113
Глава 6	133
Глава 7	154
Глава 8	174
Глава 9	195
Глава 10	220
Глава 11	242

Сандра Браун

Пламя страстей

Глава 1

– Мэм, что случилось? Вам помочь? Ли Брэнсом сначала даже не обратила на него внимания, и тогда он постучал в окно ее автомобиля. Прислушиваясь к боли, пронзившей нижнюю часть живота, она ничего не замечала вокруг. Оторвав голову от руля и повернувшись на голос, она испытала новые страдания. Тот, кто навязывался в спасители, меньше всего напоминал рыцаря в сияющих доспехах.

– Вам плохо? – спросил он.

Да, ей было плохо, но не хотелось признаваться в этом какому-то мужлану, – на пустынном шоссе он может сделать с ней все что угодно, и никто никогда ничего не узнает. На нем была грязная пропотевшая одежда с соляными пятнами; большущая медная пряжка с гербом штата Техас на ремне оказалась на уровне глаз Ли, когда он нагнулся с высоты своих шести футов, чтобы заглянуть в автомобиль. Его мощную мускулистую фигуру обтягивали изрядно потертые джинсы и ковбойка с коротким рукавом. Ковбойская соломенная шляпа, также далеко не новая, отбрасывала зловещую тень ему на лицо. Боль отпустила, и Ли почувствова-

ла, что ее сердце сжалось от страха. Может быть, если бы не солнечные очки, скрывавшие его глаза...

Незнакомец словно прочитал ее мысли. Он снял очки, и Ли увидела глаза такой небесной синевы, какой она никогда прежде не встречала. В этих взволнованных голубых глазах не было угрозы, и страх сразу прошел. Возможно, он не слишком опрятно одет, но опасности явно не представляет.

– Я не сделаю вам ничего плохого, мэ, я просто хочу по-мочь.

В голосе незнакомца Ли уловила нотку участия, которая, как и его взгляд, подействовала на удивление успокаивающе.

Снова набежала волна боли, которая началась в позвоночнике и постепенно достигла живота. Ей пришлось закусить губу, чтобы не закричать, – крик уже готов был вырваться наружу; она подалась вперед, склонившись головой к рулю.

– Господи! – услышала она взволнованный голос, когда дверца наконец открылась. Увидев ее огромный живот, мужчина присвистнул. – Да что, черт возьми, вы делаете здесь одна в вашем положении? – Небрежным жестом он бросил очки на приборный щиток.

Ли тяжело дышала, пережидая схватку. Вопрос был явно риторический – незнакомец словно и не ждал ответа. Он положил руку ей на плечо – ладонь, прикоснувшись к ее холодной влажной коже, показалась горячей и сухой.

– Только не волноваться, хорошо? Спокойно! Теперь лучше? – участливо спросил он, когда она вздохнула и откину-

лась на сиденье.

– Да, – ответила она, закрыв на мгновение глаза, чтобы хоть немного собраться с силами и обрести достоинство, прежде чем все тело потрясет новая схватка. – Благодарю вас.

– Господи, да я еще ничего не сделал! Кстати, чем я могу помочь? Куда вы направлялись?

– В Мидленд.

– Какое совпадение! Может, мне вас туда отвезти?

Она бросила на него быстрый настороженный взгляд. Он сидел на корточках между ней и открытой дверцей; сильная загорелая рука лежала на спинке сиденья, другой он держался за руль. Теперь, когда он был без очков, она могла взглянуть в глубокие синие глаза, с участием смотревшие на нее. Если глаза действительно являются зеркалом души, то Ли была уверена – этому человеку можно доверять.

– Я... мне кажется, это было бы самым разумным... – Он посмотрел через плечо. – Тогда я поведу ваш автомобиль, а грузовичок пока брошу здесь. Господи, опять?

Она поняла, что приближается схватка, еще не успев почувствовать боли. Надавливая руками на тугий живот, она старалась глубоко и ровно дышать, чтобы не напрягаться и сохранять самоконтроль. Наконец схватка прошла, и женщина снова откинулась на сиденье.

– Мэм, до Мидленда почти сорок миль. Боюсь, мы не успеем. Как давно начались схватки? – Его голос звучал

участливо, спокойно.

– Я остановилась минут сорок пять назад. У меня и до этого были небольшие боли, но я думала, это что-то с желудком.

Он едва заметно улыбнулся, и она увидела, как от его удивительных глаз побежали лучики.

– И никто не остановился, чтобы вам помочь?

Она покачала головой.

– Всего-то машины две проехало. Но они не остановились.

Он окинул взглядом салон, словно желая удостовериться, как он тесен.

– Как вы думаете, вы можете идти? Или взять вас на руки?

Взять ее на руки? Но куда же они пойдут? Он словно прочитал этот вопрос в ее испуганных глазах.

– Вы сможете прилечь в моем пикапе. Конечно, это не родильное отделение, но много ли нужно младенцу!

На сей раз он улыбнулся по-настоящему. От улыбки морщинки вокруг глаз стали явными и глубокими, белые полоски резко контрастировали с темным загаром. На загорелом лице сверкали ровные белоснежные зубы. Ли поняла, что при других обстоятельствах это лицо показалось бы ей безумно привлекательным.

– Кажется, я смогу идти, – произнесла она, поднимаясь с сиденья.

Он встал, уступая ей место; его твердая, сильная рука легла туда, где некогда была тонкая талия. Ли с благодарностью оперлась на него.

Осторожными мелкими шагами они двинулись к его машине. С равнин Западного Техаса удушливыми волнами налетала жара. Ли с трудом вдыхала обжигающий воздух.

– Ну вот, теперь уже недалеко.

Теплыми порывами его дыхание ласкало ей щеку. Она посмотрела вниз: его длинные ноги никак не могли приноровиться к ее нетвердой походке и он смешно семенял, стараясь подделаться под ее шаг. Пыль, поднимаясь клубами над покрытой щебенкой обочиной, оседала на покрытых лаком ногтях, которые виднелись в вырезе ее босоножек, и на его грубых, потрескавшихся сапогах.

Его пикап, такой же грязный, как и он сам, был покрыт толстым слоем пыли прерий. Голубой и белый цвета слились в один серовато-бежевый. Это был ржавый драндулет, однако Ли с облегчением отметила про себя, что на нем нет непристойных или двусмысленных надписей.

– Пойдите здесь, пока я открою заднюю дверь, – попросил мужчина, прислонив ее к крылу грузовичка. Но стоило ему отвернуться, как накатилась новая волна боли.

– Ох! – вскрикнула Ли, инстинктивно хватаясь за мужчину.

Тотчас же его рука легла ей на плечо; она почувствовала, как другой рукой он поддерживает ее живот. Рука была грубая, мозолистая.

– Ну-ну, делайте свое дело. Я здесь.

Она зарылась лицом в его плечо, разрываемая надвое

сильнейшей схваткой. Казалось, она будет длиться вечно, но постепенно боль все же спала, и Ли поняла, что стонет.

– Вы можете стоять?

Она кивнула.

Скрежет ржавых петель, стук металла о металл, и вот его сильные руки подхватили ее и осторожно посадили в пикап. Она прислонилась к стенке, а он тем временем поспешно стелил брезент на ребристый пол автомобиля, – конечно, брезент тоже был не стерилен, но все же лучше, чем ржавая лежанка, имевшаяся в пикапе. Дело было не из легких. Он тихо выругался и пробормотал что-то укоризненное в свой адрес.

– Вот, – наконец произнес он, укладывая ее на брезент. – Теперь будет лучше.

Он оказался прав. Ли издала вздох облегчения, когда ее спина коснулась твердой поверхности. Пол был горячим, но она даже не обратила на это внимания. Все тело было покрыто испариной, и сарафан прилип к коже.

– Вы что, посещали специальные занятия, где вас научили так дышать?

– Да. Правда, я не могла ходить туда достаточно часто, но все же кое-чему научилась.

– Вы только не стесняйтесь, делайте все, как вас учили, – посоветовал он; в голосе его звучала забота. – Может быть, у вас в машине осталось что-то, что может пригодиться?

– У меня там пакет с ночной рубашкой. «Клинекс» в бардачке.

«Мама была бы довольна», – уныло подумала Ли. Сколько она себя помнила, мать вечно твердила, что приличной девушке никак нельзя без бумажных носовых платков.

– Я сейчас вернусь.

Он спрыгнул на землю, и Ли как-то отстранение подумала, что для своих габаритов он весьма ловок. Когда он опять появился в поле зрения, с одного плеча у него, словно тогда римлянина, свисала ее ночная рубашка, в руке он держал упаковку носовых платков.

– Вот газета, – сказал он. – Я только сегодня утром ее купил. Понимаете, я однажды видел в кино, что газета иногда используется при родах... Может, там нет микробов или что-то в этом роде. Так вот, может, подложите ее себе под... м-м... бедра? – Он протянул ей свернутую, явно еще не читанную газету, затем повернулся и вылез из машины.

Она сделала так, как он советовал, ощущая, что сознание ее обостренно-ясно. Смущение моментально улетучилось, едва живот пронзила новая волна боли, а он уже был рядом, сжимая ее руку в своих ладонях.

Не забывая глубоко дышать, она уставилась на часы на его левом запястье. Часы были из нержавеющей стали, со множеством каких-то циферблатов и приспособлений, – они громко тикали. Сложный и дорогой механизм никак не вязался с покрытыми грязью ковбойскими сапогами и грязной одеждой. Потом взгляд Ли скользнул вниз и остановился на длинных, тонких пальцах незнакомца – обручального коль-

да не было. Господи, неужели ее дитя появится на свет благодаря мужчине, который не только не врач, но даже не отец!

– Вы женаты? – спросила она, когда длившаяся дольше обычного боль немного улеглась.

– Нет.

Он снял свою ковбойскую шляпу и бросил ее в кабину – у него были длинные темно-каштановые волосы.

– Уже скоро... Это, должно быть, так ужасно для вас. Простите!

Он улыбнулся, достал из заднего кармана джинсов цветастый носовой платок и повязал вокруг головы. Вдруг Ли осознала, как поразительно красив этот человек. Под расстегнутой рубашкой была видна загорелая грудь, и волоски на ней напоминали узор искусно сотканной паутины.

– О, ничего страшного! Я бывал в переделках и похуже! – Его чувственные губы разошлись в широкой улыбке; блеснули белоснежные зубы. Он достал салфетку и осторожно промокнул пот, бисеринами выступивший у нее на лбу и над верхней губой. – Только в другой раз выбирайте день попрохладней, – пошутил он, стараясь заставить ее улыбнуться.

– Это была Дорис Дей, – выговорила она.

– Простите? – не понял он.

– Я смотрела фильм с Дорис Дей. Ее мужа играл Джеймс Гарнер. Он работал акушером. Арлин Фрэнсис вдруг начала рожать в «роллс-ройсе», и Дорис Дей помогала ему принять роды.

– Это там он загнал автомобиль в бассейн?

Она рассмеялась.

– Кажется, да.

– Кто бы мог подумать, что подобный фильм станет учебным! – Он прошелся «клинексом» по ее шее.

– Как вас зовут?

– Чад Диллон, мэм.

– А меня Ли Брэнсом.

– Рад с вами познакомиться, миссис Брэнсом.

Накатившая волна боли показалась ей не такой сильной, потому что добрые руки Чада гладили ее затвердевший, ставший источником нестерпимых страданий живот. Когда схватка прошла, он сказал:

– Думаю, что уже скоро. Хорошо, что у меня есть термос с водой. Пойду вымою руки.

Он достал из кабины канистру с водой и, стоя возле пикапа, вымыл руки так тщательно, как только мог.

– А что вы сегодня делали? – вежливо поинтересовалась Ли, пытаясь таким образом выведать, почему он так грязно одет.

– Копался в двигателе самолета. Значит, он механик. Странно, вот уж непохож...

– Вы пока снимите, что у вас там понадето... нижнее белье, – мягко произнес он.

Ли закрыла глаза – ей было стыдно на него смотреть. Если бы он не был так красив.

– Постарайтесь не стесняться меня – ведь нам вместе придется присутствовать при родах.

– Извините, – пробормотала она. Из-за жары на ней не было ни лифчика, ни комбинации, только трусики. С помощью Чада ей удалось стянуть их с себя и стащить с обутых в сандалии ног.

– Может, и босоножки снять? – предложил Чад.

– Нет, ничего... – только и успела произнести она. – Чад! – вырвался у нее крик, когда тело снова пронзила боль.

Он быстро опустился на колени между ее согнутыми ногами.

– Уже видна головка, – сказал он, издав смешок, в котором слышалось облегчение. – Вы, кажется, должны тужиться... или как?

Продолжая глубоко дышать, она изо всех сил напряглась.

– Очень хорошо, – подбадривал он ее. – Все правильно, мэм. – Его низкий, спокойный голос словно проливал бальзам на ее истерзанное нутро. – Мы почти у цели. Ли, – проговорил он, наклоняясь, чтобы вытереть пот у нее со лба. Платок, которым был повязан его лоб, промок насквозь. Тыльной стороной ладони он провел по бровям. От влаги волосы на груди завились колечками. Он достал складной нож – ему пришлось вытянуть ногу, чтобы залезть в карман плотно облегающих штанов. Промыв нож водой из термоса, он срезал бретельку ее ночной рубашки.

– А вы ого-го! – сказал он. – Другая бы кричала, сходи-

ла с ума... Вы самая смелая женщина, какую я когда-либо встречал.

«Нет, нет!» – хотелось крикнуть ей. Нельзя допустить, чтобы он так думал! Нужно объяснить ему, какая она трусиха! Но прежде чем она успела найти необходимые слова, он снова заговорил:

– Ваш муж может вами гордиться.

– Я... у меня нет мужа, – еле выдавила она: ее снова пронзила нестерпимая боль.

Чад, казалось, был ошеломлен и пришел в себя, лишь увидев ее искажившееся от боли лицо:

Тогда он вновь обратил взоры туда, откуда должен был появиться ребенок, и глаза его расширились от радости.

– Ну, вот и прекрасно! Вот так, еще чуть-чуть. Уже вышла головка, – воскликнул он, смеясь.

Младенец причмокнул, пустил слюни и наконец закричал.

– Давай, Ли, ты молодчина! Еще немножко, только бы вышли плечи! Так, так, еще! Отлично! О Господи! – вскричал он, приняв малыша, еще скользкого, в свои сильные руки. – Посмотрим, что тут у нас. Чудесная девочка!

По щекам Ли потекли слезы счастья и облегчения, когда она увидела, как радостно он смотрит на дитя.

– Дайте мне на нее взглянуть, – слабым голосом попросила она. – С ней все в порядке?

– С ней... она само совершенство. – Его голос звучал хрипло. – Потерпите еще немного, я должен разобраться с

пуповиной.

Она почувствовала, как по ней молотят ручками и ножками, – это Чад положил ребенка ей между ног.

– Как вы? – спросил он с беспокойством, не подымая головы, целиком уйдя в то, что делал. По его точенному носу сползла капелька пота.

– Прекрасно, – еле слышно ответила она.

– Я и не сомневался. Вы потрясающая женщина!

Согнувшись возле нее, он продолжал делать свое дело. Потом вытер лот рукавом и осторожно положил ей на грудь красного, мокрого, сморщенного, извивающегося и вопящего ребенка.

– О, Чад, я вам так благодарна! Вы только взгляните на нее! Ну разве она не чудо?!

– Да. Ответ прозвучал неожиданно резко. Потеплевшие было глаза вновь напряглись от боли. Она почувствовала слабый толчок, потом снова облегчение.

– Вот и все. Теперь лучше? – спросил Чад, заворачивая в газету послед.

– Лучше, – прошептала она.

Нож легко разрезал ткань ночной сорочки. Малышка пищала в материнских объятиях. Ли больше не ощущала жары, она была полностью поглощена шевелящимся существом, которое держала в руках. Она ощупала влажное тельце, пересчитала пальчики на руках и ногах, поцеловала пульсирующее мягкое темечко. Дочь! Ее дочь! Ли охватил благого-

вейный страх, когда она подумала, что эта крошечная и столь совершенная малютка только что появилась из ее чрева.

Чад тем временем сделал ей из ночной рубашки прокладку и при помощи самодельного ремня закрепил ее на талии.

– Так странно, что нет живота, – вымолвила она со вздохом. Он усмехнулся.

– Еще бы. Сейчас, наверное, стало удобнее? Только теперь она начала ощущать пульсирующую боль.

– Да, – произнесла она, но пауза явно показала ему, что что-то не так.

– Надо отвезти вас обеих в больницу, – сказал он скорее самому себе, потом опустил ей на ноги платье и как-то неловко протянул трусики. – Держите малышку, а я возьму вас. – Он поднял Ли на руки и понес к ее машине.

Когда он открыл дверцу, на них так и пахнуло жаром. Чад усадил Ли, сам сел за руль и завел мотор.

– Сейчас включим кондиционер, и все моментально проветрится, – сказал он. – Я бы отвез вас на своем грузовичке, но там сильно трясет, к тому же он завален всяким хламом.

– Я вам очень благодарна, но как же вы его потом заберете?

– Это меня как раз меньше всего волнует, но на всякий случай я все же приму меры безопасности.

Через минуту он вернулся. Ему пришлось отодвинуть сиденье, чтобы поместились его длинные ноги.

– Здесь сиденье откидывается? – поинтересовался он.

– Откидывается.

– С откинутым сиденьем вам будет удобнее. Он помог ей и, пока она устраивалась, держал малышку на руках. Убедившись, что они чувствуют себя достаточно уютно, он снова надел очки. Ковбойская шляпа осталась в пикапе, но голова была все еще повязана платком. Правда, он уже успел застегнуть рубашку.

– Чад, передайте мне, пожалуйста, сумку. Наверное, девочку надо во что-нибудь завернуть...

– Верно, – согласился он, взглянув на голенькую малышку. Повозившись, он извлек на свет божий маленький несесер. – Теперь все в порядке? Можно ехать?

Она широко улыбнулась ему.

– Все просто прекрасно!

Он улыбнулся в ответ. Ей показалось, он хотел что-то сказать, но передумал и молча стал выруливать на узкое шоссе. Машина запрыгала по каменистой обочине, так что Ли закусила губу от боли.

– Извините. Я понимаю, вам сейчас плохо, но кровотечение несильное, осложнений особых тоже нет. Надеюсь, вы быстро окрепнете, только бы нам добраться до больницы.

Ли принялась рыться в несесере. Там нашлась старенькая майка, и женщина завернула малышку в мягкую ткань.

– Хорошо, у меня есть хоть что-то с собой, – рассеянно произнесла она.

– Откуда вы ехали? Или, может, правильнее спросить, ку-

да вы направлялись?

– Я была в Абилине – у моей однокурсницы вчера была свадьба. На мне было такое специальное платье для беременных. Она указала рукой на крючок, где висел пакет с платьем. – Но когда мы собираемся вместе, мы обычно не можем до ночи разойтись, вот я и взяла на всякий случай кое-что из вещей.

Он взглянул на оранжевую майку с эмблемой университета штата Техас, в которую был завернут ребенок, и улыбнулся.

– Вам повезло. – Он нахмурился и постарался придать своему лицу серьезное выражение. – Вам не следовало в таком состоянии садиться за руль. Когда вы должны были родить?

– Еще только через две недели. Но вы правы, я сама нарывалась на неприятности. Мне так хотелось поехать на свадьбу, но меня было некому сопровождать, и вот... – Фраза повисла в воздухе.

– Почему вы свернули с дороги И-20? Ведь она идет прямо из Абилина в Мидленд.

– Я подвозила приятельницу – она живет в Тарзане. Не могла же я не повидать город под названием Тарзан, штат Техас! Только я из него выехала, как все и началось.

Он с укором посмотрел на нее и улыбнулся. А она тем временем разглядывала плачущего ребенка.

– Надеюсь, с моей малышкой ничего не произошло!

– По крайней мере, легкие у нее в полном порядке, – хмыкнул Чад.

Девчонка орала во весь голос. Лицо ее пошло пятнами, и она что есть сил молотила ручками и ножками. Ли бросила на Чада беспокойный взгляд – вдруг крик девочки раздражает его? Но он сосредоточился на дороге, хотя ехать по пустынному шоссе было не сложно. «Что бы со мной было, если бы не подъехал Чад?» – думала Ли, качая ребенка.

До Мидленда оставалось еще двадцать миль, когда крик малышки начал ослабевать. Ли в испуге посмотрела на Чада. Он затормозил и остановился прямо посередине дороги: насколько хватал глаз дорога была пуста.

– Что делать? – в ужасе воскликнула Ли. Хотя что мог знать о детях этот мужчина, который даже не был женат! Но она почему-то обращалась к нему, не задумываясь, отчего это казалось ей столь естественным.

Он почесал в затылке, потом откинул со лба прядь выгоревших волос.

– Не знаю. Может... э-э... вам стоит ее покормить?

Ли покраснела и с облегчением подумала, что наступившие сумерки скрыли ее смущение.

– Но у меня еще несколько дней не будет молока...

– Я знаю, но может быть... видите ли... инстинктивная потребность в... ласке... – Он пожал плечами.

Ребенок опять закричал. На головке надулись голубые жилки – они производили страшное впечатление, а малыши-

ка тем временем продолжала молотить мамочку сжатыми кулачками. Тогда, не раздумывая. Чад повернулся и спустил лямку сарафана у Ли с плеча. Не в силах поднять на него глаз, она принялась двигать плечом и двигала до тех пор, пока бретелька не упала, обнажив грудь. Приподняв грудь рукой. Ли поднесла ее к раздраженному личику дочурки. Девочка безошибочно нашла сосок и с жадностью набросилась на него.

Вдруг Чада и Ли охватил смех. Они хохотали и не могли остановиться, наблюдая за тем, как девочка, громко чмокая, сосет грудь. Когда Ли наконец осмелилась взглянуть на Чада, она увидела, что он смотрит не на ребенка, а на нее. Этот взгляд почему-то заставил ее резко оборвать смех: она прочла в нем восхищение и поняла, что несмотря на свой неопрятный вид по-прежнему хороша собой. Его слова подтвердили ее мысли.

– Вам очень к лицу материнство. Ли, – тихим голосом произнес он. – Эти каштановые кудри, серо-голубые глаза цвета грозových туч, нежные розовые губы – точь-в-точь как у вашей малышки, – все напоминает мадонн средневековых итальянских мастеров. Только вы живая. – И он продолжал глядеть на нее долгим, восторженным взором.

Ли тоже внимательно посмотрела на него. Неужели она могла подумать, что этот человек, такой нежный, такой деликатный, представляет угрозу! Она видела только его грязную одежду, потное, небритое лицо, но теперь перед нею его

глаза – они светятся такой добротой! Его мозолистые руки, сильные и надежные, могут быть необыкновенно нежными. Неожиданно она вспомнила, в какой интимный для нее момент свела их судьба, и опустила ресницы.

Она взглянула на дочку и увидела, что Чад протянул руку к ребенку. Вот рука ближе – Ли затаила дыхание. Длинным и тонким указательным пальцем он коснулся щеки девочки. Погладил. Ли ощутила прикосновение к своей обнаженной груди.

– Как вы собираетесь ее назвать?

– Сара, – без колебаний ответила она.

– По-моему, хорошо.

– Вам правда нравится? – спросила она, снова поднимая глаза. – Так звали мою свекровь.

Он отдернул руку, словно обжегся.

– Кажется, вы сказали, что не замужем.

– Это правда. По крайней мере, теперь. Моего мужа убили.

Прошла долгая минута, а он все сидел и смотрел на закатное солнце – огромный красный шар, спускающийся за горизонт.

– Извините, – мягко проговорил он. – Когда это случилось?

– Восемь месяцев назад. Он даже не знал, что я беременна. Понимаете, он работал в отделе по борьбе с наркотиками и погиб в перестрелке.

Некоторое время длилось молчание, затем, раздалось какое-то посвистывание. Чад вновь взглянул на ребенка: девочка спала, время от времени посасывая своим нежным, словно бутон, ротиком материнскую грудь.

– Вы обе просто потрясающие, – пробормотал Чад, вновь заводя мотор.

Должно быть, в этот момент Ли тоже задремала. Очнувшись она, когда автомобиль подъезжал к приемному покою больницы. Чад дал несколько длинных гудков, заехал на стоянку и заглушил мотор. Потом повернулся к Ли и взял ребенка.

– Поправьте платье, – довольно бесцеремонно велел он.

Торопливо и неловко она подняла бретельку на плечо. Сара опять начала проявлять беспокойство, и Чад протянул ее матери.

– Подождите здесь, – бросил он. Это уже не был прежний Чад – он отдавал приказания санитаркам и медсестрам, выбежавшим на гудки. Дверца машины распахнулась, и крепкие руки подхватили малышку. Потом сама Ли оказалась на носилках. Путешествие от машины до приемного покоя вызвало у нее головокружение и легкую тошноту. В приемном покое ее уложили в специальное кресло, и ноги оказались на холодных металлических подставках.

Куда дели ее ребенка? И эта боль! Неужели у нее по ногам течет кровь? И откуда они знают, как ее зовут? Как больно, когда они прикасаются к ней! И что это за доктор, который успокаивает ее, говорит, что не нужно волноваться, не нужно

беспокоиться ни о чем?.. Это что, ей делают укол?

Где Чад? Чад...

– Ли!

Страшно хотелось спать, глаза никак не хотели открываться. В комнате было темно. Ли попробовала пошевелить ногами и почувствовала, как будто что-то тянет между бедер; лицо горело и покалывало. Постепенно она поняла, что чья-то заботливая рука убрала ее волосы назад. Все тело ныло, словно ее били палками. Наконец ей удалось открыть глаза пошире, и она увидела Чада Диллона – его милое, заботливое лицо склонилось над ней.

– Ли, я уезжаю. Мне страшно не хотелось вас будить, но я должен был с вами попрощаться.

– А Сара? Он улыбнулся.

– С ней все отлично. Я только что от нее. Она в специальной камере для новорожденных, но меня заверили, что она здорова и в полном порядке. С легкими проблем нет. Они в отличном состоянии.

Ли снова закрыла глаза, на этот раз чтобы вознести Богу короткую молитву.

– А когда я смогу увидеть ее?

– Когда отдохнете. На вашу долю выпали непростые испытания. – С этими словами он легко коснулся ее щеки и быстро убрал руку.

Смущенная, потерянная. Ли огляделась, и взгляд ее упал на огромный букет желтых роз на маленьком столике в из-

ножье кровати.

– Цветы? – Она вопросительно посмотрела на него.

– На них имеет право любая женщина, ставшая матерью, – улыбнулся он.

Вдруг ей на глаза набежали слезы: ведь розы, должно быть, стоят целое состояние, а он не может позволить себе купить новые ботинки!

– Спасибо, это так мило с вашей стороны, Чад!

Он как-то по-мальчишески, застенчиво кивнул головой.

– Доктор позвонил вашим родителям в Биг-Спринг. Я нашел их адрес и телефон в вашей записной книжке, где обычно пишут телефоны, куда обращаться в экстренных случаях. Они уже едут сюда. Я показал доктору, где стоит ваша машина, ключи у старшей сестры. Хорошо, что у вас с собой оказалась карточка медицинской страховки – вас взяли в больницу без всяких разговоров. У вас теперь свой врач, он придет утром, но мне сказали, что вам только нужно отдохнуть. Надеюсь, я не причинил вам вреда? Как вы себя чувствуете?

– Как будто родила в кузове пикапа, – произнесла она, отваживаясь улыбнуться. – У меня все лицо горит.

Он издал смешок.

– Это вы загорели.

– Вы шутите!

– Вовсе нет. Можете протереть лицо лосьоном, медсестра специально оставила.

– Вы мне не поможете?

Это был глупый вопрос после всего, что он для нее сделал, – она ясно поняла это по его лицу.

Он налил в ладонь лосьон, а потом, аккуратно обмакивая в него пальцы другой руки, протер болезненные участки на лбу, на носу и щеках. Прикосновенья его пальцев были нежны. Он внимательно смотрел, куда наносит лосьон, обследуя глазами ее брови, скулы, нос и подбородок. Один раз он случайно задел краешек губ – рука его застыла, и он вопросительно заглянул ей в глаза. От его взгляда замерло сердце. Она успокоилась только тогда, когда его нежные пальцы продолжили движение. После этого эпизода он постарался поскорее закончить процедуру.

– Теперь лучше, – неуверенно произнесла она, когда он уже завинчивал склянку с лосьоном.

Откуда эта буря чувств? Что на нее нашло? Или, может быть, все молодые мамы так чувствительны? Она изо всех сил старалась не заплакать и не понимала, что с ней происходит.

– Рад был услужить, мэм. Он широко улыбнулся, но его слова прозвучали как-то неуместно торжественно.

Ли заметила, что у него чуть дрогнули губы. Или это ей показалось?

– Вы... – Она постаралась проглотить появившийся вдруг в горле комок. – Не представляю, что бы я делала, если б не вы! Спасибо вам, Чад!

– Это вам спасибо. Ли, за то, что вы доверились мне. Я

желаю вам с Сарой всего самого лучшего!

Он выпрямился и повернулся, чтобы уйти, но не сделав и двух шагов, остановился. Голова его внезапно упала на грудь, и он устался на кафельный пол, словно там был написан ответ на мучивший его вопрос. Он резко обернулся и одним прыжком преодолел расстояние, разделявшее их.

Опершись на кровать сильными, мускулистыми руками, он вновь склонился над ней.

– Ли! – выдохнул он. Его губы медленно приблизились к ее губам, раскрылись, и нежно, бережно он поцеловал ее. И вот его уже нет, густой мрак комнаты поглотил его высокую, сильную фигуру. Скрипнув, за ним закрылась дверь.

А Ли не могла понять, откуда взялись эти слезы, тонким ручейком вытекающие из уголков ее глаз и впитывающиеся в жесткую больничную подушку.

Глава 2

– А ты все проверил, папа? Чад Диллон. Может, ты перепутал инициалы? Надо было посмотреть список по именам, начинающимся на Ч...

– Ли, я попросил проверить абсолютно все, но девушка в справочном клянется, что такого имени нет.

Ли сидела в своей спальне, опершись спиной о подушки. При этих словах брови ее изогнулись, выражая досаду.

– Я хотела его отблагодарить. Понимаешь, мне даже в голову не пришло попросить у него адрес или номер телефона...

– А ты уверена, что он из Мидленда? – спросила Лоис Джексон, явно озадаченная решимостью дочери во что бы то ни стало найти человека, помогшего ей родить месяц назад и затем бесследно исчезнувшего.

Ли о чем-то напряженно думала, ее глаза сузились и превратились в щелки.

– Странно, но раньше мне не пришло это в голову... Я вовсе не уверена. Он просто сказал, что едет в Мидленд, но речи о том, что он живет в Мидленде, не было.

– Вот видишь, может, именно поэтому мы и не можем его найти. – Лоис раздраженно фыркнула. – Я буду вечно благодарна человеку, пришедшему на помощь тебе и Саре, – она с любовью посмотрела на малытку, мирно посапывающую в

своей колыбельке, – но мне кажется, тебе лучше больше с ним не встречаться.

Ли с трудом подавила гримасу раздражения. Конечно, надо сделать скидку на материнский снобизм, но говорить так о Чаде после всего, что он сделал для нее и Сары, – просто черная неблагодарность.

– Я не собираюсь иметь с ним никаких дел, я просто хочу его отблагодарить. Он из тех, кому совсем не повредят лишние деньги.

Перед ее мысленным взором опять предстал Чад – вот он склонился над ней, держит ее за руку, а схватки разрывают ее тело на куски... Господи, какие синие у него глаза! Темные и глубокие, как небо! А какая нежность скрыта за внешней грубоватостью и силой. И говорил он как образованный человек. Даже сравнил ее с мадоннами художников Возрождения...

Ли вспомнила, как акушерка, ухаживавшая за ней в больнице, похвалила Чада за предусмотрительность. «Этот молодой человек мог бы вас просто покалечить, если бы не проявил такой осторожности», – сказала она. Ли почему-то подумала о газете.

Если его не удастся найти, она так и не сможет его поблагодарить. Чад Диллон так и останется для нее загадкой, и эта мысль приводила ее в отчаяние. Она поймала себя на том, что все чаще и чаще думает о так внезапно исчезнувшем мужчине.

Она тяжела вздохнула, и родители приняли вздох разочарования за усталость.

– Отдохни немного, дочка, – предложил отец. – Пойдем, Лоис, пусть она поспит.

– Может, нам не стоит завтра уезжать? Ведь Саре всего четыре недели. Не побыть ли с тобой еще немного? – спросила мать.

– Нет, – резко ответила Ли и, чтобы смягчить ответ, добавила:

– Я в порядке. Правда. С вашей стороны было так мило пожить здесь. Сара – просто образцовый ребенок, хорошо спит ночью, совсем не будит меня. А когда я выйду на работу, то смогу брать ее с собой. Мы прекрасно справимся.

Глаза матери наполнились слезами.

– Не могу поверить, что такое могло случиться с тобой, моя девочка! Ну почему Грег дал себя застрелить? Почему в твои двадцать семь лет ты должна остаться вдовой, да еще к тому же с ребенком на руках?! А ведь как я просила тебя перебраться к нам, когда Грега убили! Тогда моя внучка не появилась бы на свет на обочине! Все было бы хорошо, если бы ты согласилась вернуться в родительский дом! Ты сама приговариваешь себя к несчастному, одинокому существованию!

Лоис содрогалась от рыданий. Харв Джексон обнял ее заботливой рукой и повел прочь из комнаты, но, дойдя до порога, обернулся.

– Поспи немного. Ли. Постарайся отдохнуть и набраться сил до нашего отъезда.

Он закрыл за собой дверь, и Ли откинулась на подушки. Иногда ей удавалось забыть о своем печальном положении, но каждый раз какой-нибудь заботливый человек – а чаще всего ее мать – ненавязчиво напоминал ей обо всем.

Боль утраты после убийства Грега порой была просто невыносимой. Ли всегда боялась, что такое может произойти, почти предчувствовала неизбежность этого, с ужасом ждала рокового часа, но когда это случилось, она оказалась абсолютно не подготовленной. Ее потрясла, ошеломила внезапность гибели мужа, ее жестокость, но главное – что уже ничего нельзя вернуть.

В ночь накануне убийства они долго говорили.

– Куда ты теперь? – спрашивала Ли.

– Я не могу тебе сказать, милая, не спрашивай меня ни о чем!

– На границу?

– Ли, прошу тебя, не устраивай мне допрос каждый раз, когда я отправляюсь на задание! – Он помолчал, складывая вещи, потом встал, уперев руки в бока. – Как ты думаешь, могу ли я нормально работать, если каждый раз ты провожаешь меня слезами и упреками? Ты до свадьбы знала, чем я занимаюсь, но согласилась выйти за меня и сказала, что все выдержишь.

– Я правда так думала! – Она закрыла лицо руками и раз-

рыдалась. – Но теперь поняла, что не могу! Я люблю тебя!

Он вздохнул: в этом вздохе слились раздражение и страсть. Подойдя к ней, он обнял ее и сказал:

– Я тоже люблю тебя, и ты это знаешь. Но и работу свою я люблю, тем более что это очень важное дело.

– Я все понимаю – разумом, и я не прошу тебя бросить работу, но ведь ты можешь перейти в аппарат. Станешь планировать эти ваши операции, но сам в них участвовать не будешь. – Она содрогнулась при одном взгляде на лежавший на кровати автоматический пистолет, составлявший неотъемлемую часть экипировки мужа, такую же, как майка или носки. – Мне ненавистна сама мысль о том, что ты служишь секретным агентом.

– Ли, родная, ты же знаешь, что я сойду с ума, протирая штаны в конторе. Я умею перевоплощаться, поэтому нужен на оперативной работе.

– Ты нужен мне!

– Я нужен стране. Нужен ребятишкам, которые уже в начальной школе садятся на иглу. Понимаешь, сколько бы налетов мы ни проводили, мы лишь скользим по поверхности. Эта война заранее проиграна, но я не могу перестать сражаться. Так помоги мне. Поверь, со мной ничего не случится, пока я знаю, что ты здесь и ждешь меня.

Она отодвинулась от него и неуверенно улыбнулась.

– Я всегда буду ждать тебя. Возвращайся скорее, живым и невредимым. Он жадно припал к ее губам.

– Я скоро вернусь.

Но он не сдержал обещания. Когда она видела его в последний раз, он лежал в гробу. Похороны были проведены за счет государства.

Им так и не пришлось отведать праздничный обед, который приготовила Ли. Ей не довелось поделиться с Грегом радостной вестью о том, что она ждет ребенка, которую она приберегала ради торжественного случая. И тогда Ли поклялась, что никогда не свяжет жизнь с человеком, чья служба будет опаснее, чем работа директора в детском саду.

Грег служил в Эль-Пасо, но вскоре после похорон Ли предложили работу в Мидленде. Она читала об этом новом городе, в одночасье выросшем среди равнин Западного Техаса. В Мидленде добывали нефть, а там, где нефть, всегда есть работа, там всегда делают деньги и всегда есть, куда их потратить. Неплохое место для начала. Несмотря на горячий протест матушки и ее страстные мольбы, чтобы дочка жила с ними в Биг-Спринг, Ли согласилась на работу в Мидленде. На те деньги, что ей обещали, плюс пенсия за Грега, да с ее умением экономить, она могла бы безбедно существовать. Она твердо решила сама зарабатывать себе да жизнь.

Ли прислушалась к дыханию малышки – оно было легким и частым, потом посмотрела, как поднимается и опадает нежная спинка.

– Сара, самое трудное позади. Все будет хорошо.

У нее есть дом, работа, здоровый ребенок. Единственное,

с чем ей придется теперь бороться, – это одиночество.

– Сегодня, Сара, тебе придется посидеть на диете, – тяжело выдохнула Ли, усаживая девочку в заводные качели и захлопывая перекладину. Сегодня выдался тяжелый день: надо было забрать малышку от няньки, к помощи которой Ли прибегала лишь в случае крайней необходимости, а потом еще забежать в магазин. Удобно устроив пухленькую дочурку, она вернулась в машину, чтобы забрать покупки.

– Ух! – воскликнула она, плюхая пакеты со съестным на стол, сбрасывая туфли и усаживаясь на диван. Такое поведение мамочки рассмешило Сару – она забулькала, загукала и стала от радости размахивать ручонками. – Вы думаете, я это делаю, чтобы вас развлечь, мисс Сара? – упрекнула дочурку Ли, потом вскочила с дивана, опустилась на колени перед качелями и пощекотала пухленький животик ребенка. – Ты думаешь, я кто тебе, а? Придворный шут?

Сара завизжала от восторга, когда Ли приблизила лицо к толстенькому подбородочку и стала покусывать его одними губами. Детские ручонки нанесли непоправимый урон аккуратному пучку волос у мамочки на голове, так что он полностью прекратил свое существование.

– Ой-ой-ой! – Ли, смеясь, упала на пол, пытаясь перевести дух. Блузка выбилась из юбки, и Ли не успела ее заправить, как вдруг раздался звонок в дверь. С тяжелым вздохом Ли поднялась. – А ты оставайся здесь, – шутливо погрозила она Саре.

Когда она открыла дверь, то от неожиданности не могла найти слов. Сердце бешено заколотилось в груди, мысли путались, стучало в виске – это было удивительное, радостное чувство.

– Привет!

Он выглядел совершенно по-другому. Его длинные волосы были теперь чисто вымыты и аккуратно причесаны, лицо сохранило загар, но на этот раз было гладко выбрито. Бесследно исчезли грязные джинсы и ковбойка. Он был одет в прекрасного покроя брюки из серой фланели, светло-голубую рубашку и темно-синий пиджак. На смену поношенным башмакам пришли до блеска начищенные черные мокасины.

Лишь глаза остались теми же – сияющими, голубыми, исполненными магнетизма.

Нет, близкими и знакомыми были не только его глаза! Ли запомнила эту широкую белозубую улыбку.

– Вы помните меня?

– Да... да, конечно... – пролепетала она. Помнит ли она его? Что за дурацкий вопрос! Как часто, лежа в постели и тщетно пытаясь уснуть, она вызывала в памяти его глаза, улыбку, голос и тот поцелуй, которым он одарил ее, перед тем как уйти. Она старалась уверить себя, что хочет увидеть его лишь для того, чтобы отблагодарить. Но теперь, глядя в эти чудесные глаза, видя его милую и в то же время мужественную улыбку, она уже не была уверена, что это и есть настоящая причина.

– Чад, вы... вы совершенно переменились! – запинаясь, произнесла она, чувствуя себя не в своей тарелке. Она надеялась, что он не заметит, как его появление взволновало ее.

– И вы тоже. Вы похудели.

Она засмеялась и оглядела себя, заметила, какая она растрепанная, и бросила на него беспокойный взгляд.

– Входите, пожалуйста. Извините, я такая страшная. Мы с Сарой играли, и вот...

– Вы просто неотразимы, – перебил он, но, войдя в комнату, внезапно остановился. – Это Сара? Не может быть! – воскликнул он и без всякого смущения присел перед качелями.

Сара с любопытством следила за ним.

– Да, это моя Сара, – гордо ответила Ли.

– Да она просто чудо, – мягко произнес он и поднял указательный палец, чтобы провести малышке по лицу, но его палец тотчас же оказался в маленьком влажном кулачке. – Хорошие рефлексы, – засмеялся Чад, аккуратно высвободил палец из пухленького кулачка и поднялся. – А я приготовил кое-что для нее.

– О, Чад, ну зачем! – воскликнула Ли, тут же смутилась банальностью фразы и бросилась заглаживать собственную неловкость. – Вы и так уже много сделали для нее – помогли ей появиться на свет!

– Я хотел ей кое-что подарить, – повторил Чад. – Я оставил подарок в пикапе. Пойду принесу. – Он вышел из дома,

оставив дверь открытой.

Дрожащими руками Ли поправила блузку, потом сунула ноги в туфли. Господи, что у нее творится на голове! Она почувствовала, как по шее сползает тяжелый шиньон. Растрепавшиеся волосы упали на лицо, но теперь нет времени их поправлять – он возвращался.

– Что это? – со смехом воскликнула она, когда он внес в дом огромную, красиво оформленную коробку.

– Вам придется самой ее открыть вместо малышки.

– А вам придется мне помочь! Ли развязала яркую розовую ленточку и принялась снимать оберточную бумагу.

– Моя мама всегда оставляет обертку, в которую был завернут подарок. Она бы упала в обморок, если бы увидела, как я рву такую красоту!

– Вряд ли можно получить радость от подарка, если думать о том, как не порвать обертку, – заметил Чад.

Ли с улыбкой посмотрела на него.

– Как я с вами согласна!

Под крышкой она обнаружила много-много мягкой упаковочной бумаги, откинув которую, увидела кусочек мягкого желтого меха с черными полосками.

– Давайте, я помогу вам вынуть!

Немного отодвинувшись, она глядела, как из коробки появляется огромный тигр, почти в натуральную величину, с длинным хвостом, пушистыми ресницами и широкой доброй улыбкой. От восторга Ли даже захлопала в ладоши.

– Чад! – только и смогла вымолвить она, с трепетом прикасаясь к роскошному меху. Это, должно быть, стоило ему целого состояния, она была уверена, что он не может позволить себе такой роскоши! Сначала цветы, которые он принес ей в палату, теперь этот королевский подарок... Его щедрость переходила всякие границы. – Чад! – повторила она.

– Как вы думаете, ей понравится? Он взял тигра и понес его к качелям – игрушка оказалась на несколько дюймов выше, чем они. Некоторое время Сара смотрела на тигра с опаской, потом ее личико сморщилось, ротик искривился, и она зашлась в громком плаче, переходящем в рыдания.

– Боже, что я наделал! – в ужасе воскликнул Чад, повернувшись к Ли. Казалось, он переживал больше, чем малышка.

Ли встала между девочкой и тигром и вытащила плачущую малышку из качелей.

– Думаю, ее просто испугали его размеры, вот и все, – сказала она.

– Ради Бога, простите, я не хотел...

– Конечно, конечно, я понимаю. Сейчас она успокоится. Ей достаточно знать, что я здесь, с ней.

Действительно, Сара вскоре перестала плакать. Изредка всхлипывая, она принялась с интересом разглядывать золотую сережку в ухе у Ли.

– Боюсь, я мало понимаю в детях, – как бы извиняясь, произнес Чад.

– Ей надо, день или два, и она полюбит его, – отозвалась Ли.

– Мне так хочется в это верить!

– Кстати, мне кажется, что вас она уже простила.

Тем временем головка малышки повернулась на звук низкого мужского голоса. Кроме отца Ли, девочка больше не видела мужчин, но ей не составило труда сразу же обнаружить разницу в тембре между этим низким голосом и голосом матери.

– Хотите ее подержать? – предложила Ли.

– Думаете, она согласится?

– Думаю, с ее стороны было бы черной неблагодарностью отказать, поскольку вы были первым человеком, который держал ее на руках.

– Слушайте, а ведь так оно и есть! На мгновение их взгляды встретились, и Ли осознала, что оба они навсегда запомнили тот жаркий августовский день, когда судьба свела их на пустынной дороге. Ли вспомнила, как добр и заботлив он был, и поняла, что безумно рада снова его видеть. Напряженное молчание затянулось, и Ли первая прервала его, протянув Сару в раскрытые объятия Чада. Когда она передавала ребенка, ее рука оказалась словно в ловушке между нежной спинкой Сары и его обветренной ладонью. Она подняла глаза, чтобы посмотреть, почувствовал ли он это прикосновение, и к своему величайшему смущению обнаружила, что да. Его сверкающие голубые глаза глубоко заглянули в ее соб-

ственные. Она медленно отняла руку.

Тогда он обратил все внимание на Сару. Приятным низким голосом он начал рассказывать ей, какая она хорошая да пригожая. Сара не отрываясь смотрела на Чада, зачарованная его певучими интонациями. Ли подумала, что под этот нежный, убаюкивающий голос она сейчас уснет так же быстро, как и ее дитя. Господи, как он красив! Конечно, когда она его встретила, он был не в лучшей форме, но она даже представить себе не могла, что он может так выглядеть, если приоденется. Так трогательно, что он надел свой лучший костюм, задумав нанести им с Сарой визит. Но почему это ее удивляет? Странно, но все, что он делал, вызывало в ней нежное чувство.

Ли чувствовала себя неряшливой, неприбранной, погрязшей в домашних заботах. Она заправила за ухо выбившуюся прядку волос и встала прямее; ей хотелось думать, что он не заметил ее неловкого движения, когда она оправляла юбку. Было неприятно ощущать, что у нее порван чулок – это в магазине она зацепилась за тележку.

– Не согласитесь ли вы, милые дамы, поужинать со мной?

– Поужинать? Сегодня? В ресторане? Он засмеялся и подбросил Сару на руках. Малышка засмеялась.

– Вот именно, сегодня вечером в ресторане.

– Я бы с удовольствием, но боюсь, у нас ничего не получится: очень сложно будет с Сарой в ресторане.

– Я думаю, мы справимся.

– Нет, я не хочу создавать вам такие сложности. – Ли закусил губу. Он и так уже потратился на подарок, она не может допустить, чтобы он еще и ужином их кормил. Но ей доставляло такое удовольствие разговаривать с кем-то, кроме Сары. Со взрослым человеком. С мужчиной. С Чадом. – Может быть, вы останетесь и поужинаете с нами? Я имею в виду здесь, у нас.

Ничего себе, нашла выход, горько рассмеялась про себя Ли. Что он подумает о ней? Что у нее дом – проходной двор, где постоянно толпятся мужики? Что она сексуально озабоченная вдова? Она не должна была...

– А вы уверены, что вам приятнее будет самой готовить, чем спокойно пойти в ресторан?

Нет, она была скорее уверена в обратном, но нельзя подавать виду. Хорошо еще, что он не воспринял ее приглашение как двусмысленное, предполагающее еще что-то помимо ужина.

– Сара еще не умеет сидеть в высоком стуле, поэтому приходится держать ее в коляске, из которой она уже выросла. Пока я не приготовила себе еду, она ведет себя хорошо, но потом начинает нервничать, так что мне приходится одной рукой есть, а другой...

– Представляю себе эту картину! – засмеялся он и поднял руку, чтобы остановить поток объяснений. – Хорошо, я остаюсь, но только сегодня. Оставляю за собой право в следующий раз пригласить вас в ресторан. С Сарой трудно, когда

вы одна, а с моей помощью все будет намного проще.

В следующий раз? Потрясающе! У нее не было слов.

– Что... что вы будете есть? – наконец спросила она.

– А что вы можете предложить?

Сара тем временем яростно лупила его ладошкой по щеке, но он, казалось, не обращал на это ни малейшего внимания.

– Я купила ветчину в банке. Хотите холодной ветчины?

– С удовольствием!

– И салат. (Он кивнул.) В воскресенье у меня были родители, и мама приготовила картофельный салат. Она уверяет, что чем дольше он стоит в холодильнике, тем вкуснее становится.

– Моя мама разделяет это мнение. Чем я могу помочь? – И он улыбнулся ослепительной улыбкой.

– Вы хорошо ладите с Сарой. Может, поиграете с ней, пока я все приготавливаю?

– Давненько мне не поручали более приятной работы, – отозвался Чад, и его лучистые голубые глаза засияли от удовольствия.

Ли чувствовала себя не в своей тарелке. Когда она в последний раз развлекала мужчину? Ей не доводилось делать ничего подобного с тех пор, как они с Грегом поженились. Вспомнить бы хоть, как это делается! Редко кому доводится заниматься таким ответственным делом, имея четырехмесячного ребенка на руках.

– Надеюсь, вы меня извините, если я вас оставлю на

несколько минут, – произнесла она, направляясь к себе в спальню. – Мне кое-что нужно... Я скоро вернусь...

Закрывшись у себя, она подбежала к шкафу. Что бы надеть? Как раз недавно она купила очень красивые брюки... Нет, тогда он заметит, что она специально подбирала наряд. Может, джинсы? Не будет ли это слишком обыденно? Чушь какая-то! Ведь они, кажется, решили провести вечер дома! Вечер? Нет, Ли, вы решили только поужинать. Только поужинать. Ли!

Она натянула тугие, хорошо отутюженные джинсы и сменила обшлюявленную Сарой блузку, выбрав персиковую кофточку из полиэстра, который только очень наметанный глаз мог бы отличить от шелка. Потом она вынула шпильки из волос и принялась причесываться. Чтобы распущенные волосы не мешали, она заколола их за ушами гребнями. Вот, так-то лучше. Она брызнула на себя духами и побежала в гостиную, задыхаясь от волнения. Сердце готово было выскочить из груди.

Чад сидел на диване, а Сара лежала у него на коленях и молотила его ножками по животу. —Когда Ли вошла в комнату, в его глазах отразился восторг, он даже присвистнул. Но восхищение его было настолько искренним, что она не обиделась.

– Ли Брэнсом, да вы настоящая красавица, доложу я вам! – грубовато приветствовал он ее. От волнения Ли сжала руки на груди.

– Спасибо, – просто сказала она.

– Я снял пиджак. Надеюсь, вы не против? Рукава его рубашки были закатаны, а пиджак висел на стуле.

– Конечно, нет. Чувствуйте себя как дома. Ли направилась в кухню. Чад с малышкой на руках последовал за ней.

– А у вас очень мило, – сказал он, осматривая маленькие, но со вкусом обставленные комнаты. Пастельные бело-голубые тона гостиной преобладали и в интерьере крохотной кухоньки, нарядный вид которой придавала отделка из ярко-синего кафеля. Важным предметом убранства была медная утварь, свисавшая с потолка, – Чаду пришлось нагнуться, чтобы не стукнуться об нее головой.

– Я очень вам благодарна, – повторила она, кладя покупки в шкаф, где царил образцовый порядок. – Когда я решила сюда переехать, – продолжала она, убирая яйца в холодильник, – то долго не могла выбрать, что лучше, квартира или дом. В обычной квартире жить не очень хотелось, заботы, о собственном коттедже пугали, вот я и поселилась в кооперативном доме. В квартирную плату входит и уборка двора. К тому же мне нравится, когда соседи близко.

Дом, где жила Ли, был построен в форме буквы «П», внутри которой расположился дворик. Подбрасывая Сару на руках. Чад смотрел в окно.

– Какой красивый дворик! – воскликнул он. – И такой нарядный! Она улыбнулась.

– Да, я бы не сказала, что трава и деревья в Мидленде в

изобилии. От здешнего голого ландшафта тоска берет, вот я и решила устроить у себя сад. Сейчас, правда, еще не наступила пора цветения, но весной тут очень красиво – все деревья в цвету. В прошлом году я здорово потратилась, оплачивая счета за воду!

– Так вы родом не из Западного Техаса?

– Мой отец служил в авиации, хотел сделать карьеру, и его все время перебрасывали с места на место. Последним местом его службы был Биг-Спринг, но сейчас там уже нет авиабазы, ее закрыли. Когда он вышел в отставку, они с матерью решили остаться в Био-Спринге. Я тогда училась в колледже. А потом мы с Грегом жили в Эль-Пасо.

– Грег – это ваш муж? – осторожно спросил Чад.

– Нет.

На мгновение она, казалось, о чем-то задумалась. С тех пор прошел год. Она где-то читала, что этот первый год труднее всего пережить. Первое Рождество без него, дни рождения, годовщина свадьбы... Со временем память о случившейся трагедии, о ссорах из-за его работы уступила место более приятным воспоминаниям.

– Вы говорили, что он работал в отделе по борьбе с наркотиками, – задумчиво произнес Чад. – Вам, должно быть, не нравилось, чем он занимался?

Чад так деликатно задал этот вопрос, что она не расценила его как праздное любопытство. Ей показалось, что ему действительно важно знать ответ.

– Я ненавидела ее. Мы с Гретом были так счастливы вместе и ссорились только из-за этой самой работы. Я так просила его уйти... – Она торопливо закрыла дверцу шкафа. – А вы? По-прежнему работаете механиком?

– Механиком?

– Вы же сказали, что копались в двигателе, вот я и подумала, что вы механик.

– О, да, иногда я действительно ремонтирую моторы. А вообще-то я занимаюсь самыми разными вещами.

Он как-то смущенно отвел взгляд, и она не стала расспрашивать его. Может, у него нет постоянной работы, и он живет на случайные заработки. А костюм этот купил, когда были деньги. Классического покроя, он был идеально сшит и прекрасно на нем сидел.

Наконец приготовления к ужину закончились, и можно было садиться за стол. Чад принес в кухню качели и усадил туда ребенка, а сам помог Ли нарезать ветчину. Малышка была так поглощена своими качелями, что дала им спокойно поесть.

– Ли, а вы работаете? – спросил Чад, с аппетитом поглощая намазанный маслом кусок французской булки.

– Работаю, но, боюсь, мне будет трудно объяснить, чем именно я занимаюсь, – улыбнулась она. – Я украшаю галереи в торговых центрах.

В его взгляде отразилось такое изумление, что Ли рассмеялась.

– Повторите еще раз, – попросил он, проглотив то, что было во рту.

– Украшаю галереи торговых центров. А вам никогда не приходило в голову, кто это развешивает там корзины весенних цветов, расставляет горшки с цветами вокруг фонтанов? Или устанавливает домик Санта-Клауса, в котором он живет у себя на Северном полюсе, что я, кстати, последнее время и делаю.

Он положил вилку и со смешинкой в глазах посмотрел на нее.

– Рискую показаться полнейшим тупицей, но я действительно никогда не задумывался над этим!

– Мало кто обращает на это внимание, но представляю, что бы было, если бы все эти декорации внезапно исчезли.

– Так вы работаете только в галереях?

– Не только. Вообще-то я работаю по контракту. Обслуживаю некоторые учреждения – они обычно заказывают украшения к Рождеству. Иногда к Пасхе. Я даю список, что нужно купить, они покупают, а я потом расставляю все по местам.

– Потрясающе интересно. Она опять засмеялась.

– Не сказала бы. Но это подходящее занятие, если растишь ребенка одна. Я работаю в своем темпе, без авралов, для тяжелой работы нанимаю студентов. Иногда мне помогают сотрудники магазинов. Интерьер галерей меняется не чаще пяти раз в году, а в перерывах я придумываю, что сде-

лать в следующий раз.

– А как вы получаете заказы?

– Обычно заказчики сами находят меня. Видите ли, моя приятельница выполняла такую же работу для банков в Эль-Пасо, а я была у нее ассистентом. Неофициально, конечно. Потом ей предложили работу здесь, но она отказалась и порекомендовала меня. Правда, когда я пришла наниматься, еще было незаметно, что я жду ребенка. Конечно, потом ничего уже нельзя было скрыть, но никто мне ни слова не сказал.

– Мне кажется, это естественно. Они были довольны вашей работой, к тому же кто бы посмел в наш просвещенный век уволить овдовевшую женщину, которая ждет ребенка?

Она прыснула.

– Пожалуй, вы правы. Но я при всех условиях благодарна им. Вряд ли бы я смогла найти еще какую-то работу.

Они поужинали и теперь лакомились мороженым с карамельным сиропом.

– А не выпить ли нам кофе? – вдруг предложил Чад.

Ли от смущения уронила ложечку.

– О Чад, извините, но, к сожалению, у меня даже нет кофеварки. Сама я кофе не пью...

– Вы не пьете кофе? Да американка ли вы? Ей было страшно неловко, что она не может предложить ему кофе, но в то же время она чувствовала, что это только шутка, он просто дразнит ее.

– Извините, – повторила она.

– Прошу вас, не извиняйтесь, – попросил он. – Я выпью чаю.

Пока Ли убирала со стола. Чад взял Сару на колени и принялся тайком скармливать ей с ложечки растаявшее мороженое. Ли поймала его с поличным.

– Вы кормите ее мороженым? Да разве можно? – воскликнула она, уперев руки в бока.

– А мне кажется, ей нравится, – ответил он с озорной, мальчишеской улыбкой.

– Она такая толстая, что я едва могу, держать ее на руках. Ей только мороженого не хватало!

Чад поднял глаза и изучающе посмотрел на Ли, окинув ее взглядом с ног до головы.

– Я бы сказал, что вам обеим не мешало бы немного обрости жирком.

Ли нервно облизала губы и попыталась отшутиться.

– Я так старалась похудеть и прийти в норму, после рождения Сары. – Что случилось с ее голосом, почему он дрожит?

– Вам это удалось. – С этими словами он выразительно посмотрел на ее грудь, и ее соски напряглись, словно он дотронулся до них. Она чувствовала, как они заострились, натянув тонкую ткань блузки. В этот момент вдруг заплакала Сара, и Ли готова была ее за это расцеловать.

– Она устала, – воскликнула Ли, забирая дочку у Чада и

прикрываясь ею, как щитом. – Я уложу ее спать.

– Может быть, мне помочь? – Он поднялся и нежно склонился над ними, глядя девочку по спинке и глядя на Ли так, будто гладил и ее.

– Спасибо, я сама. А вы... почувствуйте себя как дома. Я скоро вернусь – она быстро засыпает.

Ли буквально выбежала из комнаты. Несколько глубоких вздохов, и она почти пришла в себя. Вот она в спальне, где Сара спала вместе с ней: она все никак не решалась отселить малышку, выделив ей собственную спаленку. Было так спокойно слышать дыхание маленького человечка рядом с собой.

Укладывая Сару, она постаралась, чтобы ее волнение не передалось ребенку. Но она зря переживала – стоило ей положить девочку на животик, как та сразу же мирно засопела.

Чад расхаживал по комнате, как часовой.

– У вас было так тихо, что я испугался, не случилось ли чего.

– Нет-нет, ничего не случилось, просто она очень послушный ребенок.

– Значит, она счастлива. Вы хорошая мать, раз даете ей ощущение покоя и безопасности.

– Я стараюсь, – согласилась Ли. – Просто я очень беспокоюсь, как она будет расти без... – Она внезапно оборвала фразу, осознав, что собиралась сказать, и принялась поправлять и без того ровно висевшую картину.

– Отца? – закончил он за нее. Ли повернулась к нему.

– Да, – еле слышно выдохнула она.

Чад подошел к ней. Она хотела отступить назад, словно страшась той неясной угрозы, которую он представлял, но ноги не слушались ее.

– Значит, сейчас у тебя никого нет? – хрипло спросил он.

Эфемерная защита в лице Сары исчезла. Чад наполнял дом ощущением мужского присутствия, которого здесь не было прежде. Это ощущение мужчины рядом, словно туманом, окутывало Ли. Настолько была сильна его аура, что, казалось, ее можно увидеть, пощупать рукой.

– Нет, – тихо вымолвила она после долгого молчания.

– Так есть или нет? – переспросил он.

– У меня никого нет, – повторила она и, смутившись, покачала головой.

– Это из-за Грета. Из-за него ты до сих пор одна? – спросил он и так пристально на нее посмотрел, что ей пришлось отвести взгляд. Господи, какие же у него голубые, бездонные глаза! Сквозь расстегнутый ворот рубашки были видны волосы у него на груди, они чуть золотились в мягком свете лампы.

– Нет. Я не могу перестать жить только из-за того, что у меня погиб муж.

– Тогда почему?

Она взглянула ему в лицо и рассмеялась.

– Честно говоря, сильно беременная вдова – это не то, что

обычно привлекает мужчин.

Он тоже засмеялся, слегка откинув голову назад. Под натянутой кожей проступило переплетение мышц. Его кожа казалась такой теплой, такой полной жизни. Он с улыбкой посмотрел на Ли.

– Как ты жила с тех пор, как я отвез тебя в больницу? Трудно пришлось?

– Да нет.

– Все в порядке? Жизнь наладилась? Наверное, она должна была испытывать неловкость, обсуждая такие личные вопросы с ним, но почему-то не испытывала.

– Да, в мой последний визит доктор сказал, что все хорошо.

Чад с облегчением вздохнул.

– Господи, временами я места себе не находил от ужаса, представляя, какой вред мог бы тебе причинить!

– Чад! – Она протянула руку, словно хотела дотронуться до него, но тотчас же убрала ее. – Куда ты вдруг исчез? Я пыталась тебя разыскать, но в телефонном справочнике не было твоего имени.

– Зачем?

– Что зачем?

– Зачем ты хотела меня разыскать?

– Я хотела заплатить тебе за то, что ты мне помог. Я... – Она запнулась, увидев, как по его красивому лицу пробежала тень.

– Я бы не взял у тебя денег. Ли, – процедил он сквозь зубы, отворачиваясь. – Черт возьми! – тихо выругался он, обернувшись, и его взгляд прожег ее насквозь. – Неужели ты могла подумать, что я сделал это ради денег?

– Чад, я не хотела тебя обидеть! Я только хотела, чтобы ты знал, как я благодарна тебе!.. – У нее задрожала нижняя губа. – Если бы не ты, я бы могла погибнуть! И что тогда было бы с Сарой?..

– Не надо об этом, – тихо произнес он, обнимая ее своими сильными руками. Все произошло так естественно, словно она ждала этого. – Мне жаль, что я расстроил тебя. Похоже, с тех пор как я появился здесь, вы с Сарой только и делаете, что плачете из-за меня.

Он хотел ее рассмешить, и ему это удалось. Она засмеялась, зарывшись лицом в его рубашку. От него исходил едва уловимый запах дорогого одеколona.

Пальцем он приподнял ей подбородок, так что теперь она смотрела прямо в его пленительные глаза.

– Помнишь, что произошло в больнице, в твоей палате, перед тем как я ушел? Она судорожно сглотнула.

– Ты подарил мне цветы.

– И все? – Она попыталась отвернуться, но он крепко держал ее. – Или что-то еще?

– Ты меня поцеловал. Он медленно кивнул.

– Я боялся, что ты забыла. – Он провел рукой по ее щеке, словно обрисовывая лицо. – Скажи, ты не оттолкнула ме-

ня, потому что была слишком слаба или ты действительно не возражала, чтобы я тебя поцеловал? Она стыдливо потупилась.

– Думаю, и то, и другое понемногу. Он прочистил горло.

– Тогда ты не станешь возражать, если я поцелую тебя еще раз? – Она не ответила, и он просто позвал ее по имени:

– Ли?

Она покачала головой. Она почувствовала на губах его теплое дыхание и прикосновение его губ. Его поцелуй начался так же, как тогда, – медленно, нежно, сладко. На мгновение он сильнее прижал ее к себе, но потом ослабил объятие, чтобы ощутить под руками гибкость и стройность ее спины.

Она почувствовала, как раздвинулись его губы, зубами, которые придавали его улыбке такое великолепие, он принялся нежно покусывать ей губы. Подобно цветку, они раскрылись под этим восхитительным натиском. Сердца забились сильнее, и под их глухие удары они молча стояли, едва касаясь друг друга губами, обжигая друг друга страстным дыханием. И ждали, чего-то ждали.

Вот он языком раздвинул ей губы и проник внутрь, словно желая обследовать ее небо и так нежно лаская язык, что она ощутила слабость во всем теле. Она обвила руками его талию, цепляясь за него, как утопающий за соломинку, пытаясь устоять на ногах.

Когда она припала к нему, ей показалось, что в нее вдох-

нули новую жизнь. Груды ее налились и затвердели, прижавшись к его мускулистому сильному торсу. Он нежно потерся о них, и с его уст сорвался стон счастья. Его руки ласкали ей спину, нежно глядя ее, путешествуя по бокам, слегка щекоча ребра. Вот одна рука властно скользнула вниз и замерла на пояснице. Осторожно, словно хрупкую игрушку, он крепко прижал ее к себе.

Почувствовав его возбуждение, она испытала шок, который тут же сменился инстинктивным желанием глубже проникнуть в эту тайну. Она прильнула к нему, и тогда он утратил последний контроль над собой. Его поцелуй превратился в настоящее исследование глубин. Пытливый языком, жадными зубами, губами, пробующими все на вкус, он обшаривал ей рот.

Он целовал жадно и страстно, словно маленькими глотками пил этот поцелуй, желая продлить его до бесконечности. Он был смелым и скромным, пылким и нежным. Он то требовал, то просил. Ли испытала восхитительное, страстное чувство, ее тело пронзило желание, ее ответный поцелуй был исполнен любовного томления.

Они смогли оторваться друг от друга, лишь почувствовав, что начинают задыхаться. Продолжая сжимать ее в объятиях, он своей пылающей щекой прижался к ее щеке. Их тяжелое дыхание эхом отдавалось в комнате.

Вдруг он отпустил ее и ласково погладил по волосам. Затем, слегка наклонившись, запечатлел на ее устах невинный,

целомудренный поцелуй.

– Спокойной ночи. Ли. Я дам о себе знать. – И уже у дверей, словно вспомнив о чем-то важном, добавил:

– Спасибо за ужин.

Глава 3

Прозвенел будильник, но Ли долго еще лежала в кровати. Он мог бы и не звонить. Рассвет только принес избавление от бессонной ночи, которую она провела, ворочаясь в постели и тщетно пытаясь успокоиться.

В ее потрясенном воображении стояла одна и та же картина. Чад взял со стула свой темно-синий пиджак, надел его и вышел из комнаты. Обернулся, чтобы помахать ей рукой, и ласково подмигнул. Несколько мгновений она стояла, тупо глядя на дверь, не зная, было это или не было и существовал ли Чад Диллон вообще.

Что он за человек? При первой встрече он показался ей неопытным и даже опасным. Но он так сумел войти в ее положение, проявил такое участие, что она изменила свое мнение. К тому времени, когда он оставил ее в больнице, она считала его хорошим, но простым человеком, и вот вчера он открылся с новой стороны. Он был элегантно и изысканно одет, его манеры свидетельствовали о хорошем воспитании, о его обаянии не стоит и говорить. А этот поцелуй...

Он ее заинтриговал, этого нельзя отрицать. Ведь она так и не знала, где он живет, чем зарабатывает на жизнь. Он по-прежнему оставался для нее незнакомцем, который заглянул в окно ее автомобиля.

Но ведь она ответила на его поцелуй со страстностью, ка-

кой даже и не подозревала в себе. Она никогда не считала себя особо чувственной. У них с Грегом была умеренная, спокойная половая жизнь, хотя, возможно, порой они занимались любовью как-то слишком торопливо. Она никогда не испытывала того возбуждения, какое нашло на нее вчера, когда ее поцеловал Чад. Она делила с Грегом постель, потому что это было частью ее любви к нему. Но сейчас у нее вдруг возникло предчувствие, что близость с Чадом может превратиться в нечто такое, чего она даже не могла вообразить. Это будет что-то самоценное, в чем будет вся ее жизнь.

Он ушел, а она еще долго ощущала приливы возбуждения, доселе незнакомого ей, у нее сосало под ложечкой, ныла грудь, в горле стоял ком.

Она легла в постель; ей было приятно ощущать мягкость простыней на бедрах и икрах. От ее волос исходил еле заметный запах его душистого, с лесным запахом, одеколona. Она ворочалась в кровати, и каждое прикосновение ночной рубашки к груди заставляло ее с новой силой ощущать прилив желания. Она, попыталась унять волнение, прижав к груди подушку, но была разочарована ее податливой мягкостью. Разве можно сравнить с твердой, мускулистой грудью Чада!

С невиданной прежде остротой она ловила каждый звук, каждый запах, каждое прикосновение; ее язык желал вновь и вновь ощущать сладостный вкус Чада, и она то и дело облизывала губы, слегка припухшие от поцелуя. У нее было впечатление, что ее чувства, долгое время находившиеся в спяч-

ке, вдруг ожили и закружились в водовороте новых, неиспытанных страстей. Ее мысли уносились в долину сладострастных грез.

Она хотела мужчину.

Ее лицо залила краска стыда, и она головой зарылась в подушку, прижатую к груди. Господи, когда же это было в последний раз? Больше года назад. Она умирала от смущения, ей казалось, что молодой матери негоже думать о подобных вещах, но она твердо знала, что хочет ощущать мужчину рядом с собой, внутри себя.

Нет, не просто какого-то мужчину. Ей нужен был Чад.

И даже теперь, при свете утра, наваждение не прошло. «Как все это глупо, смешно», – сказала она про себя, вставая с постели и накидывая толстый махровый халат – ночью подул сильный северный ветер.

Когда Ли склонилась над колыбелькой, Сара как раз принялась ворочаться.

– Здравствуй, крошка, – проворковала Ли, поворачивая дочку на спинку. – Сейчас мы переоденемся, покушаем, – приговаривала она, меняя пеленки. – Наверно, он больше никогда не придет, – рассказывала Ли малышке. – Он приходил лишь для того, чтобы удовлетворить любопытство. Хотел удостовериться, что у нас все хорошо. – Ли сменила новый подгузник и понесла Сару в кухню. – Ну и что из того, что он поцеловал твою мамочку, – продолжала она. – У него хорошо поставленный, профессиональный поцелуй. Трудно

даже представить, сколько женщин он перецеловал, чтобы так отработать технику. Наверно, у него в последний момент сорвалось свидание, вот он и не нашел ничего лучшего, чем явиться к нам. А ты что думаешь по этому поводу?

Сара пускала слюни, выражая свой восторг при виде овсянки с персиками, которой кормила ее Ли.

– Он, конечно, очень привлекательный. Высокий, стройный... сильный. Сара, когда он прижимал меня к себе, мне хотелось раствориться в нем, слиться с ним в единое целое. Но он не мужлан, – поспешно добавила она, вытирая ребенку рот влажной салфеткой. – Я бы не хотела, чтобы у тебя сложилось такое впечатление. Он властный, но нежный. Его рот... руки... Интересно, что чувствуешь, когда они... впрочем, я и так знаю – ведь он прикасался ко мне, когда ты рождалась на свет. Но то было совсем другое дело. Совсем не похоже на занятие... Господи, почему же я думаю об этом? Когда вырастешь, дочка, ты сама поймешь.

Во все время завтрака Чад оставался главным предметом разговора, но Сара, казалось, не имела ничего против. Принимая ванну, она продолжала слушать откровения матери. Но даже тогда, когда они оделись и собрались уходить, тема Чада Диллона еще не была исчерпана до конца.

– Мне бы хотелось, чтобы возникало впечатление, будто они парят в воздухе, а не просто свисают с потолка, – сказала Ли обступившим ее рабочим. – Понимаете? Олень Санта-Клауса должен лететь. Так что мы их повесим, ну, допу-

стим, – она посмотрела на зеркальный потолок галереи, – на расстоянии двух с половиной футов от потолка. Как минимум. Эта леска достаточно прочная, порваться не должна.

– А если все-таки порвется и этот громадный олень свалится на голову какому-нибудь незадачливому покупателю? (Она сразу узнала этот голос, прозвучавший так близко от нее, низкий и густой. Обернулась и увидела Чада, стоявшего у нее за спиной.) Привет, – улыбнулся он. – Я предъявлю иск, если ваш Рудольф свалится мне на голову, когда я приду за покупками к Рождеству.

– Вряд ли он причинит вам какой-нибудь вред, – насмешливо заметила она. – Он из папье-маше, к тому же пустой внутри.

– И я тоже. Я хочу сказать, пустой. Как насчет того, чтобы пообедать?

Он вновь превратился в ковбоя, только на этот раз его облегающие джинсы были новыми и чистыми. На нем была голубая клетчатая ковбойка и шерстяной жилет; в руках он держал широкополую фетровую шляпу. Ли не смогла удержаться и посмотрела на его ноги, но вместо грязных поношенных башмаков увидела пару начищенных до блеска черных туфель из крокодиловой кожи.

– Привет, Чад, как дела?

Ли остолбенела, поняв, что рабочие знают его.

– А-а, Джордж, Барт, я вас приветствую. У меня все хорошо. Эй, Хэл, как ты?

– Терпимо. Ну, что, как с работой? Есть что-нибудь стоящее?

Чад украдкой взглянул на Ли.

– Да нет, так, ничего особенного.

– А я слышал, что...

– Джордж, я пришел сюда, чтобы пригласить любимую женщину на обед, и не собираюсь заставлять ее слушать нашу болтовню.

Мужчины засмеялись и с интересом посмотрели на Ли. До сих пор они видели в ней только специалиста, но теперь оценили как женщину. Она почувствовала, как кровь прилила к щекам, когда Чад обнял ее за плечи. Она попыталась успокоиться и посмотрела на часы.

– О, как раз пора обедать, – сказала она рабочим. – Встречаемся здесь, ну, скажем, в час.

– Скажем, в два, – поправил Чад. Это замечание вызвало новую волну смеха, понимающих взглядов и заговорщи-ческих подмигиваний. Чад пришел Ли на помощь и быстро увел ее.

– Где твой офис?

– Возле Саковица.

– Надо захватить пальто. На улице прохладно.

– Зачем нам куда-то идти? Здесь есть неплохой бар, где подают салаты...

– Заячья еда, а я на самом деле проголодался. Кроме того, помнишь, я обещал Саре, что подкормлю тебя. – Он не дал

Ли открыть рта, хотя та собиралась протестовать, и спросил:

– Кстати, а где Сара?

– У меня есть соседка, которая устроила что-то вроде яслей. Когда мне приходится уходить надолго, я оставляю Сару у нее.

– Да, чуть не забыл. Он достал из кармана жилета какой-то листок. – Здесь мой телефон. Его нет в справочнике, потому что я живу за городом. Зачем загромождать телефонную книгу лишней информацией?

– Спасибо, – поблагодарила Ли, не зная, когда и при каких обстоятельствах ей представится случай ему позвонить.

– Звони в любое время, не стесняйся. – И он улыбнулся своей обворожительной улыбкой.

Им навстречу попадались покупатели, раздраженные, куда-то спешащие или просто ко всему безразличные. Наконец они оказались возле небольшой комнатушки, которую администрация предоставила в распоряжение Ли. Помещение находилось между мужской и дамской комнатами, возле телефонов-автоматов. Ли взяла сумочку и пальто, и они направились к выходу.

Пикап был все такой же грязный, в нем по-прежнему лежал какой-то хлам, к тому же из-за холодной погоды он никак не желал заводиться. В конце концов Чаду кое-как удалось вернуть его к жизни и вывести со стоянки. Он явно уже принял решение, куда ехать, поэтому у Ли даже ничего не спросил.

– Чад, так ты живешь в Мидленде? Откуда Джордж и другие тебя знают?

– Я родился здесь и все двенадцать лет проучился в местной школе, а уж потом отправился в колледж, так что старожилы хорошо помнят и меня, и моих стариков.

Она переварила полученную информацию, а потом спросила:

– А ты и сейчас живешь здесь?

– Да, но я много путешествую.

– По работе?

Он повернул налево, а потом коротко бросил:

– Нет.

Она прочистила горло.

– А чем ты занимаешься? Почему Джордж спросил тебя о работе? Ты всегда ремонтируешь самолеты? – Она знала, что неподалеку от Мидленда есть контора, где можно взять самолет напрокат. К тому же у многих нефтяных магнатов были собственные аэропланы.

– Ну, разве что иногда.

Он остановился у ресторана, выскочил из машины и распахнул перед ней дверь. Пока они шли к двери, сильный, порывистый ветер чуть не сбил их с ног. Сначала Ли не обратила внимания, куда они идут, но когда они попали внутрь, ее нос подсказал ей, что они в ресторане, где готовят мясо – барбекью. Здесь царил острый, густой и пряный запах специй, приправленный дымком.

Из музыкального автомата доносился голос Вилли Нельсона, который призывал мамочек не разрешать своим деткам становиться ковбоями. За столом, протянувшимся на всю длину зала, сидели бизнесмены в костюмах-тройках, подсобные рабочие с нефтепромыслов в замасленных джинсах и пастухи в сапогах на высоких каблуках для верховой езды.

Чад взял Ли под руку и провел к одному из немногочисленных отдельных столиков, расположенных возле затемненных окон, покрытых копотью и жиром. Он скользнул на красное дерматиновое сиденье напротив Ли, бросил шляпу на подоконник тульей вниз и каким-то мальчишеским движением взъерошил волосы. Ли нашла этот жест крайне привлекательным.

– Давай, я повешу пальто, – предложил он.

– Не надо, я положу его здесь, – ответила она.

– Очень красивый костюм, – похвалил он, обводя взглядом пуловер из черного букле, который вызывающе облегал ее грудь, широкий пояс, сплетенный из ярких разноцветных нитей, красиво облегавший талию. Узкие шерстяные брючки подчеркивали стройность ее бедер и ног. – Или я должен сказать, что это ты своей красотой делаешь костюм необыкновенным?

– Спасибо. Ты тоже неплохо выглядишь. – Она надеялась, он не очень рассердится за этот невыразительный комплимент, но не могла же она сказать ему правду: что он выглядит настолько сексуально, что у нее просто нет слов.

Он помахал очумевшей от посетителей официантке, и она направилась к ним через зал.

– Что ты будешь пить? – спросил Чад у Ли.

– Чай со льдом.

Он широко улыбнулся.

– Хочешь ты того или нет, но ты становишься настоящей жительницей Техаса. Чай со льдом здесь пьют не только летом, его у нас пьют круглый год.

– Привет, Чад, – приветствовала его официантка, подходя к столику. Ее увесистый зад выпирал из бледно-голубого форменного платья, из-под крашенных под седину волос, обильно политых лаком, свисали безвкусные сережки с фальшивыми бриллиантами. Ее яркий макияж был бы более уместен где-нибудь в Лас-Вегасе, и Ли пришли на память добросердечные владелицы салунов из вестернов. – Как дела?

– Прекрасно, Сью. Как Джек?

– Все такой же толстый и глупый.

– Разве он когда-нибудь был иным? – Она игриво хихикнула. – Где ты пропал? Мы ждали тебя на танцевальный марафон пару недель назад.

– Меня не было в городе.

– Повезло с работой?

Он пожал плечами, показывая, что ему неприятен этот разговор.

– Познакомься, это Ли Брэнсом. Она бы выпила стакан

чая со льдом.

– Привет, Ли! – Сью широко улыбнулась, обнажая два ряда золотых зубов. – А ты. Чад? Что будешь пить?

– У вас найдется холодное пиво?

– А разве оно у нас когда-нибудь отсутствовало? – Сью опять засмеялась. – Сейчас принесу вам выпить и приму заказ.

– Ты любишь барбекью? – спросил он у Ли, раскрывая меню, явно выдавшее лучшие дни.

– Да, – медленно выговорила она. Это был правильный ответ.

– Но?.. – Он ждал продолжения.

Она улыбнулась.

– Но обычно я не ем столько на обед.

Он положил локти на стол и приблизил лицо к ней.

– Ты что же, не ела калорийную пищу, когда кормила Сару?

Ли всю словно жаром обдало; она поспешно опустила глаза. Взгляд ее упал на сжатые руки Чада, лежавшие на столе между завернутыми в салфетку серебряными приборами. Красивые, сильные, загорелые руки, покрытые темными волосами. Она знала, какими заботливыми, успокаивающими они могут быть. Он гладил Сарину щечку, когда она еще была липкой от околоплодных вод. Он видел, как Ли обнажила грудь и дала ее дочке. Он гладил девочку по щеке, когда она сосала материнскую грудь!

И вот почему-то сейчас его слова смутили Ли. Вчерашний поцелуй все поменял. Тот, в больнице, не считается, он был лишь своего рода поздравлением, похвалой за хорошо выполненную работу. Но вчера вечером было нечто иное. Его губы, язык всколыхнули в ней вихрь страстей, каких она даже не подозревала в себе, и теперь, о чем бы они ни говорили, все приобретало дополнительный, сексуальный смысл. Но, может быть, это ощущает только она? А он...

– Ли!

Она вскинула голову и поняла, что он прочитал ее мысли.

Его прекрасные голубые глаза, казалось, видели ее насквозь, срывая покровы тайны с самых заветных ее мыслей. Она вопросительно посмотрела на него.

– Да, я все помню, – произнес он еле слышно, так, что могла услышать только она. – Я помню каждую мельчайшую деталь – как ты выглядела, какой податливой была, цвет твоей кожи, все-все-все, С тех пор я храню эти воспоминания, ношу их с собой, бережно перебираю их. Чаще всего, когда остаюсь один. В постели перед сном. И каждый раз умираю от желания вновь прикоснуться к тебе, как это было в тот день. Да, я помню. И считаю, что ты вправе об этом знать.

Они оба вздрогнули, услышав за спиной резкий голос.

– Ну, как, выбрали, что будете есть? – спросила Сью, держа карандаш над блокнотом.

Чад откашлялся.

– Ли, ты как?

Даже не заглянув в меню, она быстро произнесла:

– Сандвич с жареным мясом, пожалуйста. – Ли едва ли понимала, что говорила. Слова скорее напоминали набор звуков, чем человеческую речь.

Чад сказал:

– А мне два сандвича с соусом, но без лука. – Казалось, он полностью справился с собой после признания, прозвучавшего мгновение назад, и лукаво улыбнулся Сью. – И еще жареный картофель. Две порции.

– Я приготовила твой любимый салат из капусты со сметаной, – сообщила Сью.

– Два салата из капусты.

– Чад, я вряд ли смогу... – слабо попыталась протестовать Ли, но тут же осеклась, поймав строгий взгляд своего спутника.

Сью хихикнула, – На этот раз у тебя худенькая, – заметила она.

Чад не отрывал глаз от лица Ли, которая была явно смущена.

– Такие мне нравятся больше всего, – не моргнув глазом, заявил он.

– А от тебя, милый, все без ума. – Сью потрепала его по щеке и пошла выполнять заказ.

Как Ли поняла позже, это были не пустые слова. Пока они поедали все это невероятное количество еды, с Чадом переговорили буквально все находившиеся в ресторане женщины.

ны. Вот к ним подошли три дамы, явно завсегда и загородных клубов для избранных, все с волосами, выкрашенными под седину, ухоженными ногтями и гроздьями золотых побрякушек. Как истинный кавалер. Чад представил их Ли, но они не обратили на нее ни малейшего внимания.

Одна из женщин ласково положила руку Чаду на плечо и проворковала:

– Бубба наконец-то устроил мне бассейн прямо в доме, как я хотела. В него можно заливать горячую воду, а посередине там бар. Мы сейчас как раз туда, развлечемся, погреем косточки в теплой водичке. Ты тоже приезжай. В любое время, когда захочешь. Холодная выпивка и горячий бассейн. От такого трудно отказаться. Считай, что у тебя постоянно действующее приглашение.

«Приглашение воспользоваться бассейном, выпивкой и Буббиной женой, – кисло думала Ли, когда компания удалилась в облачке пахнущих мускусом духов. – Откуда бы механику по самолетным двигателям знать таких роскошных, богатых женщин? Интересно, насколько близко они знают его?»

Но жена Буббы с приятельницами были не единственными, кому нравился Чад. Выходившая из ресторана пожилая чета остановилась возле их столика, и женщина воскликнула:

– Чад, мой милый мальчик! Ну, как ты? – Она крепко обняла его и расцеловала в обе щеки, – Я так давно тебя не ви-

дела! Где ты был? Все работаешь? Как мама? Я только вчера говорила мужу, что уже миллион лет не встречалась с твоими родителями. Нынче все так заняты... Наш городок был намного лучше, пока сюда не понаехал всякий сброд. Представляешь себе, я совсем не вижу старых друзей!..

– Мистер и миссис Ломаке, позвольте представить вам Ли Брэнсом, – вежливо перебил ее Чад.

– Очень приятно, – едва успела вымолвить Ли, прежде чем дама начала очередной монолог.

– О, какая прелестная женщина! Ничего удивительного, за Чадом всегда девушки ходили хвостом. Мои ребята даже ему завидовали. Да, Чад всегда был милым мальчиком, таким красивым, но никогда не задавался! Хороший мальчик, я всегда это говорила, правда, отец? Чад Диллон – хороший мальчик.

Но «отцу» так и не удалось вставить слова, прежде чем словоохотливая жена вывела его из ресторана.

– Я прошу у тебя прощения, – проговорил Чад. – Вот что бывает, когда знаешь слишком много людей. Никакой личной жизни.

– Ну что ты, все хорошо, – еле слышно произнесла она.

– Нет, не хорошо, я хотел побыть с тобой наедине. – С минуту его глаза смотрели на нее, и она обнаружила в глубине их страстное томление. – Ты больше ничего не хочешь?

Ей почти удалось доесть говядину и немного поклевать салат из капусты с жареным картофелем, но к хлебу она даже

не притронулась.

– Да, все было так вкусно, но я уже сыта, – сказала она.

– Тогда пойдем отсюда. Разве что ты предпочитаешь целоваться в общественных местах, – многозначительно добавил он.

Мурашки побежали по ее коже, все тело объела сладкая истома. Она неловко вылезла из-за стола, поддерживаемая за локоть. Он заплатил по счету в кассе, расположенной в старомодной будке. Там продавались сигары, жвачка, таблетки от желудка, леденцы, дорожные карты, брелки и керамические пепельницы в форме броненосца.

Они вернулись к торговому центру. Чад остановил машину как можно ближе от входа.

– Когда твой олень начнет свой полет?

– В воскресенье накануне Дня благодарения.

– Накануне?

– Да. Понимаешь, пятница и суббота после Дня благодарения – это дни, когда совершается максимальное количество покупок. Рождественское убранство должно быть готово к этому времени, чтобы создать у покупателей хорошее настроение. А поскольку монтаж производится, только когда магазин закрыт, то это, конечно же, будет воскресенье.

– Вы совсем как эльфы, которые являлись в полночь и шили башмаки сапожнику и его жене.

– Ты знаешь эту сказку? Он изобразил обиженный вид.

– Мамочка рассказывала мне на ночь сказки, как все ма-

мочки на свете. Чем я хуже других?

– Ты был таким милым мальчиком, – пропела Ли голосом миссис Ломаке. – Очень хорошим мальчиком.

Чад застонал.

– Должен тебе сказать, что я собираюсь сменить имидж, по крайней мере, с тобой. Прямо сейчас.

Он взял ее голову и притянул к себе.

– Боюсь, ты не оценила усилий, которых мне стоило мое сегодняшнее воздержание. Во время обеда все мои мысли были только об одном.

Его губы, были теплыми, жадными, требовательными. Он ждал, что она ответит на его ласку, и не ошибся. Губы Ли раскрылись при первом его прикосновении, и все чувства, все мечты, которые она силилась подавить, с новой силой ожили в ней. Поцелуй воспламенил все ее существо. Движения его языка подчинялись причуде, капризу, он жил словно сам по себе, но главное, что им двигало, – была страсть.

Он оторвался от ее рта, провел губами по щеке и прошептал на ухо:

– Ты по-прежнему считаешь меня хорошим мальчиком? – Его дыхание возбуждало ее не меньше, чем жадные, ищущие губы.

– Нет, – еле слышно выдохнула она. – Нет.

Он взял ее руку, поднес к губам и нежно поцеловал ладонь. Сердце бешено стучало у нее в груди.

– Я не знал, как ты отнесешься к моему вчерашнему появ-

лению. Поэтому я и не позвонил. Боялся, что ты откажешься видеть меня.

– Напрасно.

– Я не хотел рисковать, я должен был увидеть тебя.

– Зачем, Чад, зачем?!

Большим пальцем он поглаживал пульсирующую жилку у нее на запястье. Вновь поднеся ее руку к губам, он снова заговорил, обжигая дыханием ее пальцы:

– Потому что с тех пор, как мы расстались в больнице, я не мог думать ни о ком, кроме тебя.

– О женщине, у которой принимал роды?

– Нет. – Теперь его беспокойные пальцы теребили мочку ее уха. – О женщине, с которой я мечтал познакомиться поближе. О той, что, наверное, чувствовала себя опустошенной после всего, что с ней произошло. Господи, ну и вид у меня был в тот день. Ты, должно быть, до смерти перепугалась?

– Только сначала. Ты был так добр ко мне.

– Ты была такой красивой.

– Я выглядела ужасно.

– Ты выглядела, как произведение искусства.

– Картина Дали.

– Делла Роббиа. Я сказал тебе об этом тогда и повторяю сейчас. С каждой нашей встречей ты становишься все желаннее для меня.

Он снова приник к ее губам, словно выпивая ее до дна. Она была не властна над собой, не могла сопротивляться

мягкому напору его губ. Когда он оторвался от ее уст и приник к шее, все ее тело сотрясала дрожь, она чувствовала, что слабеет, что кружится голова. Он нежно гладил ее – по спине, по бокам, опасно приближаясь к груди. Вот его палец прикоснулся к мягкому бугорку.

– Чад, – пролепетала она, задыхаясь и отталкивая его. – Я... мне нужно на работу! – Она старалась не смотреть на него, нервно поправляя одежду.

Мгновение он смотрел на нее. Она знала, что он вглядывается в ее лицо, хотя сама не поднимала глаз от складки на брюках. Наконец он тяжело вздохнул и открыл дверцу пикапа.

Он помог ей выйти из машины, и они побежали через стоянку; в лицо им хлестал ледяной ветер. Перед входом в магазин он остановил ее, своим телом защитная от ветра.

– Я приду сегодня? – Он видел, что она колеблется, боится чего-то, что она уже готова сказать «нет». – Может быть, я тороплю события, Ли?

Все мысли и тайные желания прошлой ночи пронеслись у нее в голове, но она откинула их. Она знала, что не может позволить себе мимолетную, случайную связь. Нужно было думать не только о себе, но и о Саре, а простая интрижка могла скомпрометировать их обоих. Так просто согласиться на то, чтобы Чад стал ее любовником, но секс ради секса – это не для нее. Надо сразу все поставить на свои места.

– Если ты рассчитываешь на быструю победу, то я не из

таких, – жестко сказала она.

– Я знаю. Я и сам предпочитаю заниматься любовью обстоятельно, не спеша.

Он улыбнулся своей неотразимой улыбкой, прекрасные глаза сверкнули лукавством. Как и Буббина жена, как старая миссис Ломаке, как Сью и ее собственная дочурка Сара, Ли не смогла устоять перед его обаянием. От ее суровости не осталось и следа.

– Так я приду вечером? – настойчиво повторил он.

– Ужинать? – спросила она, сдаваясь.

– Нет, – с сожалением ответил он. – Примерно до девяти я буду занят. Или это слишком поздно?

– Нет.

– Ну, и отлично. – Он быстро поцеловал ее и удивился, услышав ее смех. – В чем дело?

– Меня еще никогда не целовал человек в ковбойской шляпе.

Его пронзительные голубые глаза посмотрели на нее сквозь лес темных ресниц.

– Привыкай, – только и сказал он. Он распахнул тяжелые стеклянные двери, и они пошли в ее кабинетик. Бригада монтажников толпилась возле фонтана, там, где она их и оставила.

– Увидимся около девяти. Он легонько пощекотал ее подбородком. – А сейчас беги снимай пальто и что там еще делают дамы, когда так подолгу торчат в дамской комнате. Я

скажу ребятам, что ты скоро будешь. Он кивнул в сторону рабочих, ожидающих ее.

– Спасибо за обед. Жду тебя к девяти.

Пробило десять. Пирог, который испекла Ли, давно остыл. Сара уснула в своей колыбельке, а Чад так и не пришел.

Она неплохо поработала во второй половине дня: обговорила все детали рождественского убранства с выделенной для этих целей бригадой монтажников. Они все готовы были выйти на работу в следующее воскресенье. «Вряд ли возникнут какие-то сложности», – подумала Ли.

Состоялась встреча с представителями комитета домовладельцев из престижного района города: они хотели заказать рождественское убранство для всех домов квартала, но никак не могли сойтись на цветовом решении. Ли места себе не находила от нетерпения, так что ей даже пришлось им напомнить, что время идет.

– Если вы хотите, чтобы помещения были украшены ко второй неделе декабря, то прошу известить меня к концу той недели, – попросила она.

Они согласились, и она побежала за Сарой. Она играла с малышкой, пока та не устала, а потом уложила ее спать. И даже успела принять ванну и слегка подкраситься.

Она посмотрела на себя в зеркало и засмеялась от удовольствия. Было неизъяснимо приятно наряжаться для муж-

чины. Давно она уже не помнила себя такой радостной и возбужденной. А вдруг Чаду покажется, что она уж слишком из кожи вон лезет? Вдруг он решит, что она, одинокая вдова, готова кинуться на первого встречного неженатого мужчину? Вдруг он подумает, что она просто набивает себе цену, говоря, что не согласна на мимолетную связь?

«Успокойся, Ли», – уговаривала она себя. Но как же трудно изображать безразличие, когда каждый раз, думая о нем, начинаешь обмирать и задыхаться, словно подросток. А он добивался ее с той настойчивостью, которая и льстит, и пугает.

Но часы шли, он не звонил, и Ли начала думать, что была слишком самонадеянной, что она обманывала себя. Ведь вся женская половина города без ума от Чада, в этом она убедилась за обедом. Так зачем же ему она, появившаяся в его жизни при обстоятельствах, которые в самую последнюю очередь способны вызвать страсть, да к тому же с ребенком? Ведь он настоящий мужчина, это так очевидно! И вот теперь, когда она призналась ему, что не подходит для мимолетной интрижки, он охладел к ней. Вдова, не проявляющая особого рвения, к тому же еще с ребенком, – это не в его стиле.

– Сама виновата, болтушка, – пробормотала она. Зачем было вообще что-то говорить? Он поцеловал ее при ярком свете дня в своем автомобиле. Почти коснулся ее груди. Ну и что? Может, это случайно? Может, он потерял голову, когда она целовала его? Разве может нормальный мужчина от-

вечать за свои действия, когда женщина отвечает на его поцелуй с той пылкостью, какую выказала она? Что это она замущалась, как монашка какая-то?

Почему, когда его ищущая рука подбиралась к ее груди, она не могла просто с мягким укором шутливо шлепнуть его? Жена Буббы сумела бы сказать «нет» и изобразить что-нибудь в духе «когда мы получше друг друга узнаем». «Но я не жена Буббы», – грустно подумала Ли. Мать про таких, как она, говорила: «благовоспитанная девушка из хорошей семьи». Да, она воспринимает секс серьезно и до первой брачной ночи сохранила девственность. Она...

Резкий звонок в дверь прервал ее мысли. Она вскочила с дивана. Подавив порыв со всех ног броситься к двери, она три раза глубоко вздохнула и медленным шагом пошла открывать. Чад стоял, прислонившись к косяку, и раскрывал ей объятия. Не двигаясь с места, он наклонил голову и поймал губами ее губы.

Она хотела было оказать ему сопротивление, устроить допрос, почему он так поздно пришел, напомнить о том, что не приглашала его ночевать, но его поцелуй заставил ее забыть обо всем. Он медленно опустил руки и крепко прижал ее к себе. Она инстинктивно прильнула к нему, слившись с ним в одно целое.

– Извини, что опоздал. Я ничего не мог поделать. Честно, – страстно прошептал он.

– Я знаю, – услышала она свои слова. Она словно переста-

ла существовать, растворившись в этом поцелуе. Он сжимал в руках ее лицо, глядя губы большими пальцами.

– Мне нравится... ты всегда так одета... тебе все очень идет.

– Я только сегодня купила... – Как только она увидела в витрине этот длинный, украшенный вышивкой восточный халат, она сразу же купила его. Именно такой и был ей нужен, чтобы коротать дома вечера... с Чадом. «Прекрати, перестань думать об этом», – одернула она себя.

– А у меня для тебя сюрприз!

– Ты купил мне подарок? – воскликнула она, и сердце снова забило в груди.

Он достал из-за спины две нарядно оформленные коробки.

– Открывай сначала большую.

Она взяла коробки и уселась на диван, а он тем временем снял пальто и присел на корточки перед ней.

– О, не может быть! – воскликнула она, доставая из коробки кофеварку. – Интересно, а что же в другой?

– Ты угадала, три фунта кофе, – сказал он, потирая руки от удовольствия. Она засмеялась. – Что тут смешного?

– Ничего, но у меня тоже сюрприз. Пойдем на кухню.

Озадаченный, он последовал за ней и не мог сдержать смеха, обнаружив там точно такую же кофеварку. Рядом с ней на столе стояла коробочка с кофе.

– Ты ходила в тот же магазин? – Он взял ее руки в свои,

и они стояли так некоторое время. – Не означает ли это, что ты собираешься часто поить меня кофе?

– Кажется; ты сам этого хотел, – в тон ему ответила она.

Он с такой пылкостью притянул ее к себе, что она чуть не упала. Жадные руки зарылись в каштановую гриву волос и откинули ей голову назад, чтобы до конца насладиться поцелуем.

Она осторожно обняла его за талию, сначала едва касаясь, а потом принялась гладить, ласкать его тело, восхищаясь крепостью мышц. Затем растопыренными ладонями она обхватила его за спину.

– О, Ли, – выдохнул он, отстраняясь от нее. – Если мы начнем Прямо сейчас, боюсь, у меня будет мало шансов отведать кофе.

Сейчас? То есть он хочет сказать, что они потом начнут с того места, где остановились?

– И попробовать мой шоколадный торт, – добавила она.

– Конечно, есть и другие вещи, которые я хотел бы немедленно попробовать, но давай начнем с шоколадного торта.

Начнем? Она нервно поправила волосы.

– Почему ты не варишь кофе? А я пока нарежу торт. – «Они слишком разошлись, надо немного сбавить темп», – подумала она. Чад лишь отвечал на призыв, который она через телепатическую связь передала ему, несмотря на свою нерешительность, свое волнение.

Он рассказывал ей о своем проверенном способе варки

кофе, а она тем временем резала торт. Три чашки кофе и два куска торта, которые он проглотил, были ей хорошей наградой за труды.

– Как тебе удастся сохранять форму, если ты так много ешь? – поинтересовалась она, когда он за обе щеки уписывал шоколадную глазурь, покрывавшую торт.

– Тяжелая работа и хороший обмен веществ.

– Ты ходишь в Клуб здоровья? Или бегаешь? А может, играешь в теннис?

– Всего понемножку.

– А ты занимался спортом в школе и колледже?

– Так, немного.

– Чад Диллон, от тебя когда-нибудь можно добиться прямого ответа на поставленный вопрос?

– Иногда.

– О-о-о! – простонала она к его вящему удовольствию. Ли хотела шлепнуть его, но он ловко увернулся.

– У меня есть более надежные способы бороться с неприятностями, не говоря уж о калориях, – хитро подмигнул он, схватил ее за руку и потащил в гостиную.

– А торт... – запротестовала она.

– Подождет. И потом, мне кажется, ты намекала, что с меня достаточно. Но есть кое-что, чего мне еще недостаточно. Совсем недостаточно...

Она осталась стоять посреди комнаты, а он сел на диван и принялся стягивать с ноги башмак.

– Что... что ты делаешь? – медленно словно загнипнотизи-
рованная спросила она.

Почему она стоит как столб? Она должна немедленно по-
требовать ответа, зачем он снимает ботинки, почему так
комфортно расположился в ее гостиной и что, по его мне-
нию, они станут делать, когда он разденется?

– Почему ты снимаешь ботинки? – наконец выдавила она,
желая придать голосу суровость, но получилось как-то хрип-
ло и жалко.

– Потому что они жмут.

– О! – Это было слишком для оскорбленной невинности.

С мягким стуком на ковер шлепнулся второй башмак. Чад
не произнес ни слова, а лишь посмотрел на нее и протянул
ей руку. словно медиум по команде гипнотизера, она пере-
секла комнату и приблизилась к нему, на ходу скинув туфли.

Он усадил ее к себе на колени, так что ее бедра оказались у
него между ног, – спиной она чувствовала его крепкую грудь.

Одним нежным прикосновением он приподнял ей волосы
и поцеловал в шею. По телу у нее пробежала дрожь, когда
его мягкий и чуть шершавый язык возбуждающе коснулся
мочки уха.

– Чад... – простонала она. Ее никто никогда не целовал в
мочку, и она слегка повернула голову, чтобы ему было удоб-
нее. – Чад, – повторила она слабым голосом, – что ты дела-
ешь со мной?

– Изю всех сил стараюсь тебя соблазнить. Я пришел с чест-

ными намерениями, – его губы чуть искривились, когда он произнес эту банальную фразу, – но кажется, они совсем испарились. – Его руки обвились вокруг нее, он ближе привлек ее к себе. – Ни одна женщина не была мне так желанна, как ты, – хрипло произнес он. – Скажи, что ты тоже хочешь меня. Ли. Пожалуйста, я прошу.

Со свойственными ему нежностью и терпением он повернул ее к себе. Потом погладил рукой по щеке и приподнял за подбородок.

– Моя смелая, красивая Ли, позволь мне любить тебя.

Ли почувствовала, как вся ее решимость уходит, словно вода в песок.

– Да, – только и смогла промолвить она.

А потом их губы слились; поцелуй длился целую вечность, и они чувствовали, будто они части единого целого, наконец слившиеся воедино.

Ли поудобнее устроилась у него на коленях и склонила голову ему на грудь, словно там ей и было место. Чад продолжал ее целовать, а она расстегивала его рубашку и наконец ощутила мягкие, курчавые волосы у него на груди.

Он тем временем нашупал первую из завязок, на которых держался халат, и потянул. Тем же способом он развязал вторую и третью завязки. Ли затаила дыхание от сладкого предчувствия, но почему-то испытала разочарование, когда он поднял голову и взглянул на нее. Сквозь ткань халата он прижал руки к ее грудям.

Его ласка ошеломила, потрясла ее.

– Ты такая нежная, – прошептал он. – Податливая и упругая...

Она затаила дыхание, пока его рука путешествовала по ее груди.

– О Ли, Ли, – простонал он и зарылся лицом во впадину ее грудей, обнаженных его жадной рукой.

Он целовал ее нежное тело, оставляя на коже влажные следы, и каждое прикосновение его колючих щек к ее плоти заставляло ее трепетать. Соски ее стали твердыми от желания.

– Скажи, ты хочешь меня?

– Да, милый, да! – Она не могла уже думать ни о чем, кроме захлестнувшего ее страстного желания. Еще мгновение, и он прильнул губами к ее груди.

Он пил ее, сначала едва касаясь сосков губами, потом принялся нежно водить по ним языком. Язык гладил, трогал, сладостно нажимал. Ее пальцы ласкали волосы у него на груди, она крепко прижимала его к себе. Наслаждение нарастало, пока она наконец не почувствовала, что еще секунда, и она умрет. Он нащупал подол ее халата, приподнял его и погладил ей коленку. Его рука поднималась все выше... выше...

– Чад, – простонала она.

Его поцелуи жгли ей грудь, шею, рот. Оба сгорали от единого желания.

Он взял ее руку, бесцельно гладившую его грудь, и повел ее вниз, мимо не расстегнутых еще пуговиц рубашки, мимо медной пряжки на ремне, чтобы прижать к своей восставшей плоти? Потом стал покрывать поцелуями ее лицо, шею, обнаженное плечо. Он говорил прерывисто, голос его срывался:

– Ли, потрогай меня. Я... я не хочу причинить тебе боль. Уже прошло некоторое время... с тех пор, как родилась Сара. Ведь тебе не будет больно?

– Нет, нет, – выдохнула она, качая головой и мягким поглаживанием руки показывая, что доверяет ему.

– Милая...

Телефонный звонок резким диссонансом ворвался в покой комнаты. Они вздрогнули. Чад тихо выругался. Ли выпустила его из своих объятий и побежала к телефону.

– Алло!

– Диллон у вас?

Глава 4

Ли не сразу смогла прийти в себя после прерванных объятий и долго не понимала, что говорит голос в трубке.

– Диллон? Чад?

– Он у вас?

– Да. Минуточку.

Чад уже стоял рядом. От его взгляда ее ноги прилипли к полу, словно она была бабочкой на булавке у коллекционера. Он взял трубку из ее ослабевших рук.

– Да, – резко бросил он невидимому собеседнику. С минуту он слушал, глядя на нее своими пронзительными глазами, потом отвернулся. – Где? Совсем плохо? – Последовали несколько сдержанных ругательств. – Хорошо, буду через полчаса.

Он положил трубку, бросился к дивану и сунул ноги в туфли, преодолевая сопротивление жесткой кожи.

– Чад?..

– Ли, мне надо идти. Ты уж извини, нехорошо получилось.

– Кто это звонил? И откуда он узнал?.. Что?.. Куда ты идешь?

– По делу.

– По делу? Но зачем такая спешка?

– Видишь ли, это дело не терпит отлагательств.

Он надевал пальто, стараясь не смотреть на нее.

– Прости, что они позвонили сюда. Мне пришлось дать твой номер. – Он подошел к ней – она стояла ни жива ни мертва, приходя в себя после страстных поцелуев. Завязки свисали с халата, из-под которого было видно ее обнаженное тело. Она обхватила себя руками, пытаясь успокоиться. Внезапно ее обуял страх. Он положил руки ей на плечи и притянул к себе.

– Передай это Саре. – И он легко поцеловал ее в щеку. – Мне не довелось ее сегодня увидеть.

– Чад...

– А это тебе. – Он крепче прижал ее к себе и поцеловал с той грубоватой нежностью, которая ей так нравилась в нем. – А вот это уже для меня. – Крепкими руками он стиснул ее бедра, и она прильнула к нему, животом чувствуя, что его возбуждение еще не улеглось. Ненасытно, жадно он раздвинул языком ее губы, желая уловить и запомнить каждый их изгиб, сделать ее частью себя. Он пробовал ее на язык, стараясь навсегда сохранить в себе это впечатление.

Это объятие поглотило ее целиком. Жадно лаская ее, он терся бедрами о ее живот, грудью прижимался к ее груди. Его ласка была исполнена такого отчаяния, такой безнадежности, что она испугалась не на шутку.

У нее возникло ощущение, что он выпил ее до дна, втянув в себя, и она стояла опустошенная, когда он в последний раз взглянул на нее. Его глаза всматривались ей в лицо, проникая насквозь, словно лазерные лучи.

У нее задрожали губы.

– Чад...

– Я позвоню, как только смогу. Как только вернусь. Возможно... Короче, я не знаю, как долго я буду в отъезде. Но я вернусь.

За ним закрылась дверь, но она слышала, как он прошел по двору, как хлопнула дверца пикапа, заурчал мотор, и автомобиль уехал.

Оглушенная, она повернулась и обвела комнату растерянным взглядом, словно впервые видела ее. Вот диван – здесь еще мгновение назад Чад склонялся над ней. Теперь он пуст. И комната пуста. И пустота на сердце.

Прошло много дней. Ли пыталась выкинуть Чада из головы, но его образ по-прежнему преследовал ее. Он был рядом, когда она работала, играла с Сарой или сидела в гостиной перед телевизором – одна. Он был с ней, когда она ворочалась в своей одинокой постели; он являлся ей, когда она спала.

Может, он врач? Только врачи так срываются с места на срочные вызовы и оставляют телефон, по которому их в случае необходимости можно найти. Но голос, который звонил Чаду, был совсем не похож на приятный голос телефонистки. Это был мужской голос, грубый, требовательный.

А может, он преступник? И сообщники предупреждали его о какой-то опасности?

Господи, Ли, ты воображаешь себя героиней романа! Конечно же. Чад не преступник. Уж слишком он известен в го-

роде, всегда на виду. В тот день, когда они вместе обедали, она надеялась побольше узнать о нем. Она как бы невзначай, между делом, стала расспрашивать своих монтажников, которые, как ей показалось, были неплохо с ним знакомы. Но ее расспросы ни к чему не привели. За время обеденного перерыва все эти парни как-то невероятно поглупели и стали в один голос уверять ее, что понятия не имеют, чем сейчас занимается Чад. Зато зачем-то пустились в воспоминания, как здорово он когда-то играл в футбол.

День благодарения наступил как-то неожиданно, и она поняла, что на дворе праздник, только когда родители позволили в дверь. Им не понравилась ее идея приехать вместе с Сарой на праздники к ним в Биг-Спрингс.

– Тебе ничего не идет впрок, – выговаривала ей мать. – И так ребенок появился где-то на обочине, и принимал роды какой-то мужлан, про которого мы ничего не знаем. Он мог бы преспокойно бросить тебя, или убить, или еще чего похуже. – Ее всю так и передернуло.

Ли только покорно вздохнула и согласилась, чтобы они приехали к ней.

Они привезли с собой индейку и все необходимые приправы. Ли ела, не ощущая вкуса.

– Как ты себя чувствуешь, дочка? – спросил отец.

– Нормально, – с наигранной веселостью ответила она. – Я просто беспокоюсь, как продержатся мои рождественские декорации, вот и все. – «Господи, какая же я лгунья!» – по-

думала она про себя. Она конечно же думала о Чаде. Как он встречает День благодарения? И встречает ли? И вообще где он сейчас?

Весь день Сара куксилась, и Ли держала ее на руках, пытаясь успокоить.

– Наверное, у нее режутся зубки, – предположила мать.

– Она еще слишком мала, – возразила Ли.

– У тебя зубки появились в пять месяцев, – настаивала мать.

– Возможно, ты права, – устало ответила Ли. У нее не было сил спорить. Единственной ее мечтой было хоть что-то узнать про Чада. – У нее небольшое расстройство.

– Ну, вот, это верный признак, что режутся зубки.

Слава Богу, что родители рано уехали. Ли легла сразу же, как только уложила спать все еще капризничающую Сару.

– Ты тоже скучаешь о нем? – спросила она уснувшую малышку.

Несмотря на усталость. Ли не спалось. Она лежала с открытыми глазами и следила за тенями на потолке. Что она знает о Чаде Диллоне? Да ничего. Вместе они пережили такое! Он помог ее ребенку появиться на свет; а она практически ничего не знает ни о нем, ни о его семье...

Она так и подскочила при мысли об этом.

Семья! А вдруг он женат? Вдруг он с самого начала ей лгал? Или женился позже, после рождения Сары? Может, телефонный звонок был связан именно с этим? Должно быть,

его жена узнала, что он собирается завести роман...

Нет, тот звонок был продиктован чрезвычайными обстоятельствами. Чрезвычайными. Его, жена попала в аварию! Ведь Чад тогда сказал:

«Где?» и «Что, совсем плохо?». Точно, его жена и четверо детей разбились на машине!

Нет, этого не может быть! Она застонала и откинулась на подушки. Он не женат. Она не могла объяснить этого, но она почему-то была твердо уверена, что он не женат. Вокруг него было столько тайн, и ей так хотелось их разгадать. Кем он работает? Где живет? Почему он несколько месяцев выжидал, прежде чем ее навестить?

Ее мысли неизменно возвращались к тому вечеру, когда его внезапно заставил уйти телефонный звонок. Когда он целовал и ласкал ее, волнуя так, как никто никогда не волновал до него. Ей приходилось со стыдом признать, что ощущения, которые разбудил в ней Чад, были до сих пор ей неведомы. Грегу, как бы она его ни любила, никогда не удавалось вызвать в ней такую бурю чувств.

Она беспокойно ворочалась в постели, вспоминая его опытные, нежные руки, развязывающие тесемки на халате, его сдержанность – он не желал прикасаться к ней до тех пор, пока не был уверен, что она тоже хочет этого. Его руки не требовали ничего для себя, они дарили наслаждение. Его губы, терпеливые, знающие, доставляли ей то же удовольствие, какое получал от поцелуя он сам. Он не спешил, не старался

взять ее штурмом; он чувствовал каждый ее порыв, приспособившись к ней. У него, конечно же, было много женщин до нее...

Да разве удивительно, что он так нравится женщинам? Начиная с Сары и кончая старушкой миссис Ломаке там, в ресторане, – все обожали его, инстинктивно чувствуя в нем человека, способного любить. А какие уверенные, чувственные у него пальцы! Он умел быть неотразимым.

Ли опять застонала, вспоминая горячее и нежное прикосновение его губ к своим соскам, невыразимо приятное ощущение его языка на груди. Мужское начало в нем властно говорило о себе, проступало в каждом его движении, жесте. Как же ей хотелось быть сейчас с ним, ощущать на себе тяжесть его тела, чувствовать его силу, проникающую в нее...

Господи, что же такое с ней происходит? Ведь она была спокойной, рассудительной женщиной. Нельзя так распускаться. Она терпеливо сносит свою вдовью участь, одна растит дочурку, как и обещала родителям. Она не позволит сексуальным фантазиям, к тому же связанным с малознакомым человеком, уничтожить ее здравый смысл!

Приняв это историческое решение. Ли постаралась уснуть.

– Вот что я предлагаю, – говорила она членам комитета домовладельцев. – Каждая улица будет оформлена по-своему. Например, одна будет украшена леденцами, другая – колокольчиками, и так далее. В Далласе на складе есть все

необходимое. В леденцах зажигаются белые и красные лампочки, колокольчики звенят. Представляете себе, что это будет?

Пять членов комитета кивнули. Был вторник после Дня благодарения, и Ли встречалась с комитетом домовладельцев, чтобы окончательно решить, как они собираются украсить свои и без того роскошные дома. Поскольку члены комитета, похоже, не могли прийти к единому мнению, Ли решила предложить им то, что напрашивалось само собой.

– Мы развесим на домах, заборах и деревьях гирлянды лампочек. Это просто, но очень нарядно. А потом уж вы сами будете решать, ставить ли рождественскую елку или обойтись венком из еловых веток... Но я сегодня должна знать, что именно вы хотите.

Мужчина, которому явно все это надоело, сказал:

– Я согласен, и давайте заканчивать.

– Мне кажется, это слишком просто, – капризным голосом заметила одна из женщин.

– Я не спорю, просто. – Ли постаралась придать своему голосу любезность, которой отнюдь не испытывала. Она должна была получить хороший гонорар, поэтому сдержалась и не произнесла резких слов, которые уже готовы были сорваться с ее языка. – Если бы мы раньше к этому приступили, то можно было бы придумать что-нибудь поинтереснее. На следующий год подготовку надо начинать уже в сентябре. Но я обещаю, что и так будет хорошо. Вы сможете увидеть эти

огоньки на расстоянии в несколько миль.

– А когда мы сможет получить все необходимое? – спросил кто-то из присутствующих. — Ли знала, что с деньгами проблем не будет, поэтому она сказала:

– Я могу попросить поставщика прислать детали оформления: лампочки, опоры и все остальное, – самолетом. Если сегодня послать заказ, то мы получим груз в четверг, а за субботу и воскресенье все установим. Вы сами наймете электриков или это сделать мне? Те, кто работает со мной в торговом центре, не отказались бы подработать перед Рождеством.

– Прекрасно, – согласился нетерпеливый мужчина. – И у нас меньше головной боли.

– Хорошо. Так все согласны?

– Да, – ответила какая-то женщина.

– Вчера мы опросили всех владельцев домов, и они предложили нам право принимать решение. Только с Чадом не удалось переговорить.

– Верно, – заметил мужчина. – Я слышал, он сейчас где-то в Мексике.

При упоминании этого имени карандаш, до сих пор быстро бегавший по листу, вдруг вздрогнул в руках Ли и резко остановился; от сильного нажима сломался грифель. – Я слышал, там сейчас страшный пожар, – продолжал мужчина.

– Пожар? – с деланным спокойствием переспросила Ли. Неужели эти люди говорят о ее Чаде?

– Да. Один из жителей нашего района работает в фирме «Фламеко».

– «Фламеко»?

– Вы что, не слышали о «Фламеко»? – удивился мужчина.

– Н-нет, – запинаясь, выговорила она. – Я здесь совсем недавно.

– Да она известна по всему миру, а штаб-квартира ее здесь, в Мидленде. Эти ребята тушат пожары на нефтепромыслах. Вот так.

Щупальца страха подкрались к горлу, у нее перехватило дыхание. Она не могла говорить, а лишь молча кивнула. Может, это не ее Чад – не такое уж редкое у него имя.

– Представляете, Диллон поступил к ним, как только окончил колледж! Сколько же лет минуло с тех пор? В каком году был его выпуск? Помню, какая у него была обводка. Просто чудеса на поле творил! – Похоже, говорящий оседлал любимого конька.

Ли резко поднялась. Сумочка упала у нее с колен, и содержимое рассыпалось по полу. Трясущимися руками собирая выпавшие вещи, она проговорила:

– Если на сегодня все, то я пойду. Мне надо зайти на работу. Я еще позвоню, но имейте в виду, что все приготовления нужно завершить в воскресенье.

Нетвердой походкой она вышла из клуба домовладельцев и прислонилась к стене, жадно ловя ртом воздух. Значит, Чад в Мексике, тушит пожар на нефтяной скважине. Работа

требует большого профессионализма. Она очень опасна, но за нее так хорошо платят. «Господи, – вихрем пронеслось у нее в голове, – опять повторяется все, как с Грегом!»

Немного успокоившись, она медленно побрела по тротуару. И вдруг рассмеялась невеселым смехом: хорошо платят! Да, это квартал роскошных особняков, где живут одни миллионеры. А она-то думала, что он механик, да к тому еще и безработный, и он почему-то не опровергал этого мнения. Постепенно поднимавшаяся в ней волна негодования вытеснила чувство тревоги.

Она резко распахнула дверцу автомобиля, с грохотом хлопнула ее и поехала, не разбирая дороги, не глядя по сторонам, не желая знать, которая из этих богатых вилл принадлежит человеку, который обманывал ее или, по крайней мере, не говорил всей правды.

Слезы боли и унижения застилали ей глаза. Будь он проклят! Он держал ее в своих объятиях, осыпал поцелуями, а потом сбежал тушить пожар на какой-то скважине! Да как же такое может быть? Ведь с ним может произойти все что угодно!

– Она остановилась перед светофором, тело ее сотрясали рыдания. Чад знал, как она отнесется к его работе, поэтому скрыл от нее род своих занятий. Он незаметно вкрался ей в душу, вошел в ее жизнь, так что она замирала при одном виде его. Он стал необходим ей, прекрасно отдавая себе отчет в том, что, узнав о его профессии, она не согласится ему

принадлежать.

– Я ненавижу его за то, что он лгал мне! Ненавижу! – рыдала она. И, повторяя эти слова, понимала, что лжет себе. Ей было больно сознавать правду, которая становилась все очевиднее с каждой пролитой слезой. Но теперь Ли знала – она безумно влюбилась.

Ему было достаточно одного взгляда на ее замкнутое, суровое лицо, чтобы все понять.

– Тебе сказали!

– Да.

Прошла неделя с тех пор, как ей стало все известно о его работе, но обида и боль не проходили.

– Мне можно войти? – тихо спросил он.

– Нет.

Он вздохнул. Посмотрел на свою ковбойскую шляпу, потрогал пальцем поля.

– Я боялся этого. Боялся, что ты все узнаешь сама, прежде чем я успею тебе что-либо объяснить. – Он устремил на нее проницательный взгляд своих голубых глаз – в них застыло беспокойство. – Я как раз собирался тебе об этом рассказать.

– Да? Неужели? И когда же?

– Черт возьми! Ведь я знал, как ты отнесешься к человеку с такой опасной профессией!

– И был прав. Поэтому я была бы крайне тебе благодарна, если бы ты ушел.

– Но прежде мы должны поговорить.

– Чтобы ты снова сказал мне какую-нибудь ложь?

– Я никогда не лгал тебе.

– Но и правды не говорил, разве не так?

– Пожалуйста, разреши мне войти! С явной, даже какой-то демонстративной неохотой она отодвинулась, пропуская его в дом. Ей удалось скрыть, какое облегчение она испытала, увидев его живым и невредимым. Он был так красив! Длинные, красиво уложенные волосы, загорелое бронзовое лицо – это все мексиканское солнце! На нем была простая одежда, но джинсы и рубашка накрахмалены, до блеска начищены сапоги.

На Ли тоже были джинсы, правда, кое-где на них виднелись следы краски – она разрисовывала стену в комнате Сары. От частой стирки джинсы потерлись и обтрепались и стали какими-то уж слишком домашними. И свитер на ней тоже был какой-то неуклюжий, и была она босиком. Весь день она ходила с высоко зачесанными волосами, поэтому, придя домой, сразу же распустила их, и теперь они небрежно рассыпались по плечам. Но она не собиралась извиняться за свой вид. Это он должен оправдываться, а не она!

– А где Сара?

– Спит.

– Уже? Ведь нет и пяти.

– Дневной сон перед ужином. Последнее время она какая-то капризная. Мама говорит, у нее режутся зубки.

– Ты была занята?

– Да, – ответила она, опускаясь на диван. Чад сел на край стула и положил шляпу на колени. – В прошлые, выходные я украшала твой дом. – В ее голосе послышалась горечь. – Он очень красив.

– Это ты так хорошо украсила его, – как-то с напряжением произнес он; Ли впервые почувствовала в его голосе нотки раздражения.

– Спасибо. Было так любезно с твоей стороны дать электрикам возможность поработать внутри.

– А ты сама заходила?

– Нет.

– Жаль. Мне бы хотелось, чтобы ты посмотрела мой дом.

– Тогда почему же ты меня не пригласил в гости? – выпалила она. – Почему я должна узнавать о тебе, о твоей работе от посторонних людей, к тому же совершенно случайно? – Она почувствовала, как в ней закипает гнев, и вдруг подумала: «А какое право я имею сердиться на него? Какие у меня могут быть к нему претензии? Да я и видела его считанные разы. Тогда, во время обеда, и два раза дома, вот и все. Так к чему эта сцена ревности?» Она напомнила себе сварливую жену и рассердилась на себя. Закрыв лицо руками, она произнесла:

– Прости, Чад, я не должна на тебя сердиться. Ведь мы с тобой ничем не связаны.

– Ты ошибаешься. Еще как связаны. – При этих словах у

нее опустили руки, и она устремила взгляд в его глядящие ей прямо в душу глаза. – Я хотел все тебе рассказать о моей работе в первый же вечер, когда пришел сюда. Я понимал, что тебе это вряд ли понравится. Каждой мало-мальски нормальной женщине это не очень-то приятно, но когда ты рассказала о Грее, я понял, что здесь случай особый.

Он встал со стула, бросил шляпу на журнальный столик и склонился перед ней, взяв ее руки в свои.

– Ли, я не мог рисковать, поэтому промолчал. Я хотел, чтобы ты поближе узнала меня. Если бы все сложилось удачнее, у нас завязались бы более близкие отношения и я непременно бы все тебе рассказал, но тогда я не мог допустить, чтобы у тебя сложилось предубеждение против меня.

– Это так жестоко. Чад.

– Нет. В свое оправдание могу сказать только, что я тебя очень хотел. И сейчас это желание не прошло. – Он взял прядь ее волос и поднес к губам. Не отрывая глаз от ее лица, он медленно провел волосами себе по губам. – Все это время я думал только о тебе, о том, как ты красива, какой восхитительный аромат исходит от тебя. Ли, я ощущал твой вкус на своих губах, помнил, как трепетно твои уста отзывались на мой поцелуй, какой нежной была твоя кожа под моим языком...

«Стоит ему прикоснуться ко мне, и я умру», – с отчаянием подумала Ли. Даже теперь, зная о его профессии, помня о своей клятве никогда не любить мужчину, ставящего ра-

боту превыше нее, не желая простить ему ложь, она хотела запустить руку в его волосы, ощутить мускулы под смуглой кожей, пригладить волосы у него на груди, дотронуться.

Крик Сары заставил Ли очнуться, вынырнув из океана поглотившего ее желания.

– Сара, – зачем-то сказала она.

Чад поднялся, пропуская ее, когда она вскочила с дивана и бросилась в спальню. Такая спешка была ни к чему – Сара могла бы немножко подождать, – но она должна была помочь Ли сохранить контроль над собой. Она не может любить его! И не будет!

– Ну-ну-ну, мамочка уже здесь, – приговаривала Ли, переворачивая ребенка.

– Как она выросла! – раздался позади нее голос Чада: его тело нависло над ней, склонившейся над колыбелькой. Он наклонился ниже, чтобы получше разглядеть девочку, и его бедра коснулись спины Ли. Это легкое прикосновение остро напомнило ей о той несостоявшейся ночи любви. Он взял-ся рукой за перила кровати, зажав женщину между ними и собой.

– Да, очень. – Ли почувствовала, что голос не слушается ее. – Эта колыбелька ей уже мала, пора переселять ее в отдельную комнату и укладывать в другую кровать. Вот только я забыла попросить папу все там устроить.

– Я сам все сделаю, – сказал Чад. Ли быстро поменяла пеленки. Удивительно, как она еще не уколола ребенка, за-

кальвая подгузник, – так сильно у нее дрожали руки. Она взяла девочку на руки и выскользнула в тот узкий проход, который оставил ей Чад.

– Мне неприлично тебя об этом просить.

– И не надо. Я же сам предложил. Где кровать?

– В соседней комнате. Я не успела ее распаковать, – сказала она ему вдогонку.

Когда они с Сарой вошли в комнату, он изучал длинную плоскую коробку.

– И сюда уместилась вся кровать? – спросил он со смехом.

– Я же говорила. Это дело сложное...

– У тебя есть какие-нибудь инструменты? Отвертка, например? Ладно, Бог с ним, у меня в машине все припасено.

– Чад, правда...

Прижав губы к ее рту, он остановил поток ее протестов.

Поцелуй был коротким, но властным, крепким. Ли показалось, что внутри у нее что-то перевернулось, наполняя все тело желанием и страстью.

– Я нашел прекрасный способ заставить тебя замолчать. Если ты приготовишь мне сэндвич и чашку кофе, я буду считать, что мы в расчете. – Он быстро поцеловал ее в лоб, слегка отодвинул и вышел, чтобы взять из машины инструменты.

Раздосадованная, Ли направилась в кухню. Она усадила Сару, которая, казалось, сразу успокоилась, в качели, и со злостью захлопнула защелку. Веселое насвистывание Чада подлило масла в огонь и окончательно привело ее в ярость.

– Он, видите ли, врывается сюда и ведет себя так, словно он здесь хозяин. Нет уж, хозяйка здесь я! Сами как-нибудь справимся! Мне никто не нужен, кроме тебя, Сара, и я собираюсь ему об этом сообщить, как только он кончит возиться с этой дурацкой кроватью!

Сара захлопала в ладоши.

Он врал ей, пусть даже не договаривая, и она вся горела от негодования. Но стоило ему появиться, как она тут же упала в его объятия и отдалась во власть его поцелуев!

– Сара, скажи, что мне делать? – простонала Ли, но дочурка только загугукала в ответ.

Ли нарезала холодное мясо, сыр, достала из шкафа белый и черный хлеб, сварила кофе. Потом положила на тарелку с электроподогревом протертые овощи для Сары и воткнула вилку в розетку. Когда все было готово, она, как фурия, ворвалась в детскую, чтобы позвать Чада. Но вместо того, чтобы торжественно объявить, что кушать подано, она рассмеялась неожиданно для себя. Сложив ноги по-турецки. Чад сидел на полу в окружении каких-то винтиков, реек, отверток и инструкции.

– Ты находишь это смешным? – воинственно спросил он. – Какой ненормальный составляет все эти инструкции? Надо быть или гением, или полнейшим идиотом, чтобы их понять!

– Может быть, еда укрепит твои интеллектуальные способности?

– Неплохая идея! – Одним прыжком он оказался на ногах.

– Только на многое не рассчитывай, – негостеприимно заметила она, ведя его на кухню. – Я не предполагала, что у меня сегодня будут гости.

Вдруг ей пришлось резко остановиться – это он крепко схватил ее рукой за ремень. Затем, прижавшись грудью к ее спине, он придвинул губы к самому ее уху и страстно прошептал:

– Тебе не придется жалеть, что сегодня ты не одна!

Она резко вырвалась и недовольно оправила свитер в тщетном усилии сохранить последние остатки достоинства. Ее лицо горело от негодования, грудь вздымалась и опадала. Но пока она нашлась, что ответить, он уже взял бутерброд.

Он успел проглотить два сэндвича, пакет хрустящего картофеля, бесчисленное количество маринованных огурчиков и оливок и шесть крекеров, а она едва успела откусить свой сэндвич – ведь ей приходилось еще и кормить Сару.

– Давай, я ее покормлю, а ты пока спокойно поешь, – предложил Чад.

– Спасибо, не надо, – холодно ответила она.

– Я внимательно наблюдал за тобой. Мне кажется, я справлюсь. – Без лишних слов он отобрал у нее ложку, и Ли поняла, что Чад Диллон не из тех, кому можно ответить «нет».

У него удивительно ловко это получалось. Только один раз кусочек свеклы под натиском Сариных кулачков упал Ча-

ду на ботинок.

– Я понимаю тебя, Сара, – весело сказал он, подбирая упавший кусок, – мне этот кусок тоже не понравился.

Ли не хотелось, чтобы он шутил, веселился и демонстрировал обходительность. Все было бы намного проще, если бы он обругал и ребенка, и его еду, наорал бы на них обеих. Ей не хотелось, чтобы его присутствие здесь казалось таким естественным, чтобы он путался под ногами, когда она примется за свои дела. Почему Сара так радостно гукает при виде его, почему одаривает его смехом, которому только что научилась? Не отдавая себе в этом отчет. Ли ревновала Сару к Чаду.

– Ну, а теперь за работу! – воскликнул он, передавая Сару Ли и направляясь в детскую. Девочка захныкала.

– Предательница, – пробормотала Ли, унося малышку к себе, чтобы уложить в постель.

Ну и что, что он так ласков с тобой, уговаривала себя Ли. Да, сегодня он здесь. А завтра? А через неделю, когда его вызовут на какой-нибудь новый пожар и ты не будешь знать, вернется ли он? Сможешь ли ты снова это пережить? Она заранее знала ответ.

Через полчаса, выйдя из комнаты, она не могла поверить своим глазам.

– Невероятно! – вырвалось у нее. Чад, сидя на полу, посмотрел на нее снизу вверх.

– Еще одна деталь, – проговорил он, подкрутил какой-то

винтик и встал, расправив свою мощную спину. – Только смотри, как бы не сглазить!

Он подвигал рычажок, с помощью которого опускалась защитная загородка с внешней стороны кровати, и с удивлением обнаружил, что она движется.

– Черт меня побери! Действует! – радостно засмеялся он.

– Теперь здесь не хватает только малышки, – заметила Ли.

Чад обвел взглядом комнату: кровать, кресло-качалку с мягким сиденьем и подушками, занавески на окне и картину, которую нарисовала на стене Ли.

– Пожалуй, ты права. Где она?

– Сегодня я оставлю ее у себя.

– А ты уверена, ты действительно хочешь, чтобы она спала отдельно? – спросил он, словно прочитав ее мысли.

– Нет, – согласилась она. – Ненавижу спать в одиноко... – Она быстро взглянула на него, пытаясь понять, уловил ли он ее промах.

Да, он все понял. В одно мгновение он преодолел расстояние, разделявшее их, и взял ее за плечи своими крепкими руками.

– Тебе больше не придется спать в одиночестве, Ли. Никогда.

Его руки обхватили ее – она ощутила в этом объятии угрозу, и в то же время Ли никогда еще не чувствовала себя так спокойно и уверенно. Он прижался губами к ее губам, но она упрямо защищалась, отворачиваясь, крутя головой, сжимая

зубы.

Однако ее сопротивление не уменьшило его решимости. Его язык продолжал путешествовать по ее губам, и поскольку она решительно отказывалась сдаваться, его рука скользнула ей под свитер. Без ложной стыдливости он дотронулся костяшками пальцев до ее соска. С ее уст сорвался взглас наслаждения, и он немедленно воспользовался этим.

Новый поцелуй как-то по-особому сблизил их, и они поняли, что очень нужны друг другу, что просто не могут друг без друга жить. Его нежные пальцы нащупали кружево ее лифчика и обнажили ей грудь. Они трогали, изучали, ласкали ее.

– Ли, я знаю, ты хочешь меня не меньше, чем я тебя, – отрывисто прошептал он, нежно прикасаясь языком к ее мочеке. Затем поймал ее зубами и принялся легко покусывать.

Ли вздрогнула, испустив вздох, и он понял, что она сдалась. Сжалившись над ней, он вновь приник к ее губам, – медленно, с наслаждением он длил поцелуй, пока она не почувствовала, что сейчас умрет от желания.

Она не помнила, как случилось, что она обхватила его руками, припала к нему, стала тереться о него всем телом, так что он не мог не догадаться о ее чувствах. Она не сознавала, где она и что с ней происходит, до тех пор пока не ощутила, как он прижался к ней, стремясь найти облегчение в соприкосновении с ее телом. Когда она пришла в себя, было уже поздно: она вся находилась во власти эмоций и жадно при-

жалась грудью к его руке. В его ладони сосок ее был словно камешек гальки – круговыми движениями Чад массировал его, возбуждая в ней страсть.

Его чувственный язык погрузился во влажную теплоту ее рта, двигаясь там в такт биению их сердец, готовых слиться в едином порыве. Ее язык откликнулся на поцелуй с равной пылкостью. Он расстегнул лифчик, и ее грудь предстала перед ним во всей красе. Тогда Ли, запустив руки ему под рубашку, принялась, лаская, гладить его сильную, крепкую спину. Ласковые пальцы поднялись по лесенке ребер и зарылись в мягкую поросль волос у него на груди.

– Господи, Ли, я больше не выдержу, я хочу тебя, – простонал он, хватая ее за плечи и пытаясь повалить на пол, но встретил такое решительное сопротивление, какого совсем не ожидал.

В ее мозгу прозвучал сигнал тревоги, сливаясь в какофонию звуков: слишком много значил для Ли секс. Она любила Чада, а значит, не хотела, чтобы он исчез из ее жизни. Она не могла согласиться на какую-то часть его, он был нужен ей весь, без остатка.

– Нет, Чад. – Она посмотрела на него затравленным взглядом. – Нет.

– Но почему. Ли, почему? – Он провел ей по волосам внезапно ослабевшей рукой. – Это безумие – говорить «нет», Когда мы оба так страстно этого хотим!

Его самонадеянность вывела Ли из себя, развеяв остатки

чувственности. Внезапно все открылось ей со страшной очевидностью. Значит, он считает безумием ее отказ отдаться ему!

– Да, я безумна, – крикнула она, – но только потому, что выпустила тебя сюда после того, как ты так жестоко меня обманул!

– Но я не обманывал тебя, когда целовал.

– Разве? Ты просто ловко сыграл на чувствах одинокой вдовы, ты хотел, чтобы я расслабилась и была готова спокойно воспринять рассказ о твоей опасной работе! Я разрешала себя целовать, чуть не просила, чтобы ты овладел мною, – а ты так коварно меня обманул! Боже мой, как это отвратительно!

Его лицо исказилось от гнева.

– Так кто кому лгал? Ты обманывала сама себя! Почему-то, когда мы в прошлый раз предавались здесь ласкам, тебе это не казалось отвратительным. Ты наслаждалась каждым мгновением! И даже еще несколько секунд назад тебе не приходила в голову мысль о том, как это отвратительно! Если бы ты позволила всему идти своим чередом и не искала отговорок...

С минуту он глядел на висящую на стене картину, пытаясь прийти в себя, потом обернулся, посмотрел ей прямо в глаза, вздохнул и, покусывая губу, произнес:

– Я должен был сказать тебе с самого начала, чем зарабатываю свой хлеб. Прости, что я попытался сделать из этого

тайну. Так получилось, потому что мы еще слишком мало знали друг друга.

– Меня ты знал достаточно, чтобы понимать, что это надо скрывать, – с горячностью воскликнула Ли.

– Тогда ты не была готова узнать всю правду!

– И никогда не буду!

– Наверное, все-таки стоит попробовать.

– У меня уже была такая возможность – и это закончилось плачевно. Моего мужа застрелил юнец, накачавшийся наркотиками. Больше, я не хочу испытывать судьбу.

– Вспомни, как нам хорошо вместе, вспомни наши поцелуи, наши ласки и только тогда решай, есть ли смысл рискнуть еще раз или нет.

– Нет!

– Трусиха!

– Да, именно так! Именно это я и пытаюсь тебе объяснить! Ты хочешь, чтобы я была смелой каждый раз, как ты покидаешь меня, но я не хочу! В моей жизни уже было такое, но больше не будет никогда! Лучше сразу расстаться, пока еще ничего не произошло. Пожалуйста, Чад, уходи. Я не смогу больше видеться с тобой. – Некоторое время оба стояли молча, ошеломленные словами, которые она только что произнесла. Она сама не могла поверить, что они вырвались у нее.

Зазвонил телефон, и Ли рада была предложению выйти из комнаты, чтобы не видеть его раздраженного взгляда.

– Алло!

– Это Ли?

– Да.

– Говорит Амелия Диллон, мама Чада. Он у вас?

– Да, миссис Диллон. – Интересно, он что же, весь мир оповестил о том, что пошел к ней? – Минуточку, сейчас я его позову.

– Нет-нет, – остановила ее женщина, – я хотела поговорить с вами. Сегодня днем, вернувшись из Мексики, Чад позвонил мне и сказал, что будет у вас. – Ли изо всех сил сжала трубку – унижительно было сознавать, что он так уверен в ней. – Я бы хотела пригласить вас – с Сарой, конечно, – в воскресенье к нам на обед. А вечером будем наряжать елку. Вы придете? Чад так много о вас рассказывал. К тому же страшно хочется увидеть Сару. Это ж только представить себе – мой увалень принимает роды в кузове своего ужасного пикапа!

Почему-то Ли сразу же полюбила Амелию Диллон. Но целый день вместе с Чадом – нет, она не сможет этого вынести, к тому же теперь, когда она, по сути дела, выгнала его вон! Надо было придумать какой-то предлог, чтобы отказаться, не обидев миссис Диллон. Ли не знала, как выйти из положения.

– Такое приятное приглашение! Я очень признательна вам, миссис Диллон!

– Мы будем очень рады вас видеть. Ждем вас в воскресенье. И попросите, пожалуйста. Чада ехать поаккуратнее.

Ли повесила трубку и медленно повернулась – Чад стоял рядом.

– Звонила твоя мать. Она пригласила нас с Сарой в воскресенье на обед. А потом мы будем украшать елку.

– Мама называет обедом ленч. Я заеду за тобой в половине двенадцатого.

Не успела она вымолвить и слова, как за ним захлопнулась дверь.

Глава 5

Всю неделю Ли не находила себе места, выдумывая предлог, чтобы не ехать на званый обед. У нее была масса идей, но ни одна из них не годилась – на поверку они оказывались либо слишком демонстративными, либо глупыми, либо явно надуманными. Выхода не было, и она проклинала себя за глупость, за то, что сразу вежливо не отказалась от приглашения, предоставив Чаду самому выпутываться и давать объяснения. Как глупо было с ее стороны испытывать к нему такие чувства!

«Я не полюблю его, – уговаривала себя Ли. – Никогда не буду его любить. И он не станет со мной видеться, если его семья не примет меня. Может, я им не понравлюсь?»

Всю субботу она потратила на то, чтобы понравиться его семье. Как это ни было тяжело, она отправилась с Сарой за покупками. В самом роскошном магазине для детей она купила девочке нарядное платье красного бархата с вышитыми на подоле белыми цветами. Ансамбль дополняли ажурные белые колготки и атласные туфельки. На случай, если Сара испачкает платье, был куплен джинсовый комбинезон и цветастая блузка в индийском стиле. Сзади на комбинезоне был кармашек, из которого торчал платочек в тон блузке.

Новый наряд не произвел на Сару ни малейшего впечатления, но яркая розовая упаковка вызвала бурю восторга: Ли

с ужасом увидела, как девочка с наслаждением вгрызается в нее. Лоис была права – из нижней десны у малышки торчали два остреньких зуба.

Себе Ли купила пару модных брюк из мягкой шерсти. Шелковая блузка в тон делала ее глаза еще синее. Она не смогла отказать себе в удовольствии купить пару золотых колечек в уши, правда, несколько более смелых, чем она обычно носила, но она сочла, что это вполне допустимо по случаю праздника.

Вешая обновки в шкаф. Ли поблагодарила судьбу за то, что ей предоставился случай украсить к празднику богатый квартал, где жил Чад. Чек на крупную сумму был сейчас как нельзя кстати. Конечно, работа в торговом центре и пенсия Грега давали возможность жить вполне сносно, но лишний заработок никогда не мешал. Хотя до доходов таких, как у Чада Диллона, ей было далеко.

Воскресное утро выдалось ясным, но уж очень холодным: дул пронзительный северо-западный ветер. Ли с Сарой уже собрались, когда Чад позвонил в дверь.

Он стоял на крыльце, переминаясь с ноги на ногу и ежась от холода, несмотря на теплое пальто.

– Доброе утро, – поздоровался он.

– Привет, – коротко бросила Ли, хотя сердце так и подпрыгнуло в груди, едва она увидела его на пороге. Его глаза были такими же лучистыми, как солнечный свет. Под пальто у него была надета спортивная рубашка, а сверху еще и

спортивная куртка; новые джинсы были современного модного покроя. – Мы уже готовы, мне только нужно закутать Сару. – Сама Ли стояла в пальто.

Чад вошел в дом.

– Это берем? – спросил он, указывая на сумку, до отказа набитую пеленками и другими детскими вещами.

– Да, – ответила она через плечо, заворачивая Сару в огромное одеяло.

– Вы, случайно, не собираетесь у нас поселиться? – пошутил Чад.

Ли выпрямилась, держа в руках извивающийся сверток и встретила глазами его смеющийся взгляд. Она не смогла удержаться и улыбнулась в ответ.

– Готовы? – Она кивнула. – Тогда идем. Я запру дверь.

Выйдя из дома. Ли внезапно остановилась, увидев у ворот роскошный темно-синий «феррари» Она обернулась и язвительно посмотрела на Чада – Можешь ничего не говорить ты продал свой пикап.

Он нахмурился.

– Нет, я его не придавал. – Он взял ее под локоть и мягко подтолкнул к машине – он даже не выключал мотор.

Втиснуться в автомобиль с Сарой и всеми ее причиндалами оказалось непросто. Наконец им это удалось.

– Ты нарочно приехал за мной на пикапе, а не на этой машине в тот день, когда возил меня обедать в ресторан! Потому что знал: если я увижу «феррари», то стану задавать

неприятные вопросы, на которые тебе будет трудно отвечать!
Скажи, я права?

– Да, – коротко бросил он.

– Тогда же ты попросил Джорджа и остальных ничего не рассказывать о тебе? Так?

– Да. – Он завел мотор и тронулся с места. Некоторое время они ехали молча. «Неловко будет явиться на обед, дуясь друг, на друга», – подумала Ли и первой предприняла попытку разрядить обстановку.

А где живут твои родители? – спросила она.

– У них небольшое ранчо – отец теперь разводит скот.

– Теперь?

– Раньше он тоже работал во «Фламеко».

– О, – только и вымолвила она.

Ее добрые намерения пропали впустую. Остаток пути они проделали в молчании, которое не нарушала даже Сара – девочка уснула, прижавшись к материнской груди. В воздухе повисла напряженность, которую одинаково ощущали и Чад, и Ли, делавшие вид, что внимательно следят за дорогой.

– Тебе тепло?

– Да.

– Ничего, если я немного уменьшу обогрев?

– Хорошо.

Они перекинулись лишь парой фраз, пока мощный автомобиль преодолевал расстояние до поместья, которое Чад скромно окрестил «небольшим ранчо». Наконец они свер-

нули на частную дорогу, по обе стороны которой стада коров паслись возле разбросанных по бескрайним полям стогов сена. Ли вся трепетала. Она насчитала десять нефтяных скважин, расположенных на одинаковом расстоянии друг от друга, а потом сбилась со счета.

Дом тоже поверг ее в изумление. Величественный и строгий, он стоял в окружении тутовых и ореховых деревьев на берегу небольшой речушки. Стены были сложены из белого камня, четыре колонны у входа подпирали террасу второго этажа. Темно-зеленые ставни на шести высоких окнах фасада были отворены.

– Вот мы и приехали, – сказал Чад, избегая смотреть Ли в глаза. Он вылез из машины, достал сумку с детскими вещами, а потом помог выбраться Ли.

– Подумать только, я переживала из-за того, что ты подарил мне в больнице цветы, потому что считала тебя простым безработным, – процедила она сквозь зубы.

Его губы, казалось, стали тоньше от гнева, но он не успел ответить, потому что отворилась дверь и, вытирая руки о фартук, на крыльце появилась Амелия Диллон.

– Заходите скорее, пока малышка не простудилась, такой ветер! Добро пожаловать. Ли! Здравствуй, сынок! – Женщина ласково обняла Ли за плечи и ввела в дом. – Садитесь к огню, – пригласила она, когда они оказались в уютной гостиной. В огромном, во всю стену камине весело потрескивал огонь. – Отец, они приехали! – крикнула мать Чада в кори-

дор. – Чад, положи детские вещи на тот стул. Ли, давайте сюда ваше пальто. Да как же вы собираетесь его снимать с ребенком на руках! Давайте, я...

– Мама! – вмешался Чад, кладя свои огромные руки ей на плечи. – Мы приехали на целый день, и тебе будет трудно его пережить, если ты сейчас же не успокоишься! Познакомься, это Ли Брэнсом.

Амелия издала нервный смешок.

– Кажется, я слишком много болтаю. Извини. Я просто очень волнуюсь, я так долго тебя не видела! Здравствуйте, Ли!

Как Ли и ожидала, Амелия Диллон понравилась ей с первого взгляда. Это была невысокая женщина с полноватой фигурой, вся какая-то очень домашняя. Волосы ее посеребрила седина, но чувствовалось, что когда-то они были такими же темными, как у Чада. И глаза у нее были, лучистые и голубые.

– Здравствуйте, миссис Диллон. Спасибо вам за приглашение. Нам очень приятно быть здесь.

– Давай я подержу Сару, а ты снимешь пальто, – предложил Чад, забирая у нее малышку, которая постепенно начала просыпаться.

– Чад, дай мне на нее посмотреть! – воскликнула Амелия, подходя ближе. – Ну, разве не прелесть! Чад, ты только взгляни на ее платице! Какая красота! Как вы думаете, она не испугается, если я возьму ее?

– Думаю, что нет, – ответила Ли, снимая пальто.

Чад помог ей раздеться и повесил пальто на вешалку вместе с Сариным одеялом. Вернувшись, он поймал взгляд Ли, и они улыбнулись друг другу, пока Амелия что-то тихо напевала Саре. Ли почувствовала, как ее сердце оттаивает, тянется к нему.

Ее гнев улетучился. По его глазам она поняла, что он тоже смягчился, что напряженность между ними огорчает его. У нее была трудная судьба, у него – непростая профессия, но привязанность, которую они испытывали друг к другу, было невозможно отрицать. Все началось как-то слишком быстро, но разве можно сдержать лавину чувств?

Внезапно ей страшно захотелось дотронуться до него. Он словно почувствовал ее порыв, подошел к ней и, взяв за талию, властно притянул к себе. Простив все, забыв обман, она всем телом прильнула к нему.

Она взглянула на него – в его глазах ясно читалась страсть. Но была там и мольба – он словно просил ее быть терпеливой и обещал за это награду.

– Она действительно прелесть, – произнесла Амелия, отрываясь от Сары. Она подняла глаза и просияла, глядя на Ли через плечо. – Стюарт, иди сюда! – позвала она.

Ли повернулась, следуя за ее взглядом, и чуть не вскрикнула. Она вся напряглась; Чад успокаивающе обнял ее за талию.

В дверном проеме стоял мистер Диллон. Это был высо-

кий, большой человек. Чувствовалось, что в молодости он был такой же крепкий, как Чад. По его лицу было видно, что он закален стихиями; морщинки возле губ говорили о том, что он любит смеяться. Густые белые волосы обрамляли лысину, начинавшуюся со лба. Он опирался на костыль; на месте левой ноги болталась пустая штанина, заколотая у колена булавкой.

– Здравствуй, сын! Ли? – спросил он; Ли кивнула. – Мы очень рады. – Он проворно пересек комнату и протянул ей мозолистую руку. – Извините, что я снял протез, но в холодную погоду нога очень ноет.

– Мистер Диллон, – улыбнулась Ли, грациозно подавая ему руку: первый шок прошел, уступив место хорошим манерам, – почему вы извиняетесь за то, что хотите чувствовать себя удобно в собственном доме?

– Называйте меня Стюарт, – сказал он. – Ты был прав, сын, она действительно красавица! Ли покраснела, и все засмеялись.

– Он такой вредный, – вступила в разговор Амелия, – он нам ничего не рассказывает о тебе. Не сказал даже, брюнетка ты или блондинка, маленькая или высокая. Ну абсолютно ничего! Единственное, что он сказал, – что ты очень красива.

– Амелия, дай и мне взглянуть на ребенка, – попросил Стюарт Диллон, и жена тотчас же бросилась выполнять его просьбу. – Сын, ты молодец, правильно выбрал, кому помочь появиться на свет, – заметил он, ласково кладя свою руку на

руку сына.

Ли поразило, как нежно эти люди относятся друг к другу, какая любовь царит в их семье.

Не прошло и получаса, а Ли уже казалось, будто она знает Диллонов всю жизнь. Она чувствовала себя как дома. В этой семье царила дружеская атмосфера, все словно излучали доброту. Даже дом был какой-то теплый. Старые доски уютно скрипели под коврами, как бывает лишь в обжитом доме, любимом его обитателями. Ли всегда не хватало своего дома: из-за того, что отец был военным, в детстве и юности ей приходилось часто переезжать с места на место. Она всегда завидовала стабильности жизни таких семей, как Диллоны.

В камине весело потрескивал огонь, все не торопясь потягивали горячий пунш из клюквы, рецепт которого Амелия тут же сообщила Ли. Сара довольно посасывала крекер – на шею ей повязали слюнявчик, чтобы она не запачкала свое нарядное платье.

Комнату украшали семейные реликвии, вязанные крючком салфетки и фотографии Чада в разные годы жизни. Возле одного из оконных проемов, простиравшегося от пола до потолка, стояла огромная сосна, исполняющая роль рождественской елки.

Ли предложила Амелии помочь с обедом, и та не стала возражать. Ли накрыла на стол и приготовила картофельное пюре, одновременно отвечая на вопросы Амелии. Стюарт

держал Сару на руках, а Чад отправился на чердак за елочными украшениями.

– Принеси детский стульчик, – попросила его Амелия.

Чаду пришлось несколько раз сбегать на чердак, но когда он освободился, стол уже был накрыт.

– Чад, мой руки и неси жаркое. Ли, доставай заливное, а я посажу Сару на стул.

– Она еще никогда не сидела в таком стуле. Она даже еще сама не садится, – попыталась протестовать Ли.

– Предоставь все мне, – уверенно сказала Амелия.

Чад мыл руки на кухне, а Ли тем временем достала заливное в большом хрустальном блюде, которое можно было удержать только двумя руками. Ли направлялась к двери, когда Чад преградил ей дорогу.

– Ты сегодня просто неотразима, – мягко произнес он. – И очень понравилась моим родителям, как я и предполагал.

– Они мне тоже понравились, – отозвалась Ли, поднимая тяжелое блюдо.

Неожиданно он обнял ее за талию и легко поцеловал, несмотря на блюдо, разделявшее их. Его прикосновение пробудило в ней бурю чувств, что явно угрожало не только заливному, но и ее решимости противостоять натиску Чада. Этот мужчина пробуждал в ней всепоглощающую жажду отдаться ему.

– Чад, подавай жаркое! – крикнула из столовой мать.

– И ощущать тебя мне нравится так же, как смотреть на

тебя, – проговорил он низким голосом, потом отодвинулся, убрал руку, ухмыльнулся и пошел выполнять просьбу матери. По заливному пробежала дрожь, когда Ли ставила его на стол.

– Я все же считаю, что это не правильно, – строго повторила Амелия. Не обращая внимания на ее слова, Стюарт продолжал втирать бурбон в нежные десны Сары. – Я вообще не одобряю крепких спиртных напитков, а тем более употребление их детьми.

– Это же в медицинских целях, – ответил Стюарт. Он, казалось, даже не обращал внимания на то, что Сара измазала слюнями весь его палец. – Я точно так же поступал с Чадом, когда он был в этом возрасте. Да ты и сама капала ему в горло виски с медом, чтобы прошел кашель.

Амелия сделала вид, что смущена.

– Ли может Бог знает что о нас подумать.

– Ну что вы, – засмеялась Ли, чувствуя себя спокойно и уютно после семейного обеда и приятной застольной беседы. – Я, пожалуй, сама куплю бутылку бурбона.

Они с Чадом сидели на диване, он обнимал ее за плечи, слегка поглаживая по руке. Она старалась не думать о его несколько дерзком поведении на кухне, когда же вспоминала об этом, он, казалось, чувствовал, что у нее на уме, и хитро подмигивал ей.

Даже во время обеда, поразившего ее своим обилием, он

мучал ее. Делая вид, что внимательно слушает рассказ отца о делах на ферме, он Опытной рукой гладил под столом ее ногу чуть выше колена. Все ее попытки убрать ногу ни к чему не приводили. Казалось, его рука снабжена радаром, нацеленным на нее. В конце концов она поняла, что сопротивление бесполезно, и сдалась. Он был явно удовлетворен.

– Расскажите, пожалуйста, еще раз, как сажать ее в высокий стул, – попросила Ли мать Чада.

– Установите загородку около груди, потом чем-нибудь ее привяжите. В большинстве стульев есть специальный ремешок, который располагается между ногами и не дает ребенку соскользнуть.

– Мне кажется, легче научить ее сидеть самой, – с убийственной логикой заметил Чад.

Ли и Амелия одарили его уничижительным взглядом, но они с отцом только рассмеялись. Чад относился к родителям с большим уважением, неизменно выполняя все их просьбы. И они в нем души не чаяли. По всему чувствовалось, в какой уютной домашней атмосфере он рос. А уж то, как гордились им родители, было видно невооруженным глазом.

– Ох! – сказала Ли, когда Сара начала плакать и потягиваться. – Боюсь, у нас испортилось настроение.

– Почему бы тебе не уложить ее спать наверху? – предложила Амелия, вставая, чтобы их проводить.

– Я с ними, – с готовностью вызвался Чад.

– Нет, оставайся здесь, – распорядилась мать. – Отец хо-

тел, чтобы ты посмотрел с ним футбольный матч.

Чад покорно опустил обратно на диван. Ли взяла из рук Стюарта плачущую дочурку и пошла за Амелией навстречу.

– Это комната Чада, – сказала Амелия, вводя Ли в большую, просторную комнату. – Я ничего в ней не меняла.

Комната была увешана фотографиями спортсменов, спортивными трофеями, вымпелами и флажками. В одном углу стояли лыжи и теннисная ракетка, на стене висел футбольный шлем.

– Вместе мы сможем пододвинуть кровать к стене, а с другой стороны положим подушки, чтобы наша бесценная малютка не упала, – предложила Ли.

Амелия с готовностью принялась осуществлять задуманное.

Они передвинули кровать и уложили Сару, но та никак не могла уснуть. Ее крохотные ножки молотили по матрасу, в приступе раздражения она из стороны в сторону крутила головкой. Лицо ее покраснело.

– На нее действует незнакомая обстановка, – сказала Амелия с сочувствием. – Чад в младенчестве не мог спать нигде, кроме своей кроватки.

– Может, если я лягу рядом, она успокоится, – сказала Ли, сбрасывая туфли:

– Пожалуйста, почувствуйте себя как дома. Ли легла на кровать и стала поглаживать Сару спинку. Девочка сразу успокоилась, ее рыдания постепенно перешли в тихие всхлипы-

вания, затем в икоту, и скоро она уже мирно посапывала. Ли укрыла ее и себя стеганым одеялом и принялась разглядывать фотографию, где Чад был изображен в критическую минуту футбольного матча, но скоро ее глаза закрылись, и она уснула.

Когда Ли проснулась, с ее ухом происходило что-то неизъяснимо приятное. Она пошевелила головой и стукнулась лбом о голову, склонившуюся над ней.

– Женщина, проснись и поцелуй меня, – потребовал глубокий, густой голос.

Теплые влажные губы нежно, едва заметно прикоснулись к ее губам, пока она не приоткрыла рот, чтобы слиться с этими ищущими губами в жадном, страстном поцелуе. У нее не было сил открыть глаза, но она вынула руки из-под одеяла и обняла Чада за шею.

– Какая ты сладкая! – прошептал он ей на ухо и снова попытался ее разбудить. Па этот раз ей удалось разлепить веки и убедиться, что Сара спокойно спит у стенки. Чад стоял возле кровати на коленях. Обняв Ли за талию, он повернул ее к себе и вновь прижался губами к ее губам. Его язык жадно и страстно изучал глубины ее рта, хитростью подчиняя ее себе.

– Чад, – слабо выдохнула она, когда его язык достиг ее неба. Его дыхание обжигало ей кожу, теплую со сна. – Здесь нельзя.

– Тихо.

– Твои родители...

–..спят в своих креслах перед телевизором. Матч оказался очень скучным. Молчи.

Она подчинилась, позволив ему лечь рядом с собой. Он натянул на себя одеяло и уложил ее на спину, а сам склонился над ней.

– Не можем же мы...

– Ты так красива, – медленно произнес он. – У тебя такие синие глаза.

– У тебя синее.

– Нет.

– Да, – настаивала она. Забыв обо всем, отбросив здравый смысл, она прикоснулась пальчиком к его темным бровям. Вовсе не желая его возбуждать, она тем не менее повела палец вниз, по носу к губам, очертив их контур, словно провоцируя его.

Чад зарычал и, отбросив всякое стеснение, снова приник к ней поцелуем, страстно желая ощутить на губах ее вкус.

Его рука расстегнула пуговицы у нее на блузке, не встретив какого-либо сопротивления с ее стороны, и скользнула внутрь. Все ее существо тотчас же отозвалось на его прикосновение, когда он одним движением руки расстегнул лифчик. Приподняв голову, он отодвинул прозрачную ткань и взглянул на нее.

– Ли, – благоговейно выдохнул он. Он играл с ее темноватыми розовыми сосками, каждый из которых претендовал на

его особое внимание. По своему желанию он менял их форму и цвет, осторожно сжимая их большим и указательным пальцами. Ли извивалась и стонала, изнемогая от желания. Он нежно заглянул ей в глаза и опустил голову.

Ласково, одними губами, он пощипывал ей соски, бросая ее в водоворот страсти. С каждым новым прикосновением все внутри нее сжималось, ощущая пустоту. Ей страшно хотелось, чтобы эта пустота была заполнена.

– Чад! – вскрикнула она, прижимаясь к нему.

– Знаю, милая, все знаю. Я сгораю от желания, я так тебя хочу! – Его рука покоилась у нее на груди, а губы изучали ложбинки между ребрами. Затем он расстегнул ей брюки и, обнажив пупок, принялся его целовать, усиливая ее возбуждение.

– У тебя такая гладкая кожа! – прошептал он, уткнувшись лицом ей в живот и нежно покусывая его. Наконец он дошел до кружевной оборки на трусиках и сказал:

– Ли, я хочу тебя! – По напряжению, прозвучавшему в его голосе, она поняла, что он едва сдерживается. Доказательством служила и его возбужденная плоть, упирившаяся ей в бедро.

Внезапно очнувшись, она осознала, что происходит, и испугалась.

– Нет, Чад! – воскликнула она и накрыла его руку своей. – Прости, но я не могу. Не здесь, не сейчас.

– Не волнуйся. Ли, я не сделаю ничего, что было бы тебе

неприятно.

– Прости, – повторила она, закрывая глаза. В его глазах она увидела понимание. В глубине души она не хотела, чтобы он проявил понимание, она желала, чтобы он был настойчивым, – ее тело так мечтало о наслаждении.

Но – нельзя! Ведь она не может выйти за него, а связь вне брака противоречила всем ее представлениям и моральным устоям. И все же все ее тело содрогалось от желания слиться с ним. Если уж она ощущает эту щемящую пустоту, то что же тогда должен чувствовать он? Она открыла глаза и увидела, что он внимательно наблюдает за ней.

– Ты, должно быть, ненавидишь меня за то, что я так поступила с тобой. Но я не нарочно.

– Я знаю, – тихо ответил он. – Если тебе будет от этого спокойнее, я скажу, что не смог бы заниматься любовью в таких условиях. Здесь не время и не место.

Она покорно лежала, пока он поправлял ее одежду. Закончив, он наклонился к ней и прошептал:

– Как ты думаешь, мне когда-нибудь удастся увидеть тебя целиком обнаженной? – Он улыбнулся озорной, доброй улыбкой.

– Ты ведешь себя просто возмутительно. – Она робко улыбнулась.

Он самодовольно хмыкнул.

– Неужели тебе совсем неинтересно, как я выгляжу без одежды?

– Нет.

Он усмехнулся, в сумраке комнаты ярко сверкнули его зубы.

– Маленькая лгунья!

Ей не удалось выразить свой гневный протест – его поцелуй закрыл ей рот.

Они разбудили Сару, и Ли нарядила ее в джинсовый комбинезон. Чад, которому очень понравился новый наряд ребенка, снес девочку вниз. У самого подножия лестницы Ли вдруг вцепилась ему в руку.

– Как ты думаешь, они не заметят?

– Ты имеешь в виду следы поцелуев у тебя на груди? Ну, если тебе придет идея расстегнуть блузку... – Смущенное выражение ее лица рассмешило его. – А вот что они действительно могут заметить, так это то, какого труда мне стоит держаться подальше от тебя. Смотри, в какой-то момент я все-таки сорвусь.

И правда, когда они наряжали елку. Чад изо всех сил старался не прикасаться к ней, но все же он улучил момент, когда они оказались в тени, – свет в комнате был потушен, и ее освещала только елочная гирлянда, – подошел к ней сзади, обнял, положив руку на грудь, и поцеловал в шею.

– Чад, прекрати! – возмущенно прошептала она.

Но он только хмыкнул и ущипнул ее пониже спины.

Елка была почти готова, и Ли остановилась понаблюдать,

как родители Чада играют с Сарой. Время от времени то один, то другой давали указания, куда лучше повесить ту или иную игрушку, но по большей части они были полностью поглощены ребенком. Девочка, казалось, разделяла их удовольствие.

– Чад, – вдруг произнесла Ли серьезно, – а что случилось с твоим отцом, почему у него нет ноги?

В его глазах отражались елочные огоньки, но все же она сумела прочесть в них, что он колеблется, подбирает слова. Наконец он проговорил:

– На него упали обломки машины, когда он тушил пожар.

Испуганное выражение ее лица говорило само за себя, и Чад поспешил отвернуться. Хлопнув в ладоши, он спросил мать, чем можно подкрепиться.

Все ели ореховый торт со взбитыми сливками, и Амелия со Стюартом хвалили Чада и Ли за нарядные украшения. Наконец Чад объявил, что им пора ехать, если Ли хочет попасть домой до ночи, и Ли сказала:

– Сложи, пожалуйста, Сарины вещи, а я помогу твоей маме по хозяйству.

Чад заворчал, но Ли не стала его слушать, а пошла, за Амелией на кухню. Стюарт снова принялся возиться с Сарой. Было видно, что это занятие явно доставляет ему удовольствие.

Когда Ли вытирала последнюю чашку, к ней подошла Амелия, взяла ее руки в свои и сказала ласково:

- Ли, сегодняшний твой приезд так много значит для нас.
- Для меня тоже, – ответила Ли.
- Мы так беспокоимся из-за Чада, – призналась Амелия.
- Из-за его работы?
- И из-за нее тоже, но я имею в виду его личную жизнь.

После того, что у него было с Шерон, мы боялись, что он уже никогда не сможет полюбить... Но мне кажется, он без ума от тебя.

Но у Ли в голове засело лишь одно слово. Одно имя.

– Шерон? – срывающимся голосом переспросила она. «Я ничего не хочу об этом знать!» – кричало все ее существо.

«Амелия испуганно посмотрела на нее.

– Ты не знаешь про Шерон? – Ли покачала головой. – О, прости! – В голосе Амелии слышалось искреннее раскаяние.

– Кто это – Шерон? Прошу вас, скажите! – Ли только тогда поняла, как сильно сжала руку женщины, когда та сморщилась от боли. – Пожалуйста, – умоляюще простонала она, отпуская руку Амелии.

Та посмотрела на нее с сочувствием.

– Думаю, тебе лучше спросить Чада.

Глава 6

– Как понимать твое настроение? Ты не сказала ни слова с нашего отъезда.

Ночь была темная и холодная. Луна едва виднелась где-то на горизонте бледным пятном, не дававшим никакого света. Лишь лучи фар машины Чада скользили в темноте по гладкому и безлюдному шоссе. Сара спала на коленях у Ли.

Ли повернулась и обратилась к его профилю:

– Кто такая Шерон?

Он резко дернул головой, и машина вильнула, так что от резкого движения Сара встрепенулась. Ее ручки рефлекторно напряглись, а ротик зачмокал, но она тут же опять успокоилась.

– Откуда ты слышала про Шерон?

– Твоя мать по неосторожности упомянула о ней. Она посоветовала мне спросить у тебя. Кто она. Чад?

Он тихонько ругнулся и крепче обхватил руками руль.

– Шерон была моей женой. Она покончила с собой.

Ошеломленная, она уставилась на него в темноте машины. Сердце у нее в груди забилося глуше и медленнее, казалось, оно сейчас остановится.

– Твоя жена? – едва слышно выдохнула она. – Почему ты мне о ней ничего не сказал?

– Потому что это не имеет значения.

– Не имеет значения? – спросила она на сей раз так громко, что Сара снова забеспокоилась.

– Да, по крайней мере для нас с тобой. Моя женитьба не имеет ничего общего с тем, что я чувствую к тебе. Я впервые в жизни люблю. Ли. Нельзя сказать, что я не любил Шерон. Но ее я любил по-другому.

– Она покончила жизнь самоубийством? Его руки еще сильнее сжали обтянутый кожей руль.

– Да.

– Почему, Чад?

– Черт побери...

– Почему? – почти крикнула она. Взвизгнули шины, и машина остановилась. Ли и не заметила, что они уже подъехали к ее дому. Чад развернулся на сиденье, чтобы лучше видеть ее, глаза его сердито сверкали. Даже в темноте было видно, как они горят, озаряемые внутренним огнем.

– Это случилось два года назад. Я был на Аляске, мы тушили там пожар. Это был кошмарный пожар, мы несколько недель не могли с ним справиться. Шерон сообщили, что я пострадал. Я действительно ударился головой и получил небольшое сотрясение, только и всего. Но подробности были сообщены уже после того, как она проглотила пузырек снотворного.

Он отвернулся и открыл дверцу. Ли торопливо завернула Сару и вышла из машины, когда он распахнул правую дверь.

– Где твой ключ? – спросил он, пока они быстро шли по

дорожке к двери, спасаясь от ледяного ветра.

– Где-то здесь. – Она подняла руку, чтобы он смог взять ее сумочку.

Порывшись в сумочке, он отыскал ключ. Дверь была открыта в считанные секунды. Чад шел впереди, зажигая перед Ли и Сарой свет, затем он покрутил термостат, который Ли убавила на время их отсутствия.

– Пойду принесу сумку с пеленками, – сказал он.

С упавшим сердцем Ли прошла с Сарой в ее новую комнату и положила ребенка в кроватку. Механическими движениями она раздела малытку и натянула на нее спальный комбинезон. Она тихонько говорила с ней, хваля ее за хорошее поведение, но мысли Ли были далеки от колыбельных. Она неотступно думала о жестком и погруженном в себя выражении на лице Чада в тот момент, когда он посвящал ее в подробности гибели своей жены.

Когда ребенок был переодет, он уже стоял рядом с Ли у кроватки.

– Спокойной ночи, Сара.

Он наклонился, чтобы поцеловать девочку, и в эту минуту она стукнула его по носу кулачком. Он рассмеялся, перевернул ее на животик, легонько шлепнул по попке и вышел из комнаты.

Ли намеренно растягивала свое прощание с сонной малышкой, так как при мысли о предстоящем объяснении в гостиной ее охватывал ужас. Когда наконец она погасила весь

свет, кроме слабого ночника, никаких предлогов, чтобы не выходить к Чаду, больше не осталось.

Чад сидел на диване, уставившись в пол. Его руки безвольно висели между широко расставленными коленями. Когда вошла Ли, он поднял на нее взгляд.

– Прости, что я не сказал тебе о Шерон, – сказал он без всякого вступления. – Учитывая, какой смертью она умерла, думаю, ты согласишься, что это был не самый приятный предмет для разговора с женщиной, за которой ухаживаешь.

Это был довольно неубедительный довод, и Ли чувствовала, что за недомолвками Чада кроется нечто большее. Она была полна решимости вытянуть из него всю правду.

– У тебя была масса возможностей рассказать мне о ней. Чад. Во время родов я задала тебе вопрос, женат ли ты. Ты мог просто сказать, что ты вдовец. Когда я говорила тебе о Грее, это был идеальный момент, чтобы рассказать мне о Шерон. Или в тот вечер, когда мы с тобой вносили ясность во все твои тайны, – ты ведь мог сказать мне и о ней. Да-да, если бы ты хотел сказать мне, то нашел бы для этого не одну возможность.

– Ну, хорошо, – сказал он резко и вскочил на ноги, ероша рукой волосы. – Я не хотел говорить тебе!

– Вот это уже ближе к правде.

Он в волнении посмотрел на нее, и рука его замерла у рта в каком-то вызывающем жесте. Он заговорил тихим и сдержанным тоном, но в нем слышался едва сдерживаемый гнев:

– Я не хотел тебе говорить, потому что я знал, что твоя реакция будет именно такой, как сейчас. Ты восприняла бы поступок Шерон лишь как еще одну причину для того, чтобы нам не быть вместе.

– Да. Это правда. – Под натиском правды и здравого смысла ее злость развеялась, и она опустилась на диван. – О Чад, как ты не понимаешь, я никогда не дошла бы до самоубийства, но каждый раз, как тебя вызывали бы на тушение пожара, я чувствовала бы себя самой несчастной. Я знаю, что так оно и было бы. Когда Грег уходил на задание, я переживала это всякий раз одинаково остро. И он тоже начинал чувствовать себя несчастным, а я не хочу, чтобы это происходило и с тобой тоже.

Он присел перед ней на корточки и взял ее за подбородок, так что ей пришлось смотреть ему в лицо.

– Я не говорю, что ты не должна беспокоиться. Но ты не такая, как Шерон. Ли, она ведь была как бабочка – капризная, нервная, легко возбудимая, страшущаяся собственной тени. Я и женился-то на ней отчасти из-за того, что хотел защитить ее. Она во всех вызывала эти чувства, особенно в своих родителях. Пока мы еще не были женаты, каждый раз, уводя ее на свидание, я чувствовал себя виноватым, потому что они не могли спокойно видеть, как она покидает дом даже на несколько часов.

– Не очень-то здоровая атмосфера, не так ли?

– Да, и мне бы следовало понять это раньше. Я не столько

любил ее, сколько жалел. Клянусь Господом, Ли.

– Я верю тебе. Чад. Я знаю, как ты относишься к женщинам. Ты хочешь нас всех защитить.

– Ты – это совсем другое.

По выражению его лица она точно знала, как он относится к ней. Его глаза, застывшие на ее губах, его руки, обхватившие ее за талию, – они говорили ей, что она возбуждает в нем нечто большее, чем жалость и отеческую заботу.

– Я хочу, чтобы у тебя с Сарой был дом. Я хочу придать вашей жизни стабильность. Но я не бескорыстен. Ты нужна мне. Ли. Мне нужна партнерша во всем. Я хочу разделить с тобой, свою жизнь. Разговоры, проблемы, смех, секс. Все. Мне не нужна фарфоровая кукла, которую надо беречь и нежить. Мне нужна женщина. Ты.

Он рассматривал тонкие вены на тыльной стороне ее руки. Подняв голову, он с изумлением увидел слезы у нее на щеках.

– Ли, что?..

– Как ты не понимаешь, Чад? Все те качества, которых тебе недоставало в Шерон, ты хочешь видеть во мне. Но у меня их тоже нет!

– Есть!

– Ты думаешь, что я смелая. Грег сказал бы тебе нечто совсем иное. Я с ума его сводила своим нытьем всякий раз, как ему надо было уходить. Я делала его таким же несчастным, какой я чувствовала себя. Мне не хотелось бы подвер-

гать этому и тебя. И я сама не хотела бы вновь это пережить, не говоря уже о Саре.

– Все будет по-другому. Ли. Я видел, как ты справляешься с самыми непредсказуемыми ситуациями, – с гораздо большим мужеством, чем многие женщины сумели бы проявить за всю свою жизнь. Господи! Да ты ведь рожала черт знает где, без анестезии, без антисептиков, без чьей-либо помощи, если не считать мужика, онемевшего от страха навредить тебе или ребенку. И ты продолжала улыбаться.

– Но разве у меня был выбор? – сказала она со смешком.

– Конечно, – ответил он серьезно. – И у Шерон был выбор – не глотать снотворное, а, стойко принять все, что бы ни случилось со мной. Но она предпочла иное.

Ли чувствовала, как воздвигнутый ею бастион медленно рассыпается под напором его аргументов. Наверное, самоубийство Шерон причинило Чаду большую боль, тем более что он всегда хотел оградить ее от всего остального мира. При виде его искаженного болью лица Ли почувствовала, как на нее накатывает волна сострадания и нежности. Ли понимала, что хотя это и было бы, пожалуй, самым разумным, но она не сможет вот так взять и расстаться с Чадом. Она знала, чем она рискует, знала, какую сердечную боль принесет ей уже первая же его поездка на тушение пожара на какой-нибудь нефтяной скважине, но весь этот кошмар казался ей таким далеким сейчас, в минуту их душевной близости. Когда будет надо, она встретит все трудности с открытым лицом.

Но не сейчас. Она провела рукой по его волосам.

– Чад, мне жаль, что так случилось с Шерон.

– Спасибо, Ли. Я знаю, мне следовало сказать тебе раньше, но я боялся потерять тебя. – Он положил голову ей на колени, а руками обхватил ее за талию. Нежно глядя ее, он сказал:

– Ли, ты нужна мне. Не гони меня. Пожалуйста.

От его ласки сердце ее забилось быстрее. Она чувствовала, что тает от его поцелуев, как теплое масло.

– Чад, ведь мы еще так мало знакомы. Можно сосчитать на пальцах одной руки, сколько раз мы были вместе.

– Я еще в больнице полюбил тебя. И уже тогда я решил, что вы с Сарой должны стать частью моей жизни.

– Почему же ты не остался? И не вернулся?

– Было не время, я понимал это. Я подумал, что ты, должно быть, еще скорбишь по Грегу. Ведь с его смерти не прошло и года. И ты только что родила его ребенка – последнюю ниточку, связывающую тебя с ним. Я бы чувствовал себя непрошеным гостем. Мне надо было дать тебе время оправиться морально и физически от всего, через что тебе пришлось пройти. К тому же было такое впечатление, будто со всеми до единой нефтяными скважинами в мире что-то произошло. Меня гоняли по всему миру. Кроме того, я боялся, что тебе будет неловко видеть меня снова. Так часто бывает: если людей сводит вместе трагедия или почти трагедия, то им потом бывает трудно встречаться при обычных

обстоятельствах.

Она провела рукой по его голове, покоящейся у нее на коленях.

– Пожалуй, мне следовало бы чувствовать некоторую неловкость, но этого не было. Ты проявил такое... такое внимание ко мне – как раз то, что мне было тогда нужней всего. – Она сделала паузу, после чего призналась:

– В тот вечер в больнице, когда ты ушел, я плакала.

Он поднял голову и посмотрел в ее синие глаза. Затем приподнялся, сел на диван, откинулся назад и притянул ее к себе, крепко прижав к груди. Пригладил густые каштановые волосы, упавшие ей на лицо.

– Я болтался там, возле больницы, пока не приехали твои родители. Я не мог просто взять и уйти, оставив тебя без поддержки и помощи. Я хотел представиться им, но у меня был такой замызганный вид, и я испугался, что они придут в ужас, узнав, что такой страшный мужик принимал роды у их дочери.

Проведя пальцем по его губам, она рассмеялась.

– Пожалуй, это одно из самых мудрых твоих решений.

– Почему?

– Потому что они именно так бы и среагировали на твое появление в тот день. Они совсем не столь сердечны и не столь терпимы и доброжелательны, как твои родители.

Он перебирал пуговицы на ее блузке.

– А что ты обо мне подумала в тот день?

– Я тоже была в ужасе, пока ты не снял темные очки и я не увидела твоих глаз, – сказала она без утайки.

– У меня глаза очень чувствительны к солнцу. Я круглый год ношу темные очки.

– И ты все называл меня „мэм“. Это никак не вязалось с твоей бандитской внешностью.

– Моя мама была бы счастлива, что ее строгие уроки этикета не прошли даром, – сказал он с улыбкой.

– Но несмотря на твой грязный вид, я подумала, что ты красивый, особенно с этим платком на лбу.

Он засмеялся.

– Это не было украшением. Я повязал лоб, чтобы пот не капал на тебя и ребенка. Я так боялся навредить вам обоим.

– Ты был внимательнее любой сестры или врача, – прошептала она.

Он положил руку ей на затылок и, притянув ее к своим жаждущим губам, нежно поцеловал. Его губы снова и снова мягко касались ее, лишь изредка прижимаясь сильнее, прежде чем опять слегка отстраниться.

Потом он уже не мог больше сдерживаться. Он припал к ее рту, пока они оба одновременно не раскрыли губ и не дали волю желанию, сдерживаемому на протяжении вот уже нескольких часов.

Не выпуская ее из объятий, он придвинул ее к подушкам дивана, а сам занял неустойчивую позицию на самом краю. Их бедра переплелись. Он поднял ее руку и положил себе

на плечо, дав себе таким образом лучший доступ к ее груди, которую продолжал ласкать через шелковую блузку.

Они целовались с таким жаром, что в конце концов им пришлось оторваться друг от друга, запыхавшись и слыша, как в унисон бьются их сердца. Они рассмеялись, испытывая подлинное наслаждение друг от друга. Чад снова стал осыпать легкими короткими поцелуями ее щеки, шею, грудь, следом за пальцами, которые успели торопливо освободить ее от блузки и белья. Зарывшись лицом в открывшуюся таким образом глубокую ложбину, он пробормотал:

– Ли, ты хочешь меня?

Она кивнула, вздохнув под его горячим и влажным поцелуем, которым он наградил внутренний изгиб ее груди.

– Да, Чад, да.

Он поднялся с узкого дивана и взял ее на руки, как тогда, когда нес ее из своего пикапа.

– Тогда я сейчас буду тебя любить, – сказал он, прижимаясь к ее волосам.

Охваченная внезапным приступом скромности, она зарылась лицом ему в плечо и снова кивнула. Он отнес ее через холл в спальню. Опершись коленом в матрас, он медленно и осторожно положил ее поперек кровати.

Он выпрямился, и Ли как замороженная смотрела, как он стягивает с себя одежду. Он так спешил, что в нетерпении едва не оторвал пуговицы с рубашки. С голой грудью он скакал на одной ноге, снимая ботинки и носки. Ли еще не успе-

ла подготовиться к его виду в одних темно-синих трусах, как он уже был без джинсов. У нее захватило дух.

При свете маленького ночника углубления его тела казались темнее, а выпуклые места становились еще более рельефными. На фоне темной кожи выделялась растительность, густо покрывающая грудь и лишь слегка припорошившая остальные места. Когда он нагнулся к ней, на ногах и руках его заиграли мускулы. Без рубашки он казался еще более широкоплечим и мощным. Свидетельство его мужской силы под облегающими трусами было столь внушительным, что Ли на мгновение охватила паника.

Но его голос устранил всякое замешательство.

– Ли.

Он просто произнес ее имя, но это простое слово и то, как он его произнес, сказали ей больше всяких других слов. Он поцеловал ее, раздвигая языком губы и наполняя ее блаженством, которое, как стрела, пронзило ее до самой глубины.

Его рука нащупала ее грудь. Мягко массируя, он приподнял ее и стал легонько потирать сосок большим пальцем. Когда же сосок набух и затвердел под его лаской, он обхватил тугую почку губами. Ли впилась руками ему в волосы.

– Чад, Чад, – воскликнула она, извиваясь всем телом и чувствуя, как то, что он делает своими губами, доставляет ей неслыханное удовольствие.

– Я никогда не смогу насытиться тобой, – прошептал он, повернув голову к другой ее груди. Плоской ладонью с

расставленными широко пальцами он водил по ее животу. Опять, уже во второй раз за один день, ему пришлось биться с застежками и молнией. Он сел и нагнулся, чтобы снять с нее туфли.

Прозящим взором он искал ее глаза, чтобы затем запустить пальцы под резинку ее шерстяных брюк и стянуть их с нее. Теперь на ней оставались лишь колготки и желтые кружевные трусики.

– О-оо! – Она закрыла лицо руками. – В кино женщины всегда носят шелковые пояса с резинками и черные чулки.

– Разве я на что-нибудь жалуясь? – спросил он с легким смешком, стягивая с нее колготки.

На какой-то миг он остановился, чтобы оглядеть ее полунаготу, а затем лег рядом с ней, по-хозяйски обхватив рукой за талию.

– Никогда – ни в жизни, ни в кино – не видал женщины, которая была достойна хотя бы держать для тебя свечу. У тебя очень красивое тело. Ли. Я думал, что у молодых матерей отвислые груди и дряблые животы с некрасивыми растяжками на коже.

Он поцеловал ее долгим и глубоким поцелуем, а затем продолжал, как если бы и не прерывался:

– У тебя потрясающе крепкие груди. В качестве доказательства этой мысли он принялся дразнящими круговыми движениями массировать один сосок, пока он в ответ не сжался и не затвердел.

– И растяжек у тебя никаких нет, – бормотал он, теребя сосок языком. – Ты вся такая красивая.

Рука его скользнула под кружевные трусики и нежно обхватила ее ягодицу. У нее вырвался легкий горловой стон. Он лег рядом, прижав свою вставшую плоть к ее бедру. Она придвинулась к нему еще теснее.

– Разрешите отдать вам почести, – прошептал он, спуская с нее трусики. Приподнявшись над нею, он стал, покачиваясь, ласкать ее бедро между двумя своими. Волосы у него на ноге щекотали и дразнили ее шелковистую кожу. – Поцелуй меня. Ли.

Ей не требовалось второго приглашения. Ее губы уже ждали этого. Пробуя его на вкус, язык ее без лишних церемоний устремился в глубину его рта. Руки блаженствовали на просторах его твердой и мощной спины. Она обхватила его руками за пояс и двигалась с ним в такт.

Оторвавшись от ее губ, он обжег ее живот ненасытными и грубыми поцелуями. Одна отважная рука продвигалась вверх по ее бедру. Защищаясь, она держала ноги вместе, но это продолжалось недолго, и она расслабилась под его настойчивыми пальцами.

– Я не хочу сделать тебе больно, – простонал он в отчаянии. Но ему не о чем было волноваться.

Она была вся открыта для его любви, подготовлена к ней силой его поцелуев, магией его прикосновений.

– Милая, дорогая, родная моя. – Он обдал ее разгорячен-

ную кожу жарким дыханием. Он поцеловал ее в пупок и в ложбинку на стыке ее бедер, в густой пучок завитушек.

– Чад, пожалуйста, – всхлипнула она. Руками она скользнула под его белье и обхватила тугие мышцы ладонями. Она поверить не могла в собственную смелость, которая была вознаграждена, когда он встал, чтобы стянуть трусы быстрыми резкими рывками ног и рук.

Протянув руки к его мускулистому торсу, она привлекла его к себе. Его грудь оказалась прижатой к ее груди, и животы сомкнулись. Его твердость вплотную слилась с ее уютной мягкостью.

Потянувшись губами к его губам, она разгладила озабоченные морщинки с его лба. Поцелуй затянулся, и она чувствовала, как исчезает его сдержанность, но все же его разведка была робкой и еще как будто предварительной. Изнывая от желания, она ободряюще погладила его по спине. Он неровно задышал и зашептал ей в самое ухо:

– Господи, Ли, я больше не могу. Я не могу больше сдерживаться, – прорычал он и переступил порог.

Она испытала минуту щемящего напряжения. Это было похоже на новую потерю девственности. От этой мысли она ужаснулась. Это было начало ее с Чадом отношений. Она была для него чем-то неизведанным. Не отрываясь от его поцелуя, она издала легкий крик восторга.

В ответ на ее возбуждение прозвучал его вздох.

– Как хорошо с тобой... как хорошо, – простонал он. Убе-

дившись, что она не распадается на части, он проник глубже и стал раскачивать ее в такт своим, вечным как мир, движениям. Это было как если бы они вдвоем скатились с края Земли. Когда она снова оказалась на земле, он крепко схватил ее и горячо прошептал:

– Я люблю тебя. Ли, я тебя люблю...

– Я не сделал тебе больно. Ли? После родов...

– Нет-нет, – прошептала она, прильнув к нему ближе.

– Вот и хорошо, – сказал он с облегчением. Он поймал прядь ее волос и теребил между пальцами. – Шерон боялась секса так же, как и всего остального, особенно когда в первую брачную ночь я разделся. В ту ночь я чувствовал себя садистом, да и потом было не лучше. Она любила меня, но она страшилась любви.

Он перевернул Ли на спину, и пальцы его заскользили по изгибу ее груди.

– Ты совсем другая – теплая и чувственная. Я едва поспевал за тобой. – Она играя шлепнула его по руке, но тут же поняла, что его поддразнивание лишь означает, что его-то подспудно беспокоит нечто. – Хотел бы я знать... – Он прокашлялся и попытался улыбнуться, а затем плюхнулся на спину. – Ну да ладно.

Она поняла, что он хотел бы знать, и это его мужское тщеславие позабавило ее, но она скрыла улыбку. Не желая говорить с ним покровительственным тоном, она поставила вопрос ребром:

– Чад, ты думаешь обо мне и Грегге?

– Это меня не касается.

– Теперь касается, – сказала она просто.

– Я не прошу никаких сравнений.

– Я и не собираюсь проводить никаких сравнений. – Она наклонилась и нежно поцеловала его в губы. – Мне было хорошо с тобой. С того первого поцелуя в больнице я чувствовала, что моя реакция важна для тебя не меньше твоего собственного удовлетворения. Для меня это так много значит – как и для всякой женщины. С Грегом я никогда не чувствовала, что обо мне заботятся. С тобой – да.

Она могла бы рассказать ему куда больше. Она могла бы сказать, что с Грегом она ни разу не переступила порог сознания. Он был умелый любовник, но у нее не было ощущения, что она занимает его целиком. Даже лежа в его объятиях, прикинув к нему всем телом, она продолжала чувствовать, что мысли его где-то далеко, и он действует больше по привычке, чем повинуюсь порыву. Но обсуждать это с Чадом было бы несправедливо по отношению к памяти Грега.

– Еще я хочу, чтобы ты знал, что после Грега у меня никого не было. Да и... да и до него тоже. До сегодняшнего вечера я спала только со своим мужем.

Возможно, ему трудно было поверить столь старомодному признанию.

Он повернулся к ней, так что их лица оказались напротив друг друга.

– Ли, ты просто сокровище, – сказал он тихо, погладив ее по щеке кончиком пальца.

– И ты тоже.

– Я люблю тебя, Ли. Я не хотел этого говорить раньше, чтобы ты не подумала, будто я просто пытаюсь затащить тебя в постель. Я был так счастлив, когда ты сказала, что хочешь меня, что, даже если бы ты сказала, что пока не готова, одно сознание того, что ты меня хочешь, сделало бы меня счастливым. По крайней мере, сердце мое было бы спокойно. Уж не знаю, как насчет других частей тела... – Они тихо засмеялись, хотя в глубине души Ли не была уверена, готова, ли она уже воспринять его любовь. – Я люблю тебя. Но если ты мне сейчас скажешь уйти – я уйду.

– Нет. Остайся, – прошептала она, уверенная только лишь в одном – что ей хочется, чтобы он остался. Она вжалась в него, прижимаясь грудью к его твердой груди.

Его рука скользнула по ее тонкой спине и притянула ее к себе еще крепче. Они поцеловались.

– У тебя очень впечатляющая грудь, – проговорила она, уткнувшись носом вниз в щекочущий курчавый коврик.

– Твоя тоже в порядке.

Под ее притворными игривыми укусами он рассмеялся. Движения его рук говорили ей о том, что ему очень нравится, как она сложена. Он держал ее грудь в ладонях, а большими пальцами исследовал соски.

Она скользнула ртом по его груди и отыскивала его мужские

маленькие соски. Она попробовала, как они среагируют на ее язык. Все тело Чада напряглось от ожидания, когда ее рука начала свой путь. Продолжая испытывать его медленно, лижущими поцелуями, она рукой нащупала его мужскую силу, упруго прижатую к ее бедру.

– О господи, – простонал он сквозь зубы. – Ли, что ты делаешь?

– Люблю тебя.

Она безжалостно продолжала свое дело, пока он не задышал ей в шею отрывисто и жарко от возбуждения.

– Дорогая, если ты... если ты не перестанешь... Ли... Я не смогу...

– И не надо. – Она пристроилась к нему всем телом, принавиваясь к его инстинктивным толчкам.

Когда он погрузился в шелковистое царство, его сотряс глубокий вздох.

– Ты все делаешь просто потрясающе. И сильно, и правильно.

Он был прав. Действительно, все было идеально.

– Ни одна кухня не должна без нее обходиться, – сказал он ей на ухо, носом убрав волосы в сторону. Упершись руками в полку, он заключил Ли в плен.

– Без кого? – спросила она, смеясь, выжимая губку, которой она только что вымыла их тарелки после завтрака.

– Без кухарки, с которой больше думаешь о поцелуях, чем

о еде... – Он приоткрыл губы и стал щекотать ей шею языком.

– От тебя хорошо пахнет, – сказала она, кладя голову ему на плечо и обратив к нему свое лицо.

– Я позволил себе воспользоваться твоим душем и бритвой, прежде чем будить Сару. – Его дотошный рот детально исследовал ее ухо. – К счастью, у меня в машине была смена белья и одежды. – На нем были джинсы и другая ковбойская рубашка. Она чувствовала, что на ногах у него ботинки. В них он всегда примерно на дюйм выше.

– Спасибо, что позволил мне поспать подольше.

– Ну, я подумал, что это будет по-джентельменски. Ведь я полночи тебе спать не давал.

– Но ты ведь и сам полночи не спал, – лукаво отпарировала она, прижимаясь к нему бедрами.

Он шлепнул ее по обтянутому джинсами мягкому месту.

– Ты тоже за словом в карман не лезешь. – Очевидно, его рука не находила никаких веских причин, чтобы оставить то, что показалось ей таким интересным. Она продолжала поглаживать твердые округлые мышцы ее ягодицы. – Но мне нравится твой юмор. Кстати, – проворчал он ей в ухо, – мне почти все в тебе нравится. Вот это, например. – Он слегка ущипнул ее. – И еще чувствовать твоё тело рядом.

Он придвинулся ближе и прижался к ней сзади животом.

– Видишь, как мы друг другу подходим? – спросил он тоном соблазнителя. Ли вздохнула и вжалась спиной в его

грудь. – До самых интересных мест мы еще и не добрались. – Его руки скользнули по ее талии, затем вверх по грудной клетке и стали ласкать ей грудь. – Скажи, когда хватит, – сказал он, продолжая поглаживать ее.

– Никогда.

– Никогда? Гм-м... Значит, ты все же решила оставить меня при себе?

Глава 7

Она выпрямилась и одним резким движением повернулась к нему лицом.

– Этого я не имела в виду. Чад. Он взял ее лицо в ладони и пронзил ее умоляющим взглядом.

– Тогда что же ты имела в виду? С большим трудом ей удалось оторвать от него взор.

– Не знаю, – выдохнула она. – Я понимаю, что нас влечет друг к другу. Чад, и что мы вместе пережили чудесный миг рождения Сары. Но этого недостаточно.

Он насупился.

– Я ведь объяснил тебе, почему я не сказал тебе о своей работе. Ли.

– Знаю, знаю. Чад. – Она зарылась лицом в его теплую грудь и обхватила руками его за талию. – Только дай мне время. Пожалуйста. Пока я не вижу, как совместить твою карьеру и мое будущее. После смерти Грега я поклялась, что никогда не свяжусь с человеком, у которого опасная работа. Как ты не видишь? Я не могу во второй раз рисковать потерять любимого человека – просто не могу.

Он крепко стиснул ее за плечи.

– Тебе не придется. Клянусь тебе. Просто смешно цепляться за решение, которое ты приняла задолго до того, как мы встретились. Мы созданы друг для друга. Ли. Я все сде-

лаю, чтобы убедить тебя выйти за меня замуж. Я не хочу на тебя давить, но ты все равно скажешь „да“ – рано или поздно. Я от тебя не отстану, пока ты этого не сделаешь.

Начало кампании он ознаменовал таким серьезным поцелуем, что Ли едва сразу же не сдалась. Но прежде, чем его рот стал уж слишком убедительным, она оторвалась от него.

Повернувшись к нему спиной. Ли оперлась руками о стол. Она делала отчаянные усилия собрать остатки сил и мужества, которые покидали ее, боролась против искушения поддаться его уговорам.

– Тебе сегодня не надо на работу? – спросила она в надежде переменить тему.

– Я звонил сегодня утром. Поскольку им известно... – Она нахмурилась, и он продолжил более миролюбивым тоном:

– Поскольку им известно, где меня можно найти, то мне предоставлено несколько свободных дней. А ты идешь сегодня на работу?

– Мне нужно только заехать в торговый центр и проверить, политы ли пуансеттии и не испортил ли кто украшения.

– Ну да, и не упал ли на кого-нибудь северный олень, – поддразнил он, и она рассмеялась. – Ну хорошо, ты кончай уборку. Сару я искупаю и переодену.

– Но, Чад...

Возражения были прерваны поцелуем.

– Мне никогда не приходилось иметь дело с младенцем. Мне всему предстоит научиться.

На самом деле он справился на удивление хорошо. Ли надела юбку и блузку, наложила макияж и причесалась, а Чад тем временем искупал и одел ребенка. Ли прошла мимо детской в кухню, чтобы закончить собирать сумку с запасными пеленками, бутылочками с едой, подогревателем и детской ложечкой.

– Ну, как дела? – спросила она.

– Мы почти готовы. Сейчас выходим в гостиную.

Единственное, в чем он спросил ее совета, это во что одеть ребенка.

Для окружающих они были обыкновенной семейной парой, совершающей покупку, и Чад не стремился изменить это впечатление. Пока они ходили по торговому центру, он нес на одной руке Сару, одновременно обнимая другой рукой Ли, за исключением тех моментов, когда она действительно проверяла свои украшения. И как всегда, когда они показывались на людях, многие останавливались и дружески заговаривали с Чадом. Он с гордостью представлял всем Ли и Сару.

После этого они заехали в кафе и взяли на дом жареного цыпленка, а затем Чад направил свой „феррари“ в район загородного имения Сэддл-клуб.

– Хочу показать тебе свой дом, – сказал он. – Там и поесть сможем.

Дом Чада еще до того, как она узнала, кому он принад-

лежит, не раз привлекал ее внимание. Это было сочетание традиционной и современной архитектуры. Дом был построен из камня и кедра. Впереди красовался живописный двор, обсаженный пока еще молодыми ореховыми деревьями, которые со временем обещали прекрасную тень.

Чад нажал кнопку на пульте в машине, и ворота распахнулись. Въехав во двор, он поставил машину перед гаражом.

– Вот мы и дома, – сказал он весело, жонглируя судками с жареным цыпленком, а другой рукой открывая дверцу для Ли и Сары.

Отперев дверь, выходящую на мощный кирпичом внутренний дворик, он впустил их в дом, а затем быстро отключил сигнализацию, которая загудела, едва они переступили порог. Он набрал код на панели, и гудок прекратился.

– Напомни мне, я дам тебе ключ и код сигнализации, чтобы ты могла без проблем заходить сюда.

Потрясенная, Ли лишь кивнула. Она чувствовала себя как деревенская девчонка, впервые очутившаяся в городе. Дом будто сошел со страниц „Архитектурного дайджеста“. Во всем чувствовалась рука профессионального дизайнера, и все же в интерьере не было той безликости, какая часто сопутствует профессиональному оформлению. Выложенный сверкающими плитками пол был застлан старинными восточными коврами, тем более ценными, что они были старые и местами вытертые. Авторские произведения искусства гармонично сочетались с эстампами и плакатами. На столах

и этажерках стояли вещицы, которые Чад, должно быть, привез из своих странствий по свету. На всем лежал отпечаток его индивидуальности.

– Чад, – прошептала Ли, словно она находилась в музейном зале, – как здесь красиво!

– Но тебе нравится?

Обернувшись, она увидела, что он смотрит на нее с нетерпением и волнением, опасаясь, вдруг она не одобрит его жилища.

– Да, нравится, – ответила она с легким смехом, – я просто никак не могу этого переварить.

– Пойди посмотри остальное.

Это, конечно, намного превосходило все ее ожидания. В доме было четыре спальни, гостиная, примыкающая к спальне хозяев, четыре ванных комнаты, не считая хозяйской, столовая, игровая с баром, огромная гостиная, кабинет, комната для стирки и летняя кухня. Каминны были в хозяйской спальне, гостиной и уютной столовой, примыкающей к кухне.

Позади дома сверкал бассейн с источником, кабиной для переодевания и еще одним баром, приспособленным для любой погоды.

– И здесь живет один человек? – смятенно спросила Ли, стоя в гостиной со сводчатым потолком.

– Смешно, да? – горестно ответил Чад. – Я купил этот дом пару лет назад у приятеля моего отца, нефтяника. Он

построил себе другой, побольше и получше.

– Больше и лучше этого? Чад рассмеялся.

– Я его купил, скорее, чтобы вложить капитал, чем с другой какой-нибудь целью. Бывший владелец не очень-то думал о выгоде, ему важно было получить свои деньги обратно. С тех пор дом значительно поднялся в цене благодаря буму на жилье в центральных штатах. Но когда возвращаешься сюда, чувствуешь себя чертовски одиноко. И здесь никто никогда со мной не жил. Я купил его уже после того, как Шерон... умерла.

Он обнял ее, не обращая внимания на то, что между ними была Сара. То, что ребенок оказался в центре их объятий, было чем-то вполне естественным. Чад горячо поцеловал Ли.

– Как думаешь, – прошептал он ей прямо в губы, – почему бы нам и не заполнить эти многочисленные спальни маленькими Диллонами?

Его рука передвинулась ей на грудь и принялась ласкать ее тем уже знакомым ей движением, которое, тем не менее, по-прежнему возбуждало ее своей новизной.

– Ага, и теперь, когда у тебя уже есть определенный опыт, ты сможешь принять их всех, – поддразнила она.

– Предпочитаю их делать. Внезапно Ли отстранилась и закрыла рот рукой.

– Чад, я вдруг подумала... Ведь прошлой ночью ни ты, ни я... Он рассмеялся.

– Ничто не доставит мне большего удовольствия, чем твоя беременность. Тогда уж тебе точно придется выйти за меня замуж.

– Чад! Я ведь еще не сказала, что пойду за тебя!

– Ш-ш-ш. Я просто пошутил.

Саре, похоже, наскучил их разговор. Она колотилась головой о плечо матери и подняла кулачки, предупреждая, что ее терпению приходит конец.

– Пожалуй, нам следует накормить того ребенка, который у нас уже имеется, – сказал Чад. – Я тоже голоден, Сара. Пойдем.

Он взял девочку у Ли и понес ее на кухню. Но ему очень скоро пришлось отдать ребенка матери, потому что Ли была больше привычна к тому, чтобы, держа на одной руке малышку, разогревать еду другой. Чад расставил на столе керамическую посуду, а салфетки постелил бумажные – те, что были упакованы вместе с цыпленком.

– А кто убирает в доме?

– Я плачу одной женщине, она приходит раз в неделю. Она стирает и делает уборку.

Ли бросила на него подозрительный взгляд.

– И что за женщина?

– Уже ревнуешь?

– Что за женщина? – повторила она.

– Примерно двадцати двух лет, блестящие черные волосы до пояса, длинные стройные ноги, потрясающая фигура, но

немного кривые зубы. Ты знаешь этот тип. – Он равнодушно пожал плечами.

– Ты, надеюсь, опять дразнишь меня?

– Если она тебя так беспокоит, я готов ее уволить.

– Чад Диллон...

Он схватил ее и молча поцеловал.

– Сядь, женщина. У миссис Де Леон шестеро детей, все уже взрослые и сами имеют детей. Я это хорошо знаю, потому что если мне случается быть в эти дни дома, то я вынужден выслушивать всякие подробности о каждом ее внуке. Ей порядка шестидесяти, ростом она не более пяти футов, и она всю жизнь любила покушать. А сейчас можно мне приступить к еде?

Ли запихнула в ротик Саре ложку протертой говядины. Она пыталась сдержать улыбку, но уголки губ сами собой растягивались.

– Обожаю целовать у тебя под коленками, – объявил Чад, впиваясь зубами в хрустящую корочку цыпленка.

Дело было сделано. Она расхохоталась.

– Ты невыносим! Сначала ты морочишь мне голову со своей домоправительницей, затем говоришь нечто, что совершенно не вяжется с обеденным столом.

– Что прикажешь делать, если у тебя такая вкусная кожа? Везде.

Воспоминание об их близости прошедшей ночью охватило тело Ли новой волной желаний, но она твердо решила

съесть свой обед.

– У тебя не найдется какого-нибудь соуса к этой картошке? Он хохотнул.

– Решила переменить тему? Можешь пытаться, конечно, но предупреждаю, что в эти дни у меня все мысли об одном.

Одного взгляда в его голубые глаза было достаточно, чтобы Ли поняла, о чем он думает.

Она надеялась, что ему невдомек, что и она думает о том же самом.

Когда Сара расправилась со своей бутылочкой и с куриной ножкой тоже было покончено, Чад предложил уложить ребенка поспать на двойное кресло в хозяйской спальне.

– Можно развернуть его к стене, тогда оно будет как детская кроватка.

По настоянию Ли они застелили роскошную обивку кресла пластиковыми мешками для мусора, прежде чем заправить пеленку.

– Я просто умру, если она намочит – или еще что похуже – это шикарное кресло, – сказала она.

– Она никогда не позволит себе ничего того, что не пристало настоящей леди, – возразил Чад в защиту девочки. В ответ он получил мрачный взгляд от ее матери.

– Почему бы нам тоже не вздремнуть? – прошептал Чад, когда они отошли от уснувшего ребенка. Не дожидаясь ее возражения или одобрения, он взял ее за руку и повел по ковру к широкой, поистине королевской кровати.

Вся комната была выдержана в бежевых, темно-зеленых и красно-коричневых тонах. Это сочетание производило какое-то мужественное впечатление, но было очень красиво. Чад подошел к стенному шкафу и вытащил с верхней полки два одеяла.

– Это работа моей бабушки по материнской линии, – сказал он, расстилая одно поверх велюрового покрывала. Вернувшись к шкафу, он достал оттуда две пуховые подушки в чистых наволочках с вышитыми на них инициалами. Он плюхнул их на кровать, после чего уселся на край постели и принялся стягивать ботинки. Затем расстегнул широкий кожаный ремень с медной пряжкой. Улегшись на кровать, он протянул руку и нащупал ладонь Ли. Она была несколько разочарована тем, что он на самом деле предполагал именно вздремнуть.

Она сбросила с ног туфли и легла рядом с ним. Он натянул на них обоих второе одеяло.

– Удобно? – сонным голосом прошептал он ей на ухо. Он прижался к ней, обхватив ее одной рукой поперек живота и уткнувшись носом в шею.

– Мм-м, – промычала она, только сейчас почувствовав, что она и сама безумно хочет спать.

– Приятных сновидений. – Он легонько ущипнул ее за зад, а затем снова крепко прижался к ней всем телом.

Она, улыбаясь, погрузилась в крепкий сон.

Она подняла отяжелевшую руку и потихоньку отодвинулась от Чада, чтобы не разбудить его. Он спал абсолютно тихо. Ли скользнула на край постели, широко зевнула и встала. Оглянувшись через плечо, она убедилась, что не разбудила его.

Судя по медным часам на ночном столике, они спали уже больше часа.

Утопая ногами в пышном ковре, она прошла через комнату и, перегнувшись через спинку кресла, посмотрела на Сару. Та по-прежнему лежала свернувшись калачиком и мирно спала. На подбородке у нее поблескивала капелька слюны. Ли ласково улыбнулась ей, чувствуя, как сердце ее наполняется любовью.

Она вернулась к постели. По медленному и ровному дыханию Чада она заключила, что он еще спит. Лицо его было расслабленно, морщинки у глаз менее заметны. Волосы по-мальчишески всклокочены. Он являл собой образец мужской красоты.

Глядя на безмятежное лицо Чада, Ли почувствовала, как ее будто кольнул озорной чертик. Она внимательно посмотрела на подушку. Искушение было слишком велико. Приподняв подушку, она занесла ее над головой Чада, но на полпути его рука перехватила ее.

Ли подавила испуганный крик и отскочила от кровати. Но Чад одним мощным прыжком догнал ее. Посреди комнаты он схватил ее, и оба повалились на ковер.

– Хотела застать меня врасплох, да? – сказал он, поворачивая ее на спину.

– Извини, Чад, извини. Нет, ну пожалуйста, – взмолилась она, когда он принялся щекотать ее. – Чад, ну не надо.

– Извинения тут не помогут!

Его руки, казалось, успевали всюду. Она колотила его по рукам, пока ее собственные руки не оказались прижатыми к голове железной хваткой. Они одновременно расхохотались, тяжело отдуваясь после борьбы. С каждым шумным вздохом ее грудь вздымалась и опускалась. Постепенно смех утих, и они как будто начали осознавать присутствие друг друга и то сексуальное притяжение, какое оба они излучали, повышенную температуру их тел, желание, которое пульсировало между ними.

Они замерли, если не считать глубокого дыхания. Их глаза встретились и затем одновременно опустились на губы друг друга. Оба молчали, не в силах отвести взгляд. Чад облизнул губы. Ли тоже. Затем глаза их встретились снова. Чад отпустил ее запястья и обхватил руками ее голову, утопая в медных прядях волос, сверкающих на фоне ковра. Она приподняла руки и притянула ближе его голову, нежно теребя волосы, спадающие на воротник рубашки. Он шевельнулся, посылая ей сигнал движением своего тела. Сигнал был встречен ответным движением.

Не говоря ни слова, он опрокинулся на нее всем телом и жадно впился ей в губы. Ее язык встретил его нежным про-

тивоборством, а руки обхватили его за плечи. Не выпуская ее из объятий и не прерывая поцелуя, он стал кататься вместе с ней по полу. Ноги их сплелись.

Утомившись, он притих, она оказалась сверху, а он принялся неистово воевать с пуговицами ее блузки. Несмотря на его неловкость, перемежавшуюся со страстными поцелуями, пуговицы в конце концов поддались.

Когда с этим делом было покончено, он стал ласкать ртом выпуклость ее груди над лифчиком, проводя языком по шелковистой поверхности и время от времени прерываясь, чтобы наградить ее нежную плоть пламенным поцелуем. Она же, запустив пальцы ему в волосы, притянула его ближе к себе.

Изрядно помучив ее, он расстегнул наконец лифчик и откинул в сторону. Продолжая руками ласкать ее, он наблюдал за выражением ее лица, нежно массируя налитые груди, которые едва умещались в его ладонях.

Кончики его пальцев были довольно убедительны, и ее соски напряглись. Осторожно – как бы не сделать ей больно! – он ласково перебирал их пальцами.

– Тебе так же хорошо, как и мне? – прошептал он нежно. Она издала невнятный горловой звук, похожий на мольбу. Приподняв голову, он поласкал ее отвердевшие соски губами и языком, одновременно повинуюсь и собственному желанию.

Он осторожно лег на нее, зарывшись головой в ее блузку.

Размеренными движениями рта он как будто играл на струнах ее сердца. Ворота шлюза были открыты, и на нее нахлынула такая любовь к этому мужчине, на которую она и не мыслила себя способной.

Его руки скользнули ей под юбку и стали поглаживать ей бедра и живот. Зацепив большими пальцами резинку колготок, он стащил их с ее ног. Когда он повернул ее на спину, она помогла ему закончить эту процедуру. Белье было небрежно отброшено в сторону.

Теперь наступающей стороной стала Ли. Когда Чад навис над ней, она выдернула его рубашку из-под ремня и расстегнула ее. Затем, чувствуя, как руки ее смелеют под напором страсти, она расстегнула его джинсы и стянула их с бедер. Они с жадностью принялись изучать самые интимные места друг друга.

– Я так тебя хочу. Ли, так хочу, любимая, – прошептал он.

– Да, Чад, да. О господи!

Медленно согнув руки, он прильнул к ней всем телом. Когда он Овладел ею, оба издали вздох удовлетворения.

Долгие счастливые мгновения были позади. Они лежали пресыщенные на ковре в окружении кучи смятой одежды, а руки, ноги и головы их, казалось, не смогли бы разлучиться вовек.

– У тебя совершенно растерзанный вид, – поддразнил он ее.

– Ты против?

– Даже если ты будешь ходить все время голая, я не стану возражать. – Оба посмеялись над таким заявлением. – А как ты думаешь, Сара позволит этому разгулу продолжаться?

– Мы и так уже перебрали время. Она вот-вот потребует ужина, – А есть ли у нас время принять ванну? Она подняла голову, чтобы взглянуть на него.

– Ванну?

– Пойдем. – Он внезапно воодушевился. – У меня вот уже два года есть эта мозаичная ванная длиной шесть футов и глубиной четыре, а я еще ни разу ею не пользовался.

Убедившись, что Сара еще спит, она позволила увести себя в ванную комнату. Она действительно была роскошна до предела. Стены из зеркального стекла выходили на уединенный садик. Правда, там ничто не росло.

– Чад, почему ты тут ничего не посадил?

– Потому что я не собирался развлекать здесь дам. Обещаю тебе, что если ты искупаешься сейчас со мной, то через сутки здесь будет благоухать тропический лес. – Эти слова он произнес, приложив руку к груди и с такой серьезностью, что Ли рассмеялась.

– В любом случае, давай обновим эту ванну. Пока ванна наполнялась, они стянули с себя перемятую одежду. Этот процесс занял чересчур много времени, потому что, помогая друг другу, они то и дело прерывались для долгих поцелуев.

Когда оба были раздеты и ступили в ванну. Ли посетовала:

– Стыд и позор, что у тебя нет пены для ванны.

Чад на мгновение задумался, затем сказал:

– Минуточку. – Нисколько не смущаясь своей наготы и мокрых ног, он вылез из ванны и куда-то направился.

Ли погрузилась в ванну, которая еще только наполовину была наполнена теплой водой. Вернулся Чад с пластиковой бутылкой жидкости для мытья посуды.

– Да ты с ума сошел! – закричала Ли, когда он стал лить эту жидкость под струю воды.

– Голь на выдумки хитра, – заметил он ехидно.

От средства для мытья посуды на поверхности воды образовалась гора пены, под которой они сидели, переплетая ноги. Они наслаждались ощущением мокрой кожи под намыленными руками. Мыло без конца терялось, и тогда начинались упоительные поиски под водой. Губы, безо всяких на то причин, то и дело встречались.

Один поцелуй продолжался так долго, что Ли забыла обо всем на свете, даже о том, что они в ванне, чувствуя лишь, как этот рот рождает в ней вихрь эмоций. Голод, который уже, казалось, был утолен, только усилился, и она ощутила на бедрах его руки, настойчиво притягивающие ее еще ближе.

– Чад, – произнесла она с удивлением, отрываясь от его поцелуя и чувствуя, как он зондирует ее самые сокровенные места. – А можно это делать... в воде... и...

У нее оставалось лишь мгновение, чтобы полюбоваться его улыбкой, в которой были и дьявольское коварство, и лю-

бовное подбадривание.

Сара решила им помочь и не просыпалась, пока они не оделись, хотя в их одежде уже вряд ли можно было выйти на люди. Из солидарности с плачущим ребенком Чад объявил, что тоже проголодался. Тепло завернув девочку, он на минутку вышел с ней и молодой матерью на улицу, чтобы полюбоваться рождественской иллюминацией, которая автоматически включилась с наступлением сумерек.

Сначала покормили Сару, после чего прямо а кухне на пол был брошен матрас, на котором она могла играть, пока Ли и Чад ели свой омлет.

– Надо купить качели или манеж, – рассуждал он, жуя. – Не стану же я все время возить в „феррари“ эти вещи из твоего дома сюда и обратно.

– Для этого можно использовать и грузовик, – сказала ласково Ли, хлопая ресницами. – Да только он у тебя всегда так завален, ведь правда?

Он бросил на нее убийственный взгляд и встал налить себе еще кофе.

– Ты никогда мне этого не забудешь, да? – Он вернулся к столу с дымящейся кружкой и опустился на стул. – В тот момент это было для тебя только безопаснее – думать, что я механик. Я не хотел возбуждать твоих подозрений, подкапывая в „феррари“. К тому же, – добавил он с ухмылкой соблазнителя, – я был занят возбуждением иных чувств.

– Говори, пожалуйста, по существу, – сказала она с притворной суровостью. Затем в задумчивости помотала головой и поковыряла вилкой остатки у себя в тарелке. – Ты ведь вполне обеспечен, да?

– Мне повезло кое с какими вложениями, – уклонился он от прямого ответа.

– И тебе много платят за твою работу?

– Да.

– А дела с самолетами?

– Мы с приятелем несколько лет назад начали чартерные перевозки на двух самолетах. Теперь у нас их четыре. Оказалось прибыльным делом.

– Да уж вижу, – прокомментировала она, окидывая взором свидетельства его коммерческих успехов. – Ты, должно быть, все время занят?

Через стол он потянулся к ней и взял за руку.

– Мы как-нибудь с этим справимся, ведь оно стоит того, правда. Ли?

Она не знала, что на это ответить, поэтому прибегла к другому вопросу:

– Какими еще предприятиями ты владеешь? По тому, как он отвел глаза, она поняла, что ему не хочется обсуждать с ней свой бизнес.

– У меня кое-где есть участки земли. Мне не на что особенно тратить деньги, поэтому я решил их вложить.

– Земля? Пастбищные земли? Коммерческие участки?

Что именно?

Он смущенно пожал плечами.

– Того и другого понемногу.

– А ферма и нефтяные вышки твоего отца?

– Мы с ним партнеры.

Она прикрыла рот рукой и тяжело, нервно вздохнула.

– Ли. – Он взял ее руку, все еще прикрывающую рот, и крепко сжал. – Что тебе до моего счета в банке? Или тебе было бы лучше, если бы я был простым механиком и только?

– Нет, Чад, нет, не в этом дело. Хотя, признаться, все это меня несколько смутило. Ведь Грег, при всей опасности его работы, был все же государственным служащим. Я просто не могу привыкнуть к этому изобилию.

– Не думай об этом. Это ничего не значит. Если бы я был простым механиком, с трудом нажившим квартиру с гостиной благодаря левым заработкам, и у меня были бы вы с Сарой, я чувствовал бы себя самым богатым человеком на свете. А если у меня не будет тебя – ничто из этого, – он обвел рукой комнату, – не будет иметь никакого значения. Сегодня этот дом впервые приобрел какую-то значимость. И только в качестве дома, куда я приведу вас с Сарой.

Его голубые глаза, которые могли излучать такую страсть, сейчас светились убеждением. Он говорил то, что думал, и она знала это. Глаза ее заволоклись слезами, она тронула рукой его красивый рот.

– О, Чад...

На пороге дома Ли он поцеловал ее нежно, но без страсти.

– Чертовски не хочется уходить. С удовольствием провел бы здесь ночь, но не хочу портить твою репутацию. Мы и так вчера вечером дали сплетницам тему для разговоров примерно на месяц.

– Охотно бы рискнула. Он покачал головой.

– Я – нет. Не с тобой. Мы не должны жить вместе, пока ты не станешь моей женой. И ты ею будешь. Ли. Будешь.

Прежде чем уйти, он еще раз поцеловал ее.

Глава 8

Он позвонил в тот момент, когда Ли запихивала Сару в легкий комбинезон после купания.

– Привет. Ты уже встала?

– Пора бы знать. У меня есть живой будильник.

Он рассмеялся.

– На будущей неделе мы приглашены в гости. Точнее – в пятницу вечером. Пойдешь?

– Что за гости?

– Обед по случаю дня рождения троих моих приятелей, которые умудрились родиться в один день.

Она представила себе столовую, битком набитую людьми типа жены Буббы и ее друзей. Утонченные. Преуспевающие. А ей даже нечего надеть для такого общества.

– Это будет что-то вроде пикника под крышей. Все очень просто.

Ну да, вместо золота и бриллиантов они наденут серебро и бирюзу. Ли не была чужда общества, а ее мать, со свойственной ей претенциозностью, обучила ее светским манерам. И все же она понимала, что в компании богатых скотоводов и нефтяников будет чувствовать себя не в своей тарелке. Она уже ощутила некоторую неловкость и робость при виде роскоши в доме Чада.

– Не знаю, право. Чад, – уклончиво сказала она, подыс-

кивая разумный довод для отказа. – Не знаю, что делать с Сарой. Она...

– Можем взять ее с собой. Это семейная вечеринка. Все приглашены с детьми. Там их будет куча, и Сара наверняка будет вести себя лучше всех.

– Ну...

– Дискуссия окончена. Я только хотел поставить тебя в известность, чтобы ты могла планировать свои дела. Слушай-ка, а что ты делаешь сегодня днем?

В ту неделю они больше времени проводили вместе, чем врозь. Он каждый день приходил пообедать вместе с ней. Он забирал ее из торгового центра и вел в ближайший ресторан, или же они вместе ели сэндвичи на скамейке у фонтана.

По вечерам он настаивал на том, чтобы есть не дома, извещая Ли от необходимости каждый вечер стоять у плиты. В первый раз, когда они взяли Сару в ресторан. Ли волновалась, но малышка удивила ее своим прекрасным поведением. Пока они с Чадом поглощали нечто мексиканское, она весело гулила на позвякивающую у потолка люстру.

– Ну, что я тебе говорил? – сказал Чад, кивнув в сторону довольного ребенка.

– Она так хорошо себя ведет мне назло. Чад с недоумением нахмурился.

– Наверное, какая-то логика в этом есть, но я ее что-то не вижу.

Ли рассмеялась вместе с ним.

– Чтобы понять, тебе надо быть матерью. Напомни мне поблагодарить Амелию за то, что она показала нам, как надежно усадить ребенка в высокий стул.

После ресторана они в тихой и интимной обстановке провозили остаток вечера, хотя Чад всегда уходил рано. Расставание было для них всякий раз тяжелым испытанием, и они подолгу не могли оторваться друг от друга. Но Чад не заходил дальше нежных поцелуев и крепких объятий. Как будто он хотел доказать ей, что их сексуальная совместимость отнюдь не является единственной причиной, по которой он хочет на ней жениться.

Сидя в обнимку на диване, они смотрели телевизор, хотя едва ли она могла бы потом сказать, о чем была передача. Она знала только одно – что он рядом, что в его объятиях ей хорошо и надежно. Его присутствие привнесло в ее жизнь какое-то новое измерение, подняло ее на новый уровень и сделало неизмеримо богаче.

Но в силу ее упрямства, теперь, когда она стала зависеть и получать удовольствие от тех благ, которые он принес в ее жизнь, она стала и негодовать по этому поводу.

Он ходил с ней в магазин и брал Сару на плечо, когда ей надоедало ехать в коляске. Ли сама себе не хотела признаться, насколько легче становилась жизнь, когда все делалось не в две руки, а в четыре. Он забирал мешки с продуктами из багажника и раскладывал их по шкафчикам, пока она занималась капризничавшим ребенком. Раньше Ли приходилось

жертвовать одним делом ради другого. В конечном счете они оба доставались ей.

Она привыкала опираться на него в своих повседневных заботах и, когда его не было, безумно страдала. Мягко и неназойливо он убеждал ее, что пора отбросить отговорки и как можно скорее выходить за него замуж.

И все же ей не хотелось отдавать себя ему целиком. Ведь какой-нибудь один только телефонный звонок – и он рванется от нее на долгие месяцы. Стоит ей выйти за него, и она наверняка будет не в силах отпустить его на тушение пожара. Тогда она будет жить в постоянных муках, гадая, вернется ли он на этот раз. Он поклялся ей, что случиться ничего не может, и он непременно вернется, что бы ни произошло. Так же говорил и Грег. Она не знала, хватит ли у нее сил переживать всю эту неопределенность снова и снова.

Более того, она не была уверена, что впишется в компанию его друзей. Без сомнения, они будут удивлены, что Чад, который, по всей вероятности, мог бы выбрать любую Женщину, вдруг предпочел вдову с ребенком. Она была всего лишь дочерью авиационного офицера. Что скажут на это его друзья? Одеваясь на пугающую ее вечеринку в пятницу, она вновь и вновь думала об этом.

Чад говорил ей, что прием будет неофициальный, поэтому она надела хлопчатобумажную юбку „миди“ с широкой оборкой по подолу, коричневые кожаные сапоги и белую блузку в стиле начала века с широкими сужающимися книзу

рукавами и высоким, отделанным кружевами воротничком. Сару она одела в хлопчатобумажный комбинезон.

– Выглядите вы обе просто потрясающе, – сказал Чад, едва Ли открыла ему дверь. – Но ты немного перестаралась.

На нем самом были джинсы, ботинки, ковбойка и замшевый пиджак.

Когда Чад припарковал машину у величественного дома, стоящего на участке в несколько акров сразу за городской чертой, вечеринка уже была в разгаре. Позади дома Ли с удивлением увидела сарай – красиво покрашенный, современный, – но все же сарай.

Она недоверчиво взглянула на Чада. Он ухмыльнулся.

– Пошли же.

Неся ребенка в одной руке, а сумку с пеленками в другой, он ввел ее в сарай, где собралось несколько десятков человек, уже разгоряченных танцами в стиле кантри. В углу огромной комнаты высилась эстрада, на которой грохотали три музыканта.

– Чад!

Каким-то образом хозяйке удалось перекричать оркестр, смех и громкие голоса. Пробираясь сквозь толпу, она дружелюбно улыбалась им. Хотя пальцы ее были унизаны кольцами с огромными бриллиантами, она была одета в джинсы и рубашку, украшенную бахромой по кокетке и рукавам. Ее джинсы были не из модной лавки, а обыкновенные рабочие ковбойские джинсы.

– Ты, как обычно, с самыми красивыми девушками! – воскликнула она громко, обнимая одновременно и Чада и Сару. – Привет! – обратилась она к Ли.

Чад представил Ли хозяйке и ее мужу, который присоединился к их компании, неся в мясистой руке бутылку пива с длинным горлышком. Он так сердечно тряс Ли руку, что она у нее заболела.

– Идите познакомьтесь с остальными, – сказал он Ли и повел за собой. Ей оставалось лишь покорно наблюдать, как хозяйка дома забрала Сару из рук Чада.

– Идите, идите, я хочу познакомиться с Сарой.

В течение следующих тридцати минут Ли познакомили с десятками людей, и все они приветствовали ее столь же дружелюбно, как и первая пара. Время от времени она оборачивалась, пытаясь найти взглядом Сару. Всякий раз она обнаруживала ее на других бережных руках либо под пристальными взорами группы детей постарше. По ее смеху и счастливой улыбке Ли было понятно, что Сара упивается новой компанией и тем вниманием, которое ей здесь уделяется.

Ли понемногу расслабилась. Эта толпа не вызывала у нее робости. Совсем наоборот. Ей сказали, что кое-кто здесь работает вместе с Чадом. Другие же были его старые школьные друзья. Много было и нефтяников. Был один врач. Другой – президент какого-то банка. Однако с виду казалось, что здесь нет никого из сферы бизнеса. Они собрались, чтобы хорошо провести время, и она очень быстро оказалась во-

влечена в общее веселье.

– Ну как, веселишься? – Чад подошел к ней сзади во время небольшой паузы в оживленной беседе, которую она вела с молодой женщиной, матерью двоих близнецов всего на несколько месяцев старше Сары. Он обхватил ее руками и прижал к себе.

Она слегка повернула к нему голову.

– Да, – сказала она, удивляясь сама себе. – Так и есть.

– Я рад, что хоть одному из нас весело, – прорычал он тихонько ей на ухо. Она резко повернулась.

– А тебе – нет?

– Нет, конечно. Ведь я тебя за целый вечер ни разу не поцеловал.

И не успела она опомниться, как его рот отыскал ее губы и приник к ним в жарком поцелуе. Поцелуй длился недолго, но у нее перехватило дыхание. Когда он отстранился, ее слегка качнуло. На лицах окружающих расплылись улыбки, а одобрительные свистки заставили Ли покраснеть.

– Давай потанцуем, – сказал Чад, беря ее за руку и поворачивая к свободному месту в середине сарая, которое выполняло роль танцплощадки.

Сара сидела на коленях у какой-то бабушки, опершись на ее обширный живот. Женщина держала ее ручки и хлопала ими в такт музыке.

Ли Слегка засомневалась, когда увидела, как пары танцующих смыкают руки, образуя общий большой круг.

– Чад, я так не умею, – сказала она, показывая на начавшийся быстрый танец, на первый взгляд довольно сложный.

– „Хлопковый Джо“?

– В балетной школе, куда меня водила моя мать, такому не учили.

– Уверяю тебя, здесь не требуется никакого особенного искусства, – рассмеялся он. – Это совсем не трудно. Держись только за меня крепче.

Спустя двадцать минут они пробирались с танцплощадки в уединенный уголок. Ли задыхалась, прижимая руки к груди. Она прислонилась к стене.

– Хватит, – пролепетала она. Чад промокнул лоб платком.

– Глоток прохладительного и немного перекусить – и ты будешь готова повторить. Она взглянула на него с сомнением.

– Такой разминки у меня не было с тех пор, как... да нет, пожалуй, не было никогда.

Он приблизился к ней и крепко обнял, и они вместе тихонько рассмеялись. Запах его одеколona подействовал на нее одуряюще. Его сильные руки начали бродить по ее спине, а губы перебирали волосы.

– Как тебе мои друзья?

Она подняла лицо и взглянула на него.

– Очень, очень нравятся.

– Ты им тоже понравилась. Но если кое-кто из этих ребят не перестанет на тебя пялиться, мне придется их поучить.

– Поучить чему? – спросила она хрипло. Его взгляд показался ей таким возбуждающим, что ее и без того разгоряченная кровь закипела еще сильнее.

– Тому, что ты принадлежишь только мне, чтобы ни у кого не оставалось сомнений на этот счет. Тому, что это я тебя нашел, у меня серьезные намерения, а для всех остальных ты табу. Вот чему я хочу их поучить.

Он глубоко и страстно поцеловал ее, запустив язык ей между зубов и наматывая ее волосы на кулак. Она чувствовала, как в нем горит желание и как оно передается ей. Когда наконец они оторвались друг от друга, он еще разок нежно поцеловал ее в щеку и сказал:

– Ли, давай теперь поедим.

Если кто-то и разделял в тот момент намерения Чада, так это была Ли.

Очаг, на котором жарились превосходные бифштексы, был разведен снаружи. В помещение вносили блюда с мясом, печеной картошкой в фольге и огромные миски салата. В несколько рядов стояли длинные деревянные столы для пикника, накрытые бумажными скатертями. Пока Чад наполнял их тарелки. Ли отыскала и принесла Сару.

Лежа на коленях у Чада, малышка барабанила его по животу, пока он не сунул ей в рот кусок рассыпчатой картошки.

Было шумно, кругом крики, смех, ребяческие розыгрыши, и все забыли о застольном этикете ради хорошего времяпрепровождения.

Ли не помнила, чтобы когда-либо ей было так хорошо, и ела с большим аппетитом. Когда на отдельном сервировочном столике был доставлен гигантский именинный торт, украшенный сотней горящих свечей, она вместе со всеми произвольно зааплодировала.

Стоя в дверях ее дома, уже уложив Сару спать. Чад погладил Ли по щеке.

– Ты отлично вписалась, – сказал он. – Мне понравилось, как мы сегодня провели время. Я гордился тем, что я с тобой. Ты не просто очередная девушка. Все, по-моему, восприняли тебя как часть меня самого. Хорошо, если бы и ты воспринимала меня так.

– Все-таки ты со мной безжалостен.

– И хорошо. Я хочу измотать тебя осадой и разрушить твою оборону. – Он с силой притянул ее к себе. – Ли, выходи за меня.

– Иногда мне кажется, что у нас может что-то получиться. А потом...

– А ты не думай о том, что что-то может не получиться. Думай о том, что все будет хорошо.

– Я знаю, знаю. Поверь мне, я понимаю это. Но ведь есть еще твоя работа, Чад. Я ведь не просто упрямлюсь. Я честно не знаю, по плечу ли мне это.

– Давай согласимся на испытательный срок, – тихо предложил он. – Как раз на той неделе мне придется уехать. – Она подняла голову, в глазах ее стоял ужас. – Нет, не на пожар, –

поспешил он успокоить ее. – Мне надо проверить кое-какое оборудование в Луизиане. Я буду звонить тебе каждый вечер в десять часов. Обещаю тебе. И ты посмотришь, каково это – когда меня здесь нет.

Она кивнула. Возможно, испытание вроде этого – не такая уж плохая идея. Возможно, им обоим нужно время, чтобы осмыслить свои чувства. Нельзя, конечно, отрицать, что страсть влечет их друг к другу, и когда они вместе, многое определяется именно этим. Может быть, в разлуке она, смогут взглянуть на вещи по-другому.

– Когда ты едешь? Он нахмурился.

– Завтра.

Первым ее порывом было как следует отругать его за то, что он не сказал ей раньше. Она была на грани паники, оттого что больше не увидит его до отъезда. Но ей следовало теперь привыкать к столь резким переменам. Поэтому она улыбнулась как можно более бодро, лишь слегка дрогнули губы.

– Я буду скучать, – добавила она. – Ты обещаешь звонить?

В ответ он поцеловал ее, и в этом поцелуе было обещание чего-то большего, чем телефонные звонки.

Если бы не выходные, дни неслись бы быстрее. Но суббота и воскресенье тянулись нескончаемо долго. В субботу, по ничтожному поводу – чтобы только уйти из дома, – Ли отправилась в торговый центр. Даже возня с одеванием Сары

на прогулку и необходимость таскать ее коляску по запруженной охотниками до рождественских подарков галерее не остановили ее, ведь эти несколько часов ее мысли не были неотступно заняты Чадом, хотя сказать, что она начисто отвлеклась от него, было нельзя. Когда она, измученная, – тащила Сару и все ее многочисленные принадлежности назад, она сильнее, чем когда-нибудь, ощутила, как хорошо иметь еще и мужские руки.

В тот вечер он позвонил, как и обещал, ровно в десять. Ли уже успела уложить Сару и сама приняла горячую ванну, чтобы быстрее уснуть. Когда зазвонил телефон, она лежала в постели с книжкой. В мгновение ока она подняла трубку.

– Алло.

Она не собиралась играть в скромницу. Перед желанием слышать его голос всякая гордость отходила на второй план.

– Привет, дорогая. – его слова пролили бальзам на ее затаенное ожидание.

Когда были произнесены все банальности о том, как он долетел до луизианской глубинки и как она провела этот день, он сказал:

– Хотел бы я быть сейчас с тобой. В постели. И заниматься любовью. Или просто обнимать тебя. Господи, Ли, как я хочу тебя.

– Я тебя тоже.

– Тогда выходи за меня замуж. Нам будет так хорошо вместе, у нас будет идеальная семья.

– Ничто не идеально. Чад.

– Наша жизнь может быть идеальной настолько, насколько ее в состоянии сделать такой двое неидеальных людей. – Она услышала его вздох. – Я люблю тебя. Я все сделаю, чтобы ты и Сара были счастливы.

– Я знаю, – ответила она тихо, про себя добавив, что он сделает все, только не бросит дело своей жизни. Возможно, она научится жить с этим. Если вопрос будет стоять так: или с Чадом и его работой, или без Чада, – то она, наверное, смирится.

По мере того, как дни шли, она, казалось, все больше свыкалась с этой мыслью. В понедельник, после целого дня, посвященного составлению планов по уборке ее и без того безупречно чистого дома, – чтобы занять время, – она с радостью отправилась на работу. Необходимости в ее появлении не было, но она сама придумала себе дело. Оставаясь дома наедине с Сарой, она все острее понимала, как опустел и дом, и сама их жизнь без Чада.

Он звонил каждый вечер в строго назначенное время и наговорил на астрономические суммы.

– Можешь себе представить комаров в декабре? Могу поклясться, что в моей комнате в мотеле один есть. Я его не вижу, но зато слышу всю ночь.

Она смеялась, и сердце ее пело от любви. Его звонки были для нее как тонизирующее средство, к которому легко привыкаешь. Между девятью и десятью вечера ей начинало ка-

заться, что стрелки часов замедляются. Она с гордостью докладывала ему обо всех своих достижениях за эти дни. Но когда он позвонил в конце недели и сказал, что задержится дольше, чем ожидалось, вся ее гордость и возбуждение улетучились.

– Прости меня. Ли. Я думал, что завтра буду дома, но мы ждем одну деталь из Хьюстона. Я здесь сижу абсолютно без дела, но уехать пока не могу. Ты ведь понимаешь меня?

„Нет!“ – звучало у нее в голове.

– Конечно, – ответила она. – Все отлично, правда.

– Я люблю тебя. Завтра опять позвоню. Казалось, судьба решила обрушить на ее голову все мыслимые неприятности. На следующий день, в часы самой оживленной торговли, какие-то оставленные без присмотра дети опрокинули украшенную елку перед одним из самых популярных магазинов. Ли со своими помощниками ринулась в гущу образовавшейся толчеи, но на наведение полного порядка ушло несколько часов. Поскольку кое-что из украшений было повреждено безвозвратно, ей пришлось ограничиться тем, что она смогла спасти. Осматривая оголенное дерево, она проклинала беспечных родителей.

Из-за этого происшествия она возвращалась с работы поздно и была оштрафована за превышение скорости, когда летела к няньке забрать Сару.

– Вы знаете, что у вас на месяц просрочен техосмотр? – вежливо спросил полицейский. Как будто он спрашивал ее

о здоровье.

– Нет, – ответила она жалобно.

– Придется оштрафовать вас еще и за это.

Сара кричала так сильно, что добрейшая нянька впервые с облегчением отдала ее матери. Всю дорогу домой малышка плакала, отвлекая Ли от дороги и усиливая ее головную боль, которая началась еще во время инцидента с елкой.

Сара отказалась есть и не думала успокаиваться. Она не хотела ни качаться, ни лежать, ни сидеть на руках.

Ли не могла даже поесть, так она была ошарашена, необычным для Сары поведением. Девочка была немного горячеей, но возможно, это было следствием столь долгого крика. Никаких других симптомов болезни не было. Совершенно выбитая из колеи и измученная тщетными попытками уговорить ребенка. Ли отнесла Сару в кроватку и положила на живот.

– Ну, поплачь немного, – сказала она и вышла, прикрыв за собой дверь.

Чувствуя себя самым жестоким варваром, она все же нашла в себе силы не реагировать на крик ребенка, пока раздевалась и принимала горячий душ. Спустя полчаса Сара все еще продолжала кричать, и Ли позвонила педиатру.

– Я не понимаю, в чем дело, – беспомощно призналась она.

– Это могут быть всего лишь зубы или животик. Я позвоню в дежурную аптеку и попрошу их привезти вам сла-

бое обезболивающее. Вреда это ей не причинит, и ночь у вас пройдет спокойно. Если утром она опять будет капризничать, привозите ее.

Ли посмотрела на часы, надеясь, что лекарство будет доставлено до десяти, так что она спокойно сможет поговорить с Чадом.

Однако к половине одиннадцатого Ли все еще ждала и лекарство и звонка. Она расхаживала по комнате с Сарой на руках, поглаживая ее по спинке.

– Как он мог так поступить со мной именно сегодня? – спрашивала она вслух. – Сегодня, в такой день, как он мог нарушить свое обещание?

Посыльный явился в одиннадцать тридцать, розовощекий и улыбающийся, без единого слова извинения за задержку. Когда он сказал:

„Добрый вечер!“ – Ли готова была ударить его.

Сара давилась и плевалась лекарством, так что Ли могла лишь гадать, попало ли хоть что-нибудь внутрь или нет. По-видимому, нет, поскольку крик продолжался. Ли попыталась взять ее к себе в кровать, но Сара продолжала метаться, хотя Ли казалось, что она уже давно должна была уснуть хотя бы от утомления. Она плакала уже много часов подряд. Ли плакала вместе с ней. Почему Чад не позвонил? Неужели с ним что-то случилось?

Было уже за полночь, когда, расхаживая с ребенком на руках, она вдруг услышала стук в дверь. Надежда вспыхнула в

ней одновременно с испугом, она рванулась к двери и распахнула ее.

– Что это у вас все огни горят? Что случилось, Ли? Ли! – повторил Чад, а она бросилась к нему.

Сара оказалась зажатой между ними, но Ли было все равно. Она уткнулась лицом в его широкую сильную грудь.

– Ты не позвонил, а Сара плачет неизвестно почему! Меня оштрафовали за скорость... и за техосмотр; И елка повалилась. Я задушить была готова этих мальчишек и их мамаш.

– Ли, ради бога, объясни, что здесь происходит? Пошли в дом. Здесь холодно. Что такое с Сарой? Почему она не спит?

Он взял ребенка из рук Ли, которые, казалось, в любую минуту могли разжаться. Неся девочку в ее комнату, он внимательно изучал ее. Сев в кресло-качалку, он положил головку девочки себе на плечо и стал ласково гладить ее по спинке.

Забыв, что всего полчаса назад она грозилась его убить за то, что он не позвонил. Ли теперь жадно упивалась его присутствием. А ведь готова была поколотить его за невыполненное обещание! И вот уже, со слезами благодарности на лице, смотрит на него, такого заботливого, приносящего столько облегчения.

Прислонившись к дверному косяку, она вкратце поведала ему о Саре и о том, что сказал доктор.

– Похоже, в конце концов лекарство подействовало, – прошептал он.

Ли не могла поверить своим глазам, но это было так. Крик Сары прекратился, и она, поджав ножки к животу, уснула на груди у Чада. Реснички, все еще мокрые от слез, покоились на щеках.

Спустя несколько минут они заглянули в ее кроватку. Ребенок спокойно спал.

– По-моему, утром нам все же следует показать ее врачу, – сказал Чад.

– По-моему, тоже, – согласилась Ли. – Она никогда раньше так не кричала.

– Пойдем. Ты сейчас, по-моему, тоже свалишься.

Обойдя дом и потушив везде свет, он присоединился к ней в холле. Руки его заключили ее в теплое объятие.

– Извини, что не позвонил. Я был как раз в дороге. Деталь, которую мы ждали, прибыла днем, а вечером я уже собрался. Я пробовал звонить, но тебя еще не было дома.

– Я поздно сегодня пришла. Так спешила, что нарвалась на штраф.

Он рассмеялся.

– Ты уже говорила об этом. И еще что-то про какую-то елку.

– Потом расскажу. Сейчас ты рассказывай.

Она хотела, чтобы он говорил с ней лишь по одной причине: звук его голоса убеждал ее, что он действительно с нею. Теперь она знала, что хочет, чтобы он всегда был с ней. При необходимости она смогла бы жить и одна. Она уже доказа-

ла это и себе, и родителям, и всем. Но только зачем? Ведь с Чадом ее жизнь становилась во сто крат богаче. Зачем ей обрекать себя на такие вот одинокие вечера, когда он жаждет делить с ней и плохое и хорошее?

– Так я говорю, мы выехали, добрались до места и все сделали, а когда я доложил мастеру, то время было как раз ехать, не дожидаясь телефонного разговора с тобой. Извини, если тебя расстроил.

– Я очень расстроилась, но сейчас это не имеет значения. Ты здесь, и это намного лучше телефонного разговора.

Он обнял ее и прижал к себе. Последовал долгий и глубокий поцелуй, поцелуй воссоединения после разлуки.

– Чертовски долго тянулась эта неделя без тебя. Ты мне сегодня нужна. Ли, и думаю, что и я тебе тоже.

– Да.

Она взяла его за руку и повела в спальню. Одежда полетела на пол. Раздетая, она снова взяла его руку и положила ее себе на грудь, отдавая ее ему во власть. И уже когда он начал ласкать ее, она продолжала кончиками пальцев гладить его руку.

– Господи, что ты за женщина, – выдохнул он и наклонился, чтобы поцеловать то, что было ему столь деликатно предложено. Губы его сомкнулись на ее соске влажными и теплыми тисками. Он поднес ее руку туда, где во весь голос заявляла о себе его мужская сила.

Она восторженно приникла к нему. Волосы колыхались

по ее голой спине в такт движениям головы. Она ослабла под его настойчивыми ласками и повисла на нем.

Он отнес ее в постель и опустил лицом на подушку. Оседлав ее бедра, он начал любовный массаж, возбуждая страсть в каждой клеточке ее тела, так что она вся затрепетала. Когда его руки оставили ее в покое, за дело принялись губы, специально задерживаясь под коленями. На этом особо чувствительном месте он приоткрыл зубы и пощекотал ее языком. Безучастный к ее мольбам, он продолжал свое дело до тех пор, пока, сам не захотел от нее большего.

Она перевернулась на спину. Он одарил ее таким сладострастным поцелуем, что она извивалась под ним, изнемогая от желания.

– Не сейчас, не сейчас, – прошептал он. – Еще не время.

Обведя прекрасную лепку ее рук, его пальцы перешли к грудям. Он оделил каждый сантиметр ее кожи сначала прикосновением рук, затем губ. Он трогал и целовал ее всю, он любил ее всю – одному ему ведомой любовью.

Наконец, когда оба они уже дрожали от долго сдерживаемой страсти, когда каждый нерв требовал слияния их тел, он положил руки ей на бедра и слегка приподнял их, чтобы проникнуть в нее как можно глубже. Он шептал ей на ухо слова любви, без ритма и размера, но они были лучше самой высокой поэзии.

Толчки его тела поддерживали пламя их страсти, пока они не оказались сплавлены воедино и телом и душой. И пламя

это бушевало еще долго.

Все еще покоясь внутри нее, еще утомленный едва отшумевшей бурей. Чад поднял голову и пронзил ее лихорадочным взглядом.

– Так ты выйдешь за меня? И, смеясь и плача от счастья быть с ним, она сказала:

– Да. Да, любимый. Я выйду за тебя.

Глава 9

– Ты, наверное, шутишь.

Лоис Джексон даже не пыталась скрыть своего недоверия. Ли с интересом наблюдала за тем, как ее мать бросила выразительный взгляд на отца, который, казалось, тоже не склонен был верить дочери. Ли набрала побольше воздуха и приготовилась к неизбежному бою.

– Я говорю абсолютно серьезно, мама. И я совершенно счастлива. Я люблю Чада. Он любит меня и Сару. В Новый год мы поженимся.

Если бы речь шла о чем-то менее важном, то Ли, наверное, расхохоталась бы над окаменевшими лицами родителей. Она сама им позвонила и пригласила провести день в Мидленде. Причину она не назвала. И вот, когда они наговорились о здоровье ее и ребенка, налили себе кофе из одной из новых кофеварок, нахваливая ее за то, что она в конце концов решила купить такую, и удобно разместились в своих любимых креслах в гостиной, она спокойно объявила им о своем намерении через несколько недель выйти замуж.

– Но, Ли, это же... это же прежде всего не вполне прилично. Грег еще только-только...

– Мама, он умер больше года назад. Я думаю, что такой продолжительный траур удовлетворил бы самого строгого блюстителя правил хорошего тона.

– Не дерзи мне. Ли. Это недопустимо. Особенно в данной ситуации.

– Прости.

Она заранее знала, как нелегко будет сообщить родителям о предстоящей свадьбе, но не рассчитывала, что будет настолько трудно. Чад предлагал ей свою помощь, он был готов поддержать ее в столь неприятную, как она догадывалась, минуту, но Ли отказалась. Зная ядовитый язык своей матери, она предпочла выдержать первый бой сама.

– Ли, – сказал отец более мягким тоном, чем мать, – не потому ли ты привязалась к этому молодому человеку, что он принимал у тебя роды? Может быть, пройдет время и ты поймешь, что твои чувства к нему – не любовь, а лишь признательность?

Она улыбнулась про себя, мысленно возвращаясь к той ночи, когда она приняла предложение Чада. Лежа в его объятиях, чувствуя сладостную усталость от их близости, она приподняла голову, поцеловала его в подбородок и прошептала:

– Спасибо. – Не открывая глаз, он слегка повел бровью:

– За что?

– За любовь.

Легкий смех вырвался у него из груди прямо ей в ухо.

– Мне это только в удовольствие. Она улыбнулась.

– За это тоже спасибо, – сказала она, ведя пальцем по сходящей на нет полоске волос у него на животе. – Я хотела ска-

зять – спасибо, что любишь меня. И Сару. Не многие мужчины захотят возиться с чужим ребенком.

Тогда он открыл глаза и повернул голову. Они лежали на одной подушке.

– Странно, но для меня она с самого начала была моим ребенком. Она похожа на тебя, а не на Грега, если верить твоим описаниям, а к тому же я присутствовал при ее появлении на свет. Для меня она наша без всяких оговорок.

Она сжала его изо всех сил.

– Ты когда-нибудь удочеришь ее? Чтобы она официально носила фамилию Диллон?

– Я был бы счастлив. Я только не решился бы просить тебя об этом. С биологической точки зрения она дочь Грега.

– Да, конечно, и я обязательно расскажу ей об этом, расскажу о ее настоящем отце. Но после смерти его матери – Сары – у него не осталось родных. И для моей Сары ты будешь единственным отцом, и я думаю, для нее будет лучше носить нашу с тобой фамилию. Если взвесить все „за“ и „против“, то это будет наилучший вариант.

– Хочу, чтобы вы обе носили мою фамилию, – объявил он. – И как можно скорее!

При воспоминании о последовавшем за этим разговором поцелуете лицо Ли потеплело. Да, у нее много причин испытывать признательность к Чаду Диллону. Она обратилась к родителям:

– Да, я по гроб буду благодарна ему за то, что он оказался

на моем пути в тот день, за то, что у него хватило мужества сделать то, что он сделал, и с должным вниманием и осторожностью. Но это далеко не все. Я люблю его! И я хочу, чтобы он стал моим мужем и моим возлюбленным.

– О Господи, – простонала Лоис, поднеся к горлу дрожащую руку. – Ли, ты ведь молодая мать. Послушай, что ты говоришь. Харви, скажи же что-нибудь! – прошипела она в сторону отца Ли.

Не дожидаясь, когда он исполнит ее приказание, она запустила следующую обойму возражений:

– Ты ведь нам сама тогда сказала в клинике, что он, похоже, не прочь и получить вознаграждение за помощь тебе. Он вообще работает? Чем он занимается?

Ли пока не хотела обсуждать этот предмет. Ей еще предстояло свыкнуться с работой Чада, и она, конечно, с этим справится. Она не сомневалась, что любовь к нему поможет ей преодолеть антипатию к его работе. К тому же мать явно интересовалась работой Чада совсем по другой причине – ей надо было выяснить его материальное и общественное положение. Она не могла простить Ли того, что та когда-то вышла замуж за государственного служащего. „Вот она удивится“, – подумала Ли злорадно.

Она улыбнулась:

– Да, мама. Он работает. Он... он работает на нефтяных скважинах.

– Рабочий? – взвизгнула Лоис. – Ли, ради всего свято-

го, одумайся! Ты собираешься выйти замуж за какого-то работягу, неизвестно откуда родом, который будет неизвестно как с тобой обращаться. Харви! – повторила Лоис, пытаясь расшевелить мужа.

– Ли, дорогая, мы не говорим, что свадьбу надо отменить, но, может быть, было бы разумно повременить с этим делом, пока мы не познакомимся с ним получше. Мы не можем тебе диктовать, что делать, ты вполне взрослая женщина, но ты поступаешь опрометчиво. Мы не хотим, чтобы тебе было плохо. К тому же ты ведь должна подумать и о ребенке, а не только о себе.

Ли ответила на все его доводы сразу:

– Во-первых, мы не собираемся откладывать свадьбу. Мы не станем жить вместе до свадьбы, поэтому ждать мы не можем. Во-вторых, сегодня у вас будет возможность познакомиться с Чадом. Он пригласил нас к себе на ленч, и я взяла на себя смелость дать от вашего имени согласие. – Она, казалось, не замечала недовольного выражения матери. – В-третьих, я рада, что вы признаете меня достаточно взрослой, чтобы принимать самостоятельные решения. И сейчас я просто ставлю вас в известность, что я выхожу замуж за Чада – независимо от того, нравится вам это или нет. И последнее – но далеко не по значимости – это то, что юн обожает Сару, а Сара – его. Это, кажется, все. Чад будет здесь с минуты на минуту, а мне еще нужно одеться. Прошу меня извинить. – И она вышла из гостиной, оставив их в недоуменном молча-

нии.

Она надела голубое платье-свитер, которого Чад еще не видел. Мягкий воротник-капюшон обхватывал ее шею, подчеркивая особенную синеву ее глаз и оттеняя цвет лица. Она разбудила Сару, которая спала перед обедом, и передела ее в отделанный кружевами костюмчик с штанишками, наподобие старинных панталон.

Когда Ли вернулась в гостиную, родители были в том же положении; в каком она их оставила. Харви Джексон неловко ерзал в кресле.

Лоис, суровая и холодная, продолжала сидеть на диване.

– Будь умной девочкой – посиди на качельках, пока Чад не придет, – попросила Ли Сару.

– Не нравятся мне эти новые приспособления, Ли. Когда ты была маленькая, то я не ленилась держать тебя на руках. А современные матери совсем перестали думать о своих детях.

Ли прикусила губу, чтобы не выплеснуть на мать слова о том, что никто, как она, не любит свою маленькую дочку. Но она сдержалась и ровным голосом сказала:

– Я знаю, мама, что ребенка полезно держать на руках и ласкать. Я по несколько часов в день держу ее на руках, качаю, ласкаю, но я делаю это, когда я хочу, а не по ее капризу. Надеюсь, она не будет избалована и будет знать, что по ее первому зову я не стану бросать все дела и хватать ее на руки.

– Ничего нет плохого в том... Раздался спасительный зво-

НОК.

– А вот и Чад, – быстро сказала Ли, направляясь к двери и почти что бросаясь в его объятия. Теперь ее полку прибыло.

– Привет, – сказал он, обнимая и целуя ее прямо на глазах родителей.

– Привет, – ответила она, когда он отпустил ее. Глазами она сделала ему предупреждающий знак. Он подмигнул в ответ. Она за руку вывела его на середину комнаты. – Мама и папа, это Чад Диллон. Чад, это мои родители, Лоис и Харви Джексон.

Он повернулся лицом к Лоис и засвидетельствовал свое почтение кивком головы. Мать Ли не подала ему руки.

– Рад познакомиться с вами, миссис Джексон. Надеюсь, у Ли есть рецепт вашего картофельного салата? Мне довелось его однажды пробовать. Это было очень вкусно. – Наклонившись, он шепнул:

– Даже вкусней, чем тот, что готовит моя мама, только не говорите ей об этом.

Обезоруженная и не зная, как на это ответить, Лоис Джексон пробормотала:

– Что ж... благодарю вас. Я тоже рада с вами познакомиться, – добавила она больше для приличия.

Чад повернулся к Харви. Тот улыбался молодому человеку, сумевшему угодить его жене. Чад крепко пожал руку Харви.

Когда представления были окончены, Чад нагнулся к Са-

ре, которая, заслышав его голос, уже радостно колотила ножками в кружевных штанишках.

Ли заметила, что мать изучает Чада скептическим взглядом страхового агента, осматривающего разбитую машину. Безупречные манеры и обходительность Чада не вызывали сомнения. С первого взгляда было видно, что он хорош собой и умеет одеться. Его брюки песочного цвета сидели на нем так, как могут сидеть только сшитые на заказ вещи, а покрой его темно-коричневого пиджака не оставлял сомнения в его происхождении из салона знаменитого французского модельера. Под пиджаком на нем был кремовый свитер узорчатой вязки, который подчеркивал темный цвет его волос.

Он стоял, потирая руки таким знакомым Ли жестом.

– Надеюсь, Ли передала вам мое приглашение на ленч.

– Да, спасибо. Чад, – сказал Харви, прежде чем Лоис открыла рот.

– Значит, все готовы?

Ли даже стало жалко мать, когда на нее обрушились новые сюрпризы, первым из которых стал „феррари“. Ли показалось, что глаза Лоис вот-вот выскочат из орбит при виде сверкающей синей спортивной машины.

– Вот это я понимаю машина. Чад! – воскликнул Харви, подходя к автомобилю.

– Когда-нибудь и вы подрулите, – учтиво предложил Чад.

– С удовольствием.

Ли подивилась энтузиазму отца, который не признавал

ничего, кроме своего консервативного „бьюика“.

– Жаль, но мы все не поместимся. Ничего, что вам придется ехать следом? – спросил Чад.

– Ничего, ничего. – Харви повлек свою как громом пораженную жену к их машине, а Чад усадил в „феррари“ Ли с Сарой.

Когда они тронулись. Чад обернулся к Ли.

– Итак? – спросил он.

– Они были категорически против этой затеи, покаты не явился. „Картофельный салат!“ Он усмехнулся.

– Черт возьми, я знал, что тут нужно что-нибудь сногшибательное, а фразы типа „Теперь я понимаю, в кого ваша дочь такая красавица“ слишком банальны Ли рассмеялась.

– Я бы сказала, что ты еще больше набрал очков своим чистым и нарядным видом, а кроме того – машиной.

– Чистым видом?

– Мне кажется, в тот день, когда ты оставил нас в клинике, я сказала им, что ты был весь грязный и работаешь механиком. Подозреваю, они ожидали чего-то похожего и сегодня – А ты, знаешь ли, ведешь себя нечестно.

– Почему?

– Потому что в тот день, когда я должен проявить себя как образцово-воспитанный джентльмен, ты надеваешь такое соблазнительно облегающее платье, что я с ума схожу от твоей округлой груди, от твоей тонкой талии, от твоей маленькой крепкой попки и длинных, стройных ног.

– Чад, – воскликнула она, – если бы моя мать могла слышать хоть малую часть из того, что ты сейчас сказал, у нее был бы сердечный приступ.

– А как у тебя самой с сердцем? – хитро спросил он. Рука его, до этого мирно лежавшая на ее бедре, скользнула выше и коснулась левой груди, как бы проверяя сердечный ритм. – Тук-тук, тук-тук.

Притворно возмущившись, она отстранилась.

– У меня с сердцем порядок, спасибо. И прошу тебя держать обе руки на руле, чтобы моя мать видела их там.

Они расхохотались, и Чад посетовал:

– Это будет чертовски длинный день. Ли не сомневалась, что если у Лоис и Харви Джексонов и были еще какие-то сомнения относительно их будущего зятя, то при виде его дома они окончательно развеялись. Она отдала бы свой месячный заработок за то, чтобы услышать, о чем они говорили в „бьюике“, пока ехали к Чаду.

Он пропустил их в парадную дверь, и Ли заметила, что мать ее слегка приоткрыла рот, в изумлении оглядывая внутреннее убранство дома. Чад разговаривал с ними исключительно вежливо и дружелюбно, и они удобно расположились в столовой. Стол был накрыт со всей тщательностью, вплоть до букетов хризантем и ноготков в центре стола. Ли помогла Чаду принести еду.

– Вы сами готовили французский пирог? – спросила Ли нарочито вежливо, откусывая маленький кусочек.

Чад рассмеялся и вытер рот салфеткой.

– Нет, мэм, готовила моя экономка. Мне нужно было только сунуть его в духовку. Это я умею.

Ли недоверчиво взирала на блюда, отобранные Чадом для сегодняшнего меню. Зная его вкусы, она ожидала мясо с картошкой или в соусе „чили“ – одним словом, что-нибудь основательное. Но он распорядился, чтобы миссис Де Леон приготовила фруктовое, ассорти, запеканку из грибов с ветчиной, салат из шпината, мандаринов и миндаля и мороженое-парфе, которое было подано в изящных вазочках на длинных ножках. Все было отменного вкуса и красиво оформлено, но всякий раз, как Чад откусывал кусочек пирога. Ли давилась от смеха.

Лоис настояла, чтобы они с Ли убрали со стола. Сару тоже покормили, и она наслаждалась жизнью в детской кроватке, которую Чад поставил в одной из четырех спален. Вдвоем с Харви они отправились попрактиковаться на площадке для гольфа возле пруда.

– Ты могла бы и предупредить меня. Ли, – резким тоном заметила мать.

– О чем? – невинно ответила Ли, вытирая стол влажной губкой.

– Обо всем... обо всем этом, – сказала Лоис, описывая рукой круг. – Ты ведь внушила мне, что Чад Диллон – голодранец.

– Видишь ли, мама, когда я влюбилась в него, я так и ду-

мала. К тому же я не считаю эту роскошь главным достоинством Чада. Я люблю его не за это. И я надеялась, что и вы с папой полюбите его.

– О Ли, – сказала Лоис с упреком. – Я знаю, ты считаешь меня корыстной, но ты не знаешь, что такое жить в бедности. Я видела, как рушилась семья моих родителей, вынужденных содержать четверых детей на скудный доход. – При этих воспоминаниях лицо ее исказилось от боли. – Сами по себе деньги не могут никого сделать счастливым. Но без них. Ли, быть вполне счастливым тоже невозможно. Подумай, что бы ты чувствовала, если бы у тебя не было возможности покупать Саре дорогие подарки на день рождения и на Рождество, если бы ты была вынуждена одевать ее в обноски, не могла бы отдать ее учиться в колледж.

Видя, как лицо матери болезненно сморщилось от этих признаний, которых прежде Лоис никогда не делала дочери, Ли почувствовала угрызения совести. Мать редко рассказывала о; воем детстве, но Ли вдруг осознала, что она должна была понимать – причина страсти Лоис к материальному достатку коренилась в рано испытанных лишениях.

– Прости меня, мама. Я знаю, ты хочешь мне только добра, но поверь, что Чад – это, что мне нужно, и не из-за его богатства, а потому, что он такой, какой есть.

– Он действительно абсолютно безупречен, – твердо сказала Лоис.

В ответ Ли порывисто обняла мать, подавив улыбку.

Лоис Джексон ответила на объятие дочери, как всегда, без эмоций, но Ли почувствовала, что между ними установлено перемирие. Когда мужчины вернулись в дом, они застали женщин в мирном настроении. Чад развел огонь в огромном камине в гостиной, труба которого терялась где-то под крышей третьего этажа.

Когда гости расположились вокруг очага. Чад принес всем, кроме Ли, по чашке кофе и устроился на плюшевом диване рядом с Ли, притянув ее к себе.

– Чад, Ли говорила, что вы работаете на скважинах. Чем вы конкретно занимаетесь? – спросил мистер Джексон.

– Я работаю в компании „Фламеко“.

– „Фламеко“, – повторил Харви задумчиво. – Я как будто слышал о ней, только не помню, что именно.

– Тушение „диких“ скважин, – подсказал Чад.

– О Господи! – Чашка Лоис застучала по блюдцу, и ей пришлось поставить и то и другое на маленький деревянный столик возле ее кресла. Ее глаза метнулись к Ли, и впервые за этот день той пришлось отвести взгляд. Она опустила глаза и стала рассматривать свои руки.

– Так вы... мм... вы тушите пожары на нефтяных скважинах?

– Да, сэр.

– А в чем конкретно заключаются ваши функции?

Чад закинул ногу на ногу. На нем были коричневые парадные туфли, которых Ли прежде не видела. Не желая вникать

в продолжение разговора, она попыталась сосредоточиться на разглядывании этих туфель.

– Конечно, бригада работает вместе, но персонально в мои обязанности входит перекрыть течь, когда огонь потушен.

– А как это происходит?

– Если опустить технические подробности, мы устанавливаем взрывное устройство в том месте, откуда начинается пожар. Взрывом поглощается кислород, и пламя оказывается сбито. Тут-то и наступает моя очередь с моими заслонками. Я должен перекрыть течь, пока искра... – Почувствовав, как передернулась Ли при этих словах, он резко замолчал. Взяв ее за плечо, он попытался ей улыбнуться. Она чувствовала на себе его взгляд, но не решалась поднять глаза, продолжая изучать его туфли.

– Надо полагать, это очень опасная работа, – прямолинейно сказал Харви.

– Да, сэр, но и очень тщательно продуманная. Мы все знаем, что делаем, и не идем на необоснованный риск. Каждый пожар имеет свои особенности, и каждый основательно изучается, прежде чем мы приступаем к делу.

– И давно вы работаете в этой компании? – спросил Харви. За все время разговора Лоис и Ли не проронили ни слова.

– С окончания колледжа, сэр. Вот уже двенадцать лет. – Он на минуту замолчал. Ли чувствовала, как его голубые глаза буравят ей макушку. – Может быть, уже и хватит. Я иногда подумываю об этом.

Ли так резко подняла голову, что у нее заныла шея.

– Что? – спросила она, затаив дыхание. – Что ты сказал?

Рука, до этого потиравшая ее плечо, теперь пригладила ей волосы.

– Мне не хотелось бы давать тебе невыполнимых обещаний, но думаю, тебе не придется всю жизнь нервничать по поводу моей работы.

Как она ни старалась, большего от него добиться не смогла. Он оставался глух ко всем ее мольбам. Хотя Ли изнемогала от любопытства, но ей пришлось на сей раз довольствоваться тем неопределенным намеком, который он обронил. То, что он понимает ее страх перед его работой и обдумывает эту проблему, уже было для нее облегчением. А то, как нежно он смотрел на нее, позволяло думать, что он предпринимает усилия к тому, чтобы устранить последний барьер на пути к их полному счастью.

После этого они перешли к ничего не значащей светской беседе. В какой-то момент Харви стал клевать носом, но тут же раздался окрик Лоис.

– Ох, прошу прощения, – сказал он, зевая. – А почему бы вам не пойти в кино или куда-нибудь еще? Мы бы с Лоис прекрасно посидели с Сарой. Парочке, которая собирается пожениться, вовсе необязательно торчать со стариками. Им и вдвоем надо побыть. А я боюсь, Сара не очень-то позволяет вам.

– Вы очень добры, сэр, – сказал Чад вежливо, но при

взгляде на Ли глаза его весело заплясали. – Ли, ты как? Можем мы оставить их на милость Сары?

Не прошло и нескольких минут, как они уже были в пути, убедившись только, что Джексоны знают режим Сары, а также где найти ее еду и – питье, и обговорив время своего возвращения.

– Спасибо еще раз, – крикнул Чад Харви Джексону, закрывая дверь.

Заводя машину. Чад ощущал себя прогульщиком в школе, – Невероятно! Несколько часов вдвоем!

– Ты, конечно, понимаешь, что моя мать сунет нос в каждый уголок у тебя в доме. Надеюсь, тебе нечего от нее скрывать?

– Я сама осторожность.

– Ты весь день себя вел как подлинный джентльмен.

– А сейчас этот джентльмен превратится в животное, – сказал он с притворным рычанием и, остановившись на красный свет, перегнулся поцеловать ее.

Зажегся зеленый, но водителю в следующей за ними машине пришлось трижды просигналить, прежде чем они очнулись. В то время как Чад разгонялся. Ли пыталась восстановить дыхание после поцелуя.

– Кино звучит просто замечательно. Мы еще ни разу не были с тобой в кино, – сказал Чад. – Но всему свое время. – И он подрулил к мясному ресторанчику, над входом в который красовалась улыбающаяся корова.

Ли захохотала.

– А я-то думала, как долго ты еще продержишься?

– Да я просто умираю с голоду, – признался он и вышел из машины.

Она смотрела, как он поедает бифштекс, обжаренный в хрустящих сухарях и сдобренный густой подливой. Трапезу завершили два толстых ломтя тexasского поджаренного хлеба и полная тарелка жареной картошки, а десерт он решил отложить до кино.

Когда они прибыли в кинотеатр. Ли зашла в дамскую комнату. Вернувшись в фойе, она обнаружила Чада буквально припертым к стенке двумя молодыми женщинами – блондинкой и брюнеткой. Темноволосая глубоко запустила руку в предложенную ей коробочку с попкорном, а сама так прильнула к нему, что Ли почувствовала, как у нее закипает кровь.

Чад заметил ее поверх голов своих подружек и устремился к ней. Она не могла скрыть ревнивого взгляда, и он заулыбался.

– Ли, это Хелен и ее подруга, гм...

– Донна, неучтивый ты тип, – сказала блондинка, тыча его в грудь.

Ли подавила желание указать женщине на излишнюю фамильярность.

– Здравствуйте, – сказала она холодно.

– Привет, – пропели обе в унисон.

– В Новый год планируется еще вечеринка с барбекью и танцами „вестерн“. Пойдешь, Чад? – спросила Хелен, жуя резинку, – Не знаю. Мне нужно посоветоваться с Ли. На следующий день наша свадьба, поэтому, возможно, нам придется воздержаться от танцев.

– Свадьба? – спросила Хелен, повысив голос. – Вы женитесь?

– Да, кажется, на свадьбе обычно происходит именно это, – мягко ответил Чад.

Ли почувствовала, как ее необоснованная ревность отступает. Чад просто искал возможности объявить новость Хелен и Донне; он так же предан Ли, как и она – ему.

– Ну что ж, поздравляю, – сказала Хелен бодро, хотя и не вполне искренне. – Пока, Чад. Она отошла, увлекая за собой ошеломленную Донну.

– Так вы женитесь? – передразнила Ли, пока они шли в зал.

– Да, и ждать я не намерен, – сказал он, чмокая ее прямо в губы. – А теперь – тихо.

Он облюбовал два места в последнем ряду у стенки. Поскольку зал был наполнен лишь на четверть, место было вполне уединенным.

– Чад, – прошептала Ли. – Я, наверное, не говорила тебе, я ведь немного близорука. Я не увижу так далеко.

– Это неважно. Как только погасят свет, я тебя не выпущу из объятий. Я настроен серьезно.

– А я хочу посмотреть фильм, – поддразнила Ли.

– Да я его видел. Ничего особенного.

– Ты его видел? – спросила она довольно громко, так что на них зашикали. Она понизила голос. – Почему ты мне этого не сказал?

– Потому что я хотел выбраться хоть куда-нибудь.

– Ну да, чтобы нацеловаться вдоволь, – закончила она за него.

– Ага, и еще наобниматься.

– Не знаю, как ты, а я собираюсь смотреть кино. Ты можешь пока утешаться своим гадким попкорном.

– Гадким или нет, но он уж-жасно вкусный, – парировал он, засыпая в рот полную горсть кукурузы.

Ли уселась поудобней в кресле и стала смотреть на экран, который был похож для нее на ожившую почтовую марку где-то там, в конце темного тоннеля. Она вежливо отказалась от предложенного Чадам глотка воды и горсточки миндаля.

Уголкем глаза она видела, как он прикончил все свои запасы и аккуратно сложил пустые коробки под сиденье. Фильм был не ахти какой, но когда Чад украдкой просунул руку вдоль спинки ее сиденья, она смерила его недовольным взглядом.

Медленным движением он убрал прядь волос с ее уха.

– В шейку? – спросил он с нарочитым техасским акцентом.

Она увильнула от него.

– Нет! Веди себя прилично!

– Ну ладно, – вздохнул он. – Оставим серьезные поцелуи до лучших времен. А как насчет несерьезных?

– На несерьезные я согласна. – Она смягчилась. Он скромно поцеловал ее в щечку. – Давай пока смотреть кино. О чем оно хотя бы?

Он шепотом рассказал ей вкратце содержание до того момента, который шел на экране. Они просмотрели фильм до конца, хотя было не особенно интересно. Когда героиня фильма сидела на постели из розового атласа и ее простыня предательски соскользнула, обнажив розовую грудь. Чад прошептал уголком губ:

– Далеко до твоей.

При этих словах он скользнул рукой к ее левой груди и стал ее нежно гладить. Она игриво шлепнула его по руке и процитировала:

– Неучтивый тип!

Они тихонько засмеялись шутке.

Переполняемые желанием, они вернулись в дому Чада и застали там Джексонов, совершенно очарованных хорошим поведением Сары. Лоис похозяйничала на кухне и приготовила сэндвичи и консервированный суп на ужин.

– Передай соль, пожалуйста.

– Ли, ты ешь слишком много соли, – проворчала Лоис. – Ты во время беременности к этому пристрастилась.

– Соленая пища, по-моему, как раз вредна беременным женщинам? – спросил Чад.

– Я думала, ты только в акушерстве силен, – засмеялась Ли. – Откуда ты знаешь, что вредно, а что полезно беременным женщинам?

На какое-то мгновение руки его замерли, а глаза стали пустыми. Затем он пожал плечами и ответил:

– Это все знают. – И он поспешил переменить тему:

– Сандвичи просто великолепны, миссис Джексон. Спасибо.

После этого разговор все время вертелся вокруг нее, но Ли не могла избавиться от неосознанной неловкости. Что это было за странное выражение на лице Чада при упоминании о беременности?

Сразу после того, как Ли и Лоис помыли посуду, Джексоны уехали. Когда они провожали Джексонов, стоя на крыльце, рука Чада лежала на плече Ли, и все же она чувствовала, что между ними стоит какая-то незримая стена, какое-то напряжение, которого прежде она не знала. Что случилось и чем вызвано это напряжение, которого она не может понять?

Они закрыли входную дверь и Ли стала собирать вещи Сары, чтобы ехать домой, но напряжение Чада не спадало. Она все еще запиховала детские вещи в сумку, когда он взял ее руки в свои и усадил ее на диван.

– Оставь это на минутку. Я хочу кое-что тебе сказать, пока ты не уехала. Она рефлексивно сглотнула.

– Хорошо, – сказала она как можно более ровным голосом. Сердце ее похолодело. Она инстинктивно чувствовала, что не желает этого разговора.

– Ли, – сказал он, отведя глаза, а затем силой заставив себя посмотреть ей в лицо. – Когда Шерон умерла, она была беременна.

Она быстро втянула в себя воздух, что-то было воскликнула, но тут же сама себя оборвала и долго без слов смотрела на него. Когда дыхание ее восстановилось, она глубоко вздохнула.

– Ясно, – сказала она тихо.

Ей нужно было побыть от него на расстоянии, чтобы все осмыслить, и она встала и отошла к окну. Невидящими глазами она смотрела на украшенный газон. За газоном ей виделась пропасть, разверзающаяся между ней и Чадом. Ей хотелось повернуться к нему, протянуть ему руку, ощутить его объятие, но пропасть все росла. И он стоял на одной ее стороне, а она – на другой.

– Думаю, тебе не все ясно, – сказал он тихо.

Так и было. В мозгу у нее все завертелось. С тех пор, как Чад поведал ей о несклонности Шерон к романтическим отношениям, она ни разу не задумалась над тем, что они все же были мужем и женой. И хотя это было эгоизмом и безумием, но мысль о том, что Шерон носила его ребенка, пробудила в ней ужасную ревность. В данных обстоятельствах это было не более чем детским вздором, но она ничего не могла поде-

лать с горьким чувством, которое клокотало у нее в горле и оставляло металлический привкус во рту.

– Видишь ли, Шерон...

– Я не желаю этого знать, – сказала она резко, повернувшись к нему. Она окоченела всем телом, и глаза ее излучали холодное сияние. – Пожалуйста, избавь меня от деталей.

В мгновение ока Чад был возле нее.

– Черт тебя побери, на тебя не угодишь! Я просто хотел тебе рассказать, чтобы ты потом не узнала случайно, как это было...

– Как это было со всем прочим. Ты это хотел сказать?

– Да, – сказал он резко. – Я стараюсь быть с тобой честным. Ли. Ты же сама обвиняла меня в каких-то секретах, а я теперь не хочу, чтобы между нами были какие-то недомолвки. Я мог бы поступить намного проще, промолчать в надежде, что ты никогда ничего не узнаешь. Кроме меня и моих родителей, мало кто знает о беременности Шерон. Было достаточно и того, что жена покончила жизнь самоубийством. Я не стал сообщать всему миру, что она заодно убила и ребенка.

Она видела его горе, его боль, и сердце ее наполнилось жалостью. Она опустила голову и закрыла глаза рукой. Проведя рукой по лицу, она подняла на него глаза.

– Прости, Чад. Прости меня. Стыдясь своей реакции на его откровенность, она хотела теперь загладить свою вину.

Она подошла к нему и усадила его на диван.

– А что произошло? – спросила она ласковым голосом.

– Какое-то время мы не хотели заводить ребенка. Она... она пугалась одной мысли о материнстве, о родах. Но она сама была безответственна, как дитя, и... – Он взъерошил волосы. Ли хотелось пригласить его шевелюру, но она не двинулась с места. – Как бы то ни было, но когда она узнала, что беременна, она запаниковала. Может быть, это тоже послужило одной из причин ее самоубийства. – Он вздохнул. – Не знаю.

– Ты злился на нее? Я имею в виду – потом, когда она лишила тебя твоего ребенка? Он впился в нее глазами.

– Как ты догадалась? Я был зол, как черт. Я понимал, что я должен горевать, но меня охватила такая злость...

Теперь она позволила себе дотронуться до него и провела рукой по его бровям.

– Что-то похожее я чувствовала, когда умер Грег. Я спрашивала себя, как он мог так поступить со мной?

– Наверное, это нормальная человеческая реакция. Гордиться тут нечем, но это так понятно.

– Я только что пережила еще одну такую реакцию. Когда ты сказал, что Шерон носила твоего ребенка, я впервые в жизни ощутила зависть.

Он притянул ее к себе.

– Моя Ли! Беременность Шерон была ошибкой природы. Когда же мы с тобой будем делать детей, это будет торжество жизни и нашей любви.

Она прижалась к нему, испытывая облегчение от того, что Сара, измученная вниманием бабушки и дедушки, спокойно спала на протяжении всего разговора.

– Обними меня. Чад. И люби меня.

– Можешь рассчитывать и на то и на другое, – прошептал он, прижавшись губами к ее волосам.

Глава 10

Рождественский день выдался шумный и радостный. Заехав за Ли и Сарой, Чад отвез их на ферму Диллонов на машине Ли, где было место для кипы подарков. С Джексонами был уговор, что они встретятся на месте.

В предпраздничных хлопотах Амелия Диллон вымоталась до предела. Старинный буфет в гостиной был заставлен блюдами, на которых красовались пряники с финиками и орехами, булочки, начиненные крохотными сосисками и сыром, бесчисленные печенья и прочие вкусности, призванные занять гостей, пока не начнется пир с индейкой. Вдоль буфета стоял стол с выстроившимися в ряд десертами. Не в силах устоять. Чад позволил себе кусочек толстого слоеного пирога с кокосом, прежде чем Ли и мать успели его остановить.

Прибыли Джексоны и принялись нахваливать Ли и Чада за наряженную ими елку. Фермерский дом Диллонов произвел на Лоис не столь сильное впечатление, как дом Чада, но она проявила по отношению к хозяевам достаточно такта и соблюла все приличия; Она даже сделала вид, что не замечает, что мистер Диллон заметно хромот на левую ногу.

Ли нашла его в гостиной в одиночестве, он потирал бедро чуть выше колена.

– Стюарт, не следует, наверное, носить протез, если он вам

мешает, – сказала она. Родители Чада настаивали, чтобы она называла их по имени.

– Ты славная девушка. Ли, – сказал он, поднимая на нее глаза. – Не тревожься об этом. – Он указал на ногу. – Я уже почти к нему привык.

Она села рядом.

– Давно это у вас?

– Да уж почти пять лет. Мне и так скоро пора было на пенсию, но обидно, что пришлось уйти поневоле.

Она посмотрела в сторону кухни, откуда доносился смех: по-видимому, все остальные забавлялись шалостями Сары.

– Почему вы с Чадом выбрали такую работу?

Ей еще ни разу не удалось поговорить об этом с Чадом, но проблемы пожаротушения на „диких“ скважинах теперь стали ее живо интересовать. Это было как в кино, когда показывают страшный фильм, и ты боишься смотреть, но смотришь, не в силах оторваться.

– Все очень просто. Ли, – ответил Стюарт Диллон, и в голосе его слышалось волнение. – Это риск, который выпадает на долю не многих мужчин. Сколько в мире бухгалтеров? Или учителей? Или докторов и инженеров? А сколько нас? Наша профессия очень редкая. Полагаю, что именно эта в своем роде исключительность составляет предмет нашей гордости. Возможно, отчасти это и есть причина того, что я люблю это дело. По-моему, Чад тоже.

– И вы никогда не боялись опасности, которой вы себя

подвергаете?

Он помолчал. Ли догадалась, что сейчас перед ним мысленно проходят все те пожары, пламя которых он тушил, и он вспоминает, с каким чувством он встречал опасность.

– Нет, страшно мне не было. Поймите меня правильно. Я всегда был предельно осторожен. Нас специально обучают быть осмотрительными, и мы всегда делаем только то, что заранее изучили, обсудили, распланировали и синхронизировали со всеми остальными ребятами в команде. Но в этих пожарах есть одна вещь. – Последние слова он произнес с нажимом. Его стиснутые кулаки напомнили Ли жест Чада. Голос его превратился в хриплый шепот. – Он намного больше тебя, этот огонь! Коварный, разрушительный, великолепный огонь. Это свирепый дракон наших дней. И ты побеждаешь его. Просто задуваешь его и все.

Он тяжело вздохнул, но это был вздох восторга, и глаза его сверкали от волнующих воспоминаний. Ли распознала момент, когда он вдруг опять осознал, что находится всего лишь в собственной гостиной в полной безопасности: когда он повернулся к ней, глаза его наполнились грустью.

– Мне всегда будет этого не хватать, – сказал он с тоской.

– Эй вы, двое, вы что не веселитесь с нами? Сара тут... – Чад резко осекся, и Ли вдруг поняла, что у нее самой увлажнились глаза. – Да что тут происходит?

– Ничего, ничего, – сказал Стюарт и, хлопнув себя руками по бедрам, поднялся с такой легкостью, что Ли подиви-

лась. – Пойдем, Ли. Ты, кажется, хотела еще кусок тыквенного пирога?

Протянув руку, он помог ей встать с дивана и отвел ее к Чаду, который глядел на нее из холла.

– Отрежь ей кусок побольше, отец, и добавь взбитых сливок. Мне не нужна костлявая невеста.

Стюарт рассмеялся и направился в кухню, – Ли? – нежно спросил Чад и озабоченно сморщил лоб. – Что случилось? Ты что – плакала? Что-нибудь не так?

Она взглянула в эти такие любимые глаза, в это волевое лицо.

– Нет, ничего. Просто я тебя так люблю! Она обняла его и прижалась щекой к груди – к тому месту, где было слышно биение его сердца. Неужели она будет обречена собственными руками посылать его в этот ад крошечный? Огонь. Безжалостный. „Дракон наших дней“. Где ей взять на это силы?

С другой стороны, если она любит его, разве она сможет сказать: „Не ходи!“? Если он так же, как Стюарт, жаждет риска, опасности, – разве она сможет лишиться его этого? Это его работа, и для него она так же важна, как была важна для Грегга его работа.

Она должна будет набраться мужества, чтобы отпустить его на то дело, которое он выбрал для себя.

– Ты меня любишь? О чем же тут плакать? – спросил он ласково.

Она всхлипнула и проглотила слезы.

– Я плачу, потому что стою рядом с собственным женихом, а он даже не удосужился меня поцеловать.

– Вот грубиян, – сказал он и впился губами ей в рот.

После обеда, который удовлетворил бы даже ненасытную орду варваров, старшие мужчины удалились в гостиную смотреть футбольный матч. Лоис с Амелией остались на кухне, чтобы обменяться рецептами и помечтать о будущих внуках. Ли и Чад поднялись наверх якобы затем, чтобы уложить Сару.

Ребенка положили в комнате Чада. Не успела Сара смежить веки, как Чад с нетерпением притянул к себе трепещущую от желания Ли.

– О женщина, неужели я смогу ждать еще целую неделю? – спросил он, бесстыдными руками освобождая ее волосы от гребней слоновой кости, которые держали высокий узел на макушке. – Давай сыграем в доктора.

– Ну уж нет, твоя мать может в любой миг подняться сюда.

– Ага, так же говорила и первая девчонка, которой я предложил сыграть в „доктора“.

Ли отстранилась и смерила его суровым взглядом.

– И кто это был, и как давно?

– Да примерно лет двадцать пять назад. Ее звали Мэри-Джой Клейтон. Она была нашей соседкой. Она пришла ко мне поиграть, и я предложил „доктора“, – ответил он с коварной улыбкой.

– Так я тебе и поверила.

– Как бы то ни было, она отказалась, – вздохнул он. – Это драма всей моей жизни.

– Ты что – в самом деле думаешь, что я стану тебе верить? Я очень ревнивая, я собственница. И я не потерплю ни одной женщины возле тебя.

. – Тебе не придется ни с кем сражаться. Мне никто, кроме тебя, не нужен. – Взяв за руку, он повел ее в угол комнаты, где стоял письменный стол и стул, и, сев на стул, потянул ее к себе на колени. – Ты сегодня выглядишь потрясающе, моя будущая жена, – сказал он, целуя ее в уголок губ.

– Тебе нравится мое платье?

– Оно восхитительно, – сказал он, даже не взглянув на ее красное платье из креп-жоржета с рукавами на манжетах и белым отложным воротничком, под которым был повязан черный шелковый галстук-бабочка. – А как мне под него забраться? – спросил он, нащупывая у нее на спине перламутровые, пуговицы.

– Ты неисправим.

– Это моя техническая характеристика? У меня для этого есть более точные выражения.

– Чад!

Он обхватил ее за шею и притянул к себе для поцелуя. Руки его без колебаний обняли ее за плечи. Его поцелуй имел вкус того вина, что подавалось к обеденному столу, и Ли еще раз насладились этим восхитительным букетом.

– Черт! – ругнулся он по поводу крошечных пуговиц, ко-

которые отказывались повиноваться, и разочарованно отодвинулся от нее. – Похоже, мне не удастся освободить тебя из этого плена?

– Придется потрудиться.

Он сделал страшное лицо и угрожающе зарычал.

– Значит, придется мне утешаться воспоминаниями. У тебя сохранился тот пузырек с детским маслом?

– Ш-ш-ш, – прошипела она и быстро взглянула на дверь. Он рассмеялся.

– На ком я женюсь – на извращенке, которая прячется по темным углам? Чего ты боишься при свете дня?

– Никакая я не извращенка! – с негодованием откликнулась она. – Я только делала тебе лечебный массаж, ты сам жаловался, что у тебя плечевые мышцы перенапряжены.

– Ага, а к тому моменту, как ты наловчилась в этом деле, да еще с детским маслом, у меня уже были перенапряжены не только плечи.

Она погрозила ему двумя кулаками сразу.

– Ты просто ужасен. Ужасен!

– Ты ведь все равно меня любишь, – сказал он, перехватывая ее руки и прижимая их к своей груди. – Или нет? – тихо добавил он, внезапно посерьезнев.

– Конечно, да.

Подтверждением этого признания стал поцелуй.

– Я все время хочу тебя кое-что спросить, – сказала она после. Ее голова покоилась на его плече, а он легонько гладил

ей затылок.

– Спроси.

– В тот первый день, когда родилась Сара, ты ведь подумал, что я никогда не была замужем?

– Да, – ответил он просто.

– Но я не заметила в твоём лице никакого осуждения, ни тени порицания.

Он приподнялся, так что ей пришлось сесть, и заключил её лицо в свои ладони. Большие пальцы он поместил в уголки губ.

– Я уже тогда любил тебя. Ли: И мне было абсолютно все равно, кто ты, что ты делаешь и что у тебя было в прошлом. Я влюбился в тебя с первого взгляда, И я все был готов простить тебе.

– О Чад, – выдохнула она, наклоняясь, чтобы поцеловать его. На его щеку упала слеза.

– Эй, эй, перестань плакать, а то мне придется выдать тебе заранее мой рождественский подарок!

– Рождественский подарок? Сейчас? – спросила она и немедленно села прямо.

– Он не упакован. Весь день ношу его с собой, я хотел выбрать подходящий момент. Пожалуй, он настал, – сказал он, вынимая маленький конверт из кармана рубашки. Пока она вскрывала конверт и доставала то, что было внутри, он не сводил с нее глаз. Там были два изящных золотых колечка, усеянных сапфирами. – Они надеваются с двух сторон

от обручального кольца. Подождешь еще недельку? Ну что, нравятся?

– Потрясающе, – прошептала она. – Под цвет твоих глаз.

– А я думал – твоих.

– Нет, нет, – покачала она головой. В ее слезах отражались сверкающие грани камней. – Это цвет твоих глаз.

Он надел кольца ей на безымянный палец левой руки. Это был в точности ее размер. Она взглянула на него с удивлением.

– Случайно угадал, – ответил он на ее безмолвный вопрос, скромно пожимая плечами.

– Нет, ты просто гений! Они мне ужасно нравятся, и я не могу ждать, пока между ними появится еще одно.

– Я не знал, какие ты носишь украшения, поэтому выбрал эти. Может, лучше было с бриллиантами?

– Нет! У меня было кольцо, подаренное на свадьбу, с несколькими камнями, но в последние месяцы беременности пальцы стали отекают и мне пришлось от него отказаться. Больше я его не носила. Но это ведь от тебя... это...

Она не могла подобрать нужных слов, поэтому сказала ему о своей любви жарким поцелуем. Он просунул язык ей сквозь зубы и стал исследовать сладкие недра ее рта. Она прижалась к нему теснее и отвечала на поцелуй, пока не ощутила ниже своих бедер нечто выпуклое и твердое.

Повинуясь порыву, она поднялась и медленно направилась к двери. Закрыв дверь, она тихонько заперла ее на за-

мок. Повернувшись к нему лицом, она сбросила туфли и занялась пуговицами на манжетах. Черный кожаный ремешок свободно повис на боковых петлях.

– Знаешь, что я собираюсь сделать? – спросила она многозначительно.

– Что? – хрипло спросил он.

– Сыграть в „доктора“!

Пока она расстегивала пуговицы на спине, он сидел как приклеенный на стуле и не отрываясь смотрел на нее. Когда с пуговицами было покончено, она стянула платье с плеч и переступила через него. Затем подошла к кровати и перекинула платье через спинку. Красная шелковая комбинация повторяла каждый изгиб ее тела. Расширенные глаза и тяжелое дыхание Чада говорили о его нетерпении.

С улыбкой профессиональной искусительницы она приподняла кружевной подол комбинации и отстегнула первую резинку.

– Неужели? – рассмеялся он.

– Счастливого Рождества!

Чулки, стянутые с длинных стройных ног, последовали за платьем. За ними отправился треугольник красных нейлоновых кружев, который выполнял роль трусиков. Последним был пояс – обольстительное сочетание черного шелка и кружев.

Ли стояла перед ним в одной красной комбинации. Она была на ней как вторая кожа, лишь слегка расклешенная на

бедрях и падающая легкими складками к коленям. Плотнo облегая тело, она подчеркивала каждый изгиб ее женственной фигуры. Вопреки состоянию эротического транса, в которое она повергла его этой процедурой, при виде просвечивающих сквозь кружевной лифчик темных сосков он очнулся.

Он встал и начал стягивать с себя одежду так же медленно и методично, как это делала она. Когда он, наконец, остался в одних уже знакомых Ли спортивных трусах, его мужская сила просто кричала о себе под натянувшимся хлопком. Затем и трусы были сняты, и он подошел к ней во всей неприкрытой наготе Адама, представленного Еве.

– Я просто дрожу от любви. Ли, – проговорил он.

Под его прикосновением она тоже затрепетала. Кончиками пальцев он стал ласкать ее тело сквозь гладкий шелк, поглаживая его долгими, неторопливыми движениями. Задержав руки у нее на бедрах и притянув ее теснее к себе, он наблюдал за выражением ее глаз.

Нагнув голову, он поцеловал ей грудь сквозь разделявшее их кружево. Его язык проникал сквозь крохотные отверстия в материале. Затем тонкие шелковые бретельки были спущены на плечи, грудь высвобождена, и он дал волю своим губам. Снова и снова он прижимался губами к податливой плоти, осыпая ее все новыми поцелуями.

Они одновременно опустились на колени. Он ласково уложил ее на ковер. Рука его скользнула под теплый шелк. Нето-

ропливыми движениями он гладил ее по бедрам и между ними, все выше и ближе, пока не коснулся того места, что отверзлось ему со всей любовью. Он нежно перебрал каждую бархатистую складочку, пока не добрался до самого сокровенного.

– Ли, любимая моя, – прошептал он, кончиками пальцев доводя ее до исступления. Потом он оказался сверху, и их тела слились. Глаза их встретились, еще более усиливая взаимный экстаз. И когда настал кульминационный момент и его жизненные соки брызнули в ее чрево, они продолжали улыбаться друг другу.

Когда Ли и Чад принесли Сару вниз, начался обмен рождественскими подарками.

Лоис немного обиделась, что Чад уже вручил Ли ее подарок, лишив всех остальных возможности разделить с ней ее радость. Она сменила гнев на милость, когда Ли открыла красивую коробку с подарком Саре от Чада, в которой оказалась длинная дамская шуба из меха рыси.

Взвизгнув от радости. Ли подпрыгнула и натянула на себя роскошный мех.

– Не думаю, что Сара будет возражать, если ты поносишь ее, пока она подрастет, – невозмутимо сказал Чад, и Ли бросилась ему на шею, к радости Диллонов и некоторому смущению Джексонов.

Саре досталась музыкальная шкатулка для кровати, ве-

ликолепная прогулочная коляска и пушистый белый медведь, так что теперь безраздельному господству в детской комнате плюшевого тигренка пришел конец.

Когда Чад открыл предназначенный ему в подарок фото-портрет Ли и Сары в красивой рамке, глаза его подернулись дымкой и он крепко обнял обеих, так что Сара бурно запротестовала. На помощь ей пришла бабушка, а Чад так расцеловал Ли, что на глазах у той проступили слезы.

Неделя до Нового года прошла в суете. Они были заняты перевозкой вещей Ли в дом к Чаду, хотя и не собирались спешить с продажей ее жилья. Он помахал у нее перед лицом авиабилетами, и когда ей удалось перехватить его руку, то она прочла, что местом их медового месяца он выбрал Канкун.

– На две сказочные недели мы уедем к морю, и мы будем нагишом бродить вдвоем по песку...

– И угодим за решетку! – прервала она его мечтания. – Или штраф двести долларов.

– Нас не поймают. Мы будем это делать по ночам.

– А где будет Сара, пока мы будем бродить нагишом по песку?

– У бабушки с дедушкой. Они уже делают кое-какие перестановки в доме, устраивая для нее детскую. А может, это подготовка к свадьбе? Ты не представляешь, что у них там творится!

– Ты уверен, Чад, что твоя мама захочет ей» деть с Сарой? Моя мать сделала бы это с большим удовольствием.

На самом деле Лоис без энтузиазма встретила сообщение о том, что и свадьбу и прием устраивают Диллоны, и Ли решила дать и ей немного поучаствовать.

– Да мама просто в восторге от этой перспективы. А твоей матери я пообещал, что она сможет устроить для нас вечеринку, когда мы вернемся из свадебного путешествия.

В Новый год с утра было ясно и холодно. Ли встала свежая и хорошо выспавшаяся Накануне они с Чадом решили спокойно пообедать дома, и он ушел пораньше, ворча, что придется в Новый год чокаться самому с собой Все утро она провела в делах, складывая какие-то вещи, занимаясь прической и маникюром и собирая Сару для двухнедельного пребывания на ферме у бабушки. В полдень за ней заехали родители, чтобы отвезти к Диллонам На Ли были джинсы В голове торчали бигуди, и на невесту она походила менее всего.

– Ли, – сказала укоризненно ее мать – Я там закончу одеваться, мама Не волнуйся. К четырем часам из гусеницы вылупится великолепная невеста.

Так и случилось. Даже к половине четвертого. Для второй свадьбы, отмечаемой к тому же дома, нельзя было придумать ничего более удачного, чем белоснежный костюм из крепа с бледно-голубой блузкой. Волосы она убрала в свободный узел на затылке, и темные завитки живописно обрамляли ее

лицо и шею. В ушах были ее единственные серьги с жемчугами, а на руку она надела подаренные Чадам колечки с сапфирами. Она сияла.

Ее несколько удивило волнение, которое она вдруг ощутила. Она не помнила, чтобы так волновалась перед венчанием с Грегом. В свою первую брачную ночь с Грегом она была девственницей, и тем не менее предстоящий медовый месяц с Чадам волновал ее куда больше.

В эти последние недели перед свадьбой она спрашивала себя, почему она позволила себе близость с Чадам до официальной регистрации брака? Ведь ее собственные принципы не изменились. Она, как и прежде, не допускала и мысли о сексе без любви. И для нее самой было шоком, что она так быстро поддалась Чаду, да и своему собственному желанию. Что случилось с ее нравственностью?

Возможно, ее чувство приличия претерпело изменения из-за той близости, которая возникла между ними, когда он принимал у нее роды. А может быть, она слишком часто говорила о том, что могла бы любить Грегга более страстно. С Чадам она больше не могла себе позволить терять зря время. Каждая минута любви драгоценна. Этот урок дался ей тяжело. И она не испытывала ни малейшего сожаления по поводу тех полных экстаза мгновений любви с Чадам, которые она пережила до свадьбы.

Их взаимное влечение не ослабевало. Напротив, оно с каждым разом усиливалось. И те слова, что сегодня произ-

несет над ними священник, лишь легализуют в глазах всего мира те обязательства, которые они дали друг другу после первой же их близости. У Ли не было ни малейших сомнений, что они принадлежат друг другу.

Тогда откуда это волнение? Это предчувствие надвигающейся беды? С того вечера, когда она умоляла Грега не уходить, она ни разу не испытывала этого тяжелого чувства.

– О Господи, нет, – взмолилась она, и от одной только мысли инстинктивно зажмурилась. Букет гардений, который послал ей Чад, задрожал в ее руке.

– Ты что-то сказала, дорогая? – спросила ее мать.

Стряхнув с себя нахлынувшее видение грозящей беды. Ли ответила:

– Нет, ничего, я только подумала, как Сара выдержит всю службу.

Несколькими минутами позже она приветствовала своего отца у основания украшенной гирляндами лестницы. Он повел ее в гостиную, где перед аркой, увитой цветами и зелеными ветками, уже собрались приглашенные – многих из них Ли видела на той вечеринке, куда они ходили вдвоем с Чадам. Чад тоже был там, поджидая ее со своим пастором.

Внутри у нее все перевернулось, и если и оставались еще какие-то страхи, то они развеялись при виде мужчины, женой которого ей предстояло сейчас стать. На нем был темно-синий костюм-тройка, белая сорочка и серый с синим галстук. Из окон, у которых вместо рождественской елки те-

перь стояли корзины с цветами, лился солнечный свет, ярко освещая его темные волосы. Казалось, его глаза буквально проникали в нее своей сияющей глубиной. Он излучал силу и уверенность. Как она могла бояться выходить за него?

Свой брачный обет они произнесли серьезно и уже безо всякого волнения. До самого момента, когда молодые обменялись кольцами, Сара хранила спокойствие. Надев на палец Чаду золотое кольцо. Ли повернулась к матери и протянула свой свадебный букет маленькой дочке. Таким образом Сара тоже оказалась участницей свадебной церемонии. Когда жених целовал невесту, он поцеловал и свою новоиспеченную дочь. Все зааплодировали.

Амелия впервые в жизни доверила руководство своей кухней кому-то еще. Специально приглашенный официант подавал изысканные закуски и напитки. Поскольку ничего крепкого Амелия не признавала, в честь прекрасной молодой пары пили только шампанское.

Чад проглотил семь порций салата из крабов, горсть соевых орешков, три сандвича с огурцом и два куска свадебного пирога. Ли застала его за тем, что он и Саре в рот засовывал кусок глазури с пирога. Малышка была в полном восторге от того, что ее новый отец носит ее на плечах по всему дому и горделиво знакомит со всеми гостями.

– А как ты хороша без одежды!.. – услышала Ли горячий шепот, за которым немедленно последовал поцелуй в шею.

– У тебя гости, – процедила она сквозь зубы, продолжая

улыбаться священнику, который смотрел в их сторону. – Веди себя прилично!

– Даю тебе пятнадцать минут, и мы уезжаем. Поцелуй всех, кого надо поцеловать, возьми все, что тебе нужно, припудри нос или сделай еще что-то, зайди в ванную, а после этого, если потребуется, я утащу тебя отсюда за волосы.

Уже больше не обращая внимания на святого отца, она повернулась и звонко поцеловала Чада.

– Слушаюсь, сэр!

С затуманившимся взором она попрощалась с Сарой, не в силах оторваться от своего ребенка. Спускаясь по лестнице с вещами, Чад заметил ее лицо, и Ли увидела, что он понимает, как тяжело дается ей это первое расставание с дочерью. Он попытался ее утешить:

– Только десять дней. Ли. Ты сможешь звонить хоть каждый день.

– Не подумайте, что я боюсь ее оставить на ваше попечение, – поспешила Ли заверить Амелию.

– Она не выпустит ребенка... прошу прощения... – Заверения Стюарта были прерваны телефонным звонком.

– Он хотел сказать, что я ни на минуту не выпущу малышку из поля зрения, – закончила Амелия за мужа.

– Я знаю, – ответила Ли улыбаясь. Но при виде вернувшегося в комнату Стюарта улыбка на ее лице погасла.

Избегая смотреть на нее, он сказал:

– Чад, тебя к телефону. Чад засмеялся:

– Отец, ты мог бы просто передать мне.

– Это Грейсон.

Это имя прозвучало так, как если бы оно обладало какой-то магической силой, могло рассеять толпу, изменить любое настроение. Как по команде, все гости до единого повернулись и ушли назад в гостиную. Разговор, бывший до того шумным и оживленным, превратился в тихое жужжание, напоминая скорее похороны, чем свадьбу.

Сара колотила мать по внезапно побелевшим щекам.

– Чад, – хрипло прошептала Ли.

– Сегодня я не на вызовах, отец. И он знает, что у меня сегодня свадьба. Он звонит, чтобы нас поздравить? Стюарт смотрел в пол.

– Лучше поговори с ним сам.

Чад повернулся к Ли и сжал ей локоть.

– Я сейчас вернусь, – сказал он с мимолетной улыбкой.

Ли все поняла. Глаза его не улыбались. Она стояла как вкопанная, глядя вслед мужу, скрывшемуся в комнате за холлом, которая была кабинетом Стюарта.

– Почему ты не дашь мне малышку? – тихо сказала Амелия.

Ничего не замечая вокруг себя. Ли передала ребенка в руки свекрови. Как если бы она вызвала его волевым усилием, в дверях появился Чад.

– Ли, – только и произнес он и вернулся назад в комнату.

Она думала, что ноги не послушают ее, но ей удалось пре-

одолевать длинный холл. Она вошла в комнату, обшитую деревом и уставленную книжными стеллажами. Чад стоял у окна к ней спиной. Он снял пиджак и теперь развязывал галстук. Она инстинктивно закрыла за собой дверь. Щелчок замка вывел Чада из оцепенения. И все же он продолжал еще какое-то время смотреть в окно и лишь потом обернулся к ней.

Она все поняла.

– Нет! – закричала она, затыкая себе рот кулаком. – Нет!

– Прости меня. Ли. – Он обеими руками взъерошил волосы, затем провел по лицу, потер глаза, нос и губы, затем опустил их вдоль тела. – Прости, но я ничего не могу поделать! Мне надо ехать.

– Ты не поедешь, ты не можешь ехать!

– Конечно, не могу. Но обстоятельства требуют, чтобы я ехал. Где-то в Венесуэле пожар на нефтяной базе. Парень, который должен был ехать вместо меня, вчера вечером повредил ногу на мотоцикле. Он лежит в клинике Далласа. Я должен ехать. Ли. Грейсон извиняется, он говорит, что ни за что не стал бы звонить, если бы...

– Ты думаешь, мне должно быть от этого легче? От его извинений за то, что он отрывает тебя от твоего медового месяца, от меня? И все как будто в порядке?

Он раздраженно вздохнул.

– Да нет, конечно, черт возьми. Я только пытаюсь объяснить тебе, что тут ничего не поделаешь. Никто не виноват. И у меня нет выбора.

Она сделала два быстрых шага в глубину комнаты.

– Ты сам мне когда-то сказал. Чад, что у человека всегда есть выбор. И не один. Например, ты мог бы отказаться и не поехать.

Она еще не успела договорить, а он уже отрицательно качал головой.

– Я не могу этого сделать. Ли. Ты сама это понимаешь.

Он произнес это спокойно, не столько в гневе, сколько в волнении. Ли понимала, что ведет себя неразумно, но ей сейчас было не до благоразумия. Разве невеста может спокойно отпускать своего жениха накануне медового месяца? Разве она не должна после этого возненавидеть свою горькую судьбу? Конечно, она обещала стойко переносить опасности, которым он подвергает себя на своей работе. Но не в день их свадьбы!

– Это никак не связано с моей любовью к тебе. Ли. Ты должна это сама понимать. Мой долг...

– К черту долг! Я сыта этим долгом по горло! – крикнула она, проводя ребром ладони себе по шее. – Сначала Грег, теперь ты. Неужели вы, мужчины, думаете только об этом? Долг? Ответственность? Но, Бог мой, разве у тебя нет долга по отношению ко мне? Ведь ты взял на себя эту ответственность не далее как два часа назад, когда произносил обет!

– Господи, Ли, послушай меня, – прохрипел он. – Я люблю тебя! Я должен уехать неизвестно на сколько, и я не хочу, чтобы мы расстались обиженные друг на друга. Пожалуйста,

пойми.

С разбитым сердцем, но пытаясь еще взывать к здравому смыслу, к его чувствам, она взмолилась:

– Докажи мне свою любовь сейчас. Останься. Не уезжай.

– Ты просишь слишком многого, – с болью сказал он. – Не проси у меня того, что я не могу тебе дать. – Он сделал еще один шаг к ней. – Не бойся! До тех пор пока я буду знать, что ты ждешь меня, со мной ничего не случится, я этого не допущу.

Его слова эхом отдавались у нее в голове. Эхо прошлого. Эти слова, так легко произносимые, такие лживые, такие ненадежные. Она сильно побледнела и уклонилась от его протянутых рук.

– Нет, Чад. Если ты уедешь, я не буду тебя ждать. Я не собираюсь всю жизнь провожать тебя с натужными улыбками и банальностями типа «Пожалуйста, береги себя для меня». Я не собираюсь этого делать!

Она видела, как стали жестче складки у него вокруг губ. Тепло его глаз моментально исчезло, как гаснет огонь задуваемой свечи. Он выпрямился в полный рост и стремительно направился к выходу. В дверях он задержался и метнул еще одну, последнюю стрелу ей в сердце.

– Благодарю за теплое прощание.

Дверь за ним захлопнулась.

Глава 11

Первым к ней зашел через час отец. К счастью, всем было понятно ее желание побыть одной, и ей позволили выплакать первые слезы наедине с собой.

Осторожно открыв дверь, Харви Джексон обнаружил дочь свернувшуюся калачиком на подлокотнике кожаного дивана с лицом, закрытым руками.

– Ну-ну, дорогая. Давай-ка мы с мамой увезем тебя домой. – Он тихонько коснулся ее плеча. Ли подняла на него заплаканные глаза.

– Все разъехались?

– Да.

Она всхлипнула, вытерла измазанные тушью щеки и встала, поддерживаемая под локоть отцом. Как человек, только что переживший утрату, она шла за отцом, не разбирая, что творится вокруг. В холле их ждали ее мать и родители Чада. Амелия подошла к ней и тепло обняла.

– Почему бы вам с Сарой не побыть у нас, пока Чад не вернется? Мы были бы счастливы. Мне просто плохо становится при мысли, что ты будешь одна в этом огромном доме.

– Я думаю, ей будет лучше поехать к нам в Биг-Спринг, – вмешалась Лоис. – Они с Сарой уже давно у нас не были.

Амелия хотела было возразить, но промолчала, повинувшись останавливающей руке мужа. Вместо того заговорил Стюарт:

– Мы здесь всегда к твоим услугам. Ли. Как только мы понадобится.

И снова слезы, которые, она думала, были уже выплаканы, затуманили ей взор, и она ответила, судорожно сглатывая:

– Спасибо вам за все. Свадьба прошла прекрасно. Во время этого разговора Сара спала на руках у Лоис. Ли позволила матери отнести ребенка в машину, а отец накинул на нее поверх костюма рысью шубу и повел ее следом за Лоис. Торопить ее не пришлось. Все, что напоминало о свадьбе и приеме, стало ей отвратительно. Она старалась не смотреть даже на пышный свадебный пирог, который походил теперь на обглоданные кости. Свечи были погашены. Их фитили, огонь которых знаменовал торжество любви, теперь поникли, черные и безжизненные. Цветы напомнили ей похороны Грега. Задержавшись на крыльце, она вдохнула холодный воздух. Все прекрасное в этом мире вдруг показалось ей претерпевающим упадок и разрушение, и запах тлена, казалось, забил ей ноздри.

В ожидании Лоис кусала губы. Она горела нетерпением высказать Ли все, что она думает по этому поводу. Едва успев передать Сару Ли, расположившейся на заднем сиденье, она начала:

– Я, конечно, знала, что так и будет, но отец не велел мне вмешиваться.

– Я и сейчас тебе скажу: не вмешивайся. Помолчи, Лоис, – сказал Харви.

– Ни за что! Во всяком случае, не сейчас. Разве я не говорила тебе, что она совершает ужасную ошибку? Разве я не говорила, что она обрекает себя на те же мучения, что были с Грегом? Ведь после его смерти мы просили ее приехать жить к нам, но нет. Ей нужно жить самостоятельно. Ума у нее хватает только на то, чтобы рожать детей в грузовиках. А теперь полюбуйтесь, что с ней. Но она ничему не учится. И меня она слушать не желает – Это ее дело.

Ли не вмешивалась в дискуссию. И она не чувствовала никакой обиды из-за того, что они говорили так, будто ее здесь нет. Ей и самой казалось, что она не здесь. Ее мысли далеко, на безлюдном шоссе, куда ей совсем не было нужды забираться на последних месяцах беременности.

Разве не он тогда сказал ей эти слова, мягко пожурив ее за безрассудство? «Ты самая мужественная женщина из всех, кого я знаю». И одарил ее белозубой улыбкой, особенно выделяющейся на фоне его загорелого, обветренного лица. Щетина. Голубые глаза. Смеющиеся глаза. Сочувствующие глаза. Лоб, перевязанный платком, как у индейца. Над повязкой – густые пряди темных волос. После этого он никогда больше так не повязывался. Ей даже пришлось сказать ему, что он ей нравится в таком виде и, возможно, когда-нибудь, когда они отправятся на корт...

Этого «когда-нибудь» теперь может уже не быть. Господи, что же она наделала?

В тот знойный день на пустынном шоссе, объятая страхом

и болью, она доверилась ему раз и навсегда. Он был для нее случайным встречным, но она вверила ему свою жизнь. А теперь, когда она стала его женой, почему она должна ему не верить? Теперь, когда она знает, что он за человек, когда она полюбила его, как она могла поддаться этому страху? Разве любовь не сильнее страха?

«Ты самая мужественная женщина из всех, кого я знаю. Твой муж будет тобой гордиться».

Нет, не будет. Он не может гордиться женой, которая отослала его на смертельный риск без единого слова любви и ободрения. Без единого поцелуя или прикосновения. Он не может больше думать, что она его любит. Во всяком случае, речь больше не идет о том самоотречении и самопожертвовании, которое предполагает истинная любовь и на которых только и держится настоящий брак – в точном соответствии с произносимыми пред алтарем клятвами принимать друг друга со всеми достоинствами и недостатками. Что, если он и впрямь подумает, будто она больше его не любит? Что, если с ним что-нибудь случится и он никогда больше не узнает...

– Поверни назад, – вдруг сказала она. Лоис резко прервала свою скрипучую лекцию о том, каких глупостей наделала Ли, и, обернувшись, в изумлении уставилась на дочь.

– Что?

Не обращая внимания на недоуменный взгляд матери. Ли обратилась к отцу:

– Папа, пожалуйста, поверни назад. Я возвращаюсь.

– И не думай, Харви, она не соображает, что делает. Дорогая... – с сочувствием начала было Лоис, – Или развернись, или выпусти меня из машины. Если надо, я пойду с Сарой назад пешком. Я решила быть с родителями Чада, пока он не вернется.

– Харви, ты не станешь этого делать, – сказала Лоис. Когда она поняла, что машина уже развернулась, то переключилась на Ли:

– Ли, это к лучшему, что так получилось. Если ты останешься с ним, то будешь мучиться всю жизнь.

– Я буду больше мучиться без него. Верно, Сара? – спросила Ли у малышки, а та смотрела на нее с выражением, которое можно было принять за одобряющую улыбку. – Ведь без него мы с тобой пропадем, да?

– Тогда я умываю руки, – сказала Лоис. – Не жди, чтобы я...

– Никто от тебя ничего и не ждет, Лоис. А теперь помолчи.

Лоис вытаращила на мужа глаза, беззвучно шевеля губами. Она одарила дочь еще одним ядовитым взглядом, но Ли спокойно выдержала его, пока мать не отвела глаза в сторону. Тогда Лоис выпрямилась и сидела нарочито прямо до самого конца, глядя перед собой и не проронив больше ни слова в праведном гневе.

– Спасибо, папа, – сказала Ли, выбираясь с заднего сиденья, когда машина остановилась.

Харви Джексон вытащил ее вещи из багажника и поставил на крыльцо.

– Как бы то ни было. Ли, Чад твой муж. Ты поступаешь правильно.

– Да, я знаю, – сказала она, целуя отца в щеку. Нагнувшись, она сказала в окно:

– До свидания, мама.

Ответа не последовало, но она и не ждала. Мать скоро отойдет. У Лоис приступы обиды никогда не бывают долгими.

Ли попрощалась с родителями и повернулась к дому. Диллоны ждали ее в дверях. Амелия, широко улыбаясь, подошла и взяла у Ли Сару. Стюарт извинился, что не может помочь ей с вещами. Когда он оперся на костыль, Ли заметила, что он без протеза. Ли поспешила в дом.

Несмотря на сопротивление Амелии, Ли помогла ей закончить уборку.

– Я всех их – официанта, цветочника – всех попросила завтра прийти и все доделать, – сказала Амелия. – Из-за отъезда Чада они отнеслись с пониманием.

Они мыли бокалы в кухне. Стюарт смотрел футбольный репортаж, держа Сару на коленях.

– Амелия, я предала Чада, – сказала тихо Ли. – Когда ему больше всего нужна была моя поддержка, я бросила его. Он, должно быть, совершенно разочаровался во мне.

– Он понимает и любит тебя. Ли, и несмотря на то, как ты

себя вела перед его отъездом, он знает, что ты его любишь.

Всем сердцем желая в это поверить. Ли повернулась к свекрови:

– Вы так думаете?

Амелия похлопала ее по руке.

– Я знаю! Я не хочу быть назойливой свекровью и совать нос не в свои дела, но если тебе надо выговориться, я сумею тебя выслушать.

Мужество, которое обнаружила в себе Ли, было подвергнуто испытанию, когда по кабельному телевидению стали показывать репортажи о пожаре в Венесуэле. Это был бушующий ад, сопровождающийся такой утечкой горючего, что сообщения о пожаре шли первой строкой в выпусках новостей.

К счастью, на несколько дней Ли отвлеклась работой в торговом центре, где она снимала рождественские украшения и наблюдала за их упаковкой. Работница, которую она наняла себе на замену на время своего медового месяца, на следующий день после Нового года, была вынуждена уехать из города. Пуансеттии завяли, и на их место были доставлены другие цветы, которые следовало рассадить.

Жители загородных особняков сами снимали и убирали на хранение украшения. Для такой уборки в доме Чада Ли наняла двух студентов. Она показала им кладовую в гараже, куда надлежало сложить все рождественские украшения. В ожидании, пока они это сделают. Ли стояла в гараже возле

грузовичка и гладила рукой облешшую краску. На нее нахлынули воспоминания.

Тяжелее всего было по вечерам. Амелия радовалась, что ей приходится целыми днями сидеть с Сарой, хотя Ли и предлагала ей отвозить девочку в город к няньке. Но это предложение было с негодованием отвергнуто. Стюарт, казалось, не испытывал никаких неудобств от того, что у него в доме поселились еще две женщины, и продолжал, как всегда, заниматься своими делами на ферме.

Однако кормление его стада стало проблемой, после того как однажды вечером со стороны Нью-Мексико задул сильный ветер, принесший двенадцатидюймовый снегопад. Жизнь Западного Техаса, не приученного к такому глубокому снегу, была парализована. Шоссе оказались закрыты. Школы и офисы получили внеочередные каникулы, и все здравомыслящие люди сидели по домам.

На второй день их заточения Ли с Амелией находились на кухне, где занимались приготовлением молочных тянучек. Стюарт уже вернулся после раздачи корма скоту, совершенно замерзший. Переодевшись, он уселся в гостиной у телевизора, с нетерпением ожидая угощения.

– Ли, если ты освоишь эти тянучки. Чад будет любить тебя вечно. Этот мальчик может съесть целый фунт за один присест, – говорила Амелия, запуская кусочек еще горячей массы в чашку с холодной водой. – Теперь смотри, в этом вся хитрость. Ты должна убедиться, что масса достаточно гу-

стая...

– Ли, Амелия, идите быстрее сюда, – позвал Стюарт из гостиной. Его тревога передалась им, и тянучки сейчас же были забыты. Первой мыслью Ли было, что что-то случилось с Сарой, но с одного взгляда она убедилась, что девочка спокойно спит.

– Стю... – начала было Амелия.

– Ш-ш-ш. Слушайте, – сказал Стюарт, показывая на экран.

На фоне карты Венесуэлы ведущий информационной программы рассказывал о развитии событий на пожаре, ликвидация которого продолжалась вот уже больше недели.

– «Специалисты фирмы „Фламеко“ тщетно пытаются справиться с огнем. Сегодня серьезность положения усугубилась взрывом еще одного нефтехранилища, в котором находились многие тысячи баррелей нефти-сырца. Взорвавшийся резервуар расположен в окружении других емкостей, что делает ситуацию еще более критической. Из соображений безопасности корреспонденты не допускаются к очагу ближе, чем на две мили, поэтому пока мы располагаем лишь скудными подробностями.

Имеются данные о том, что несколько человек получили ранения в результате этого взрыва, однако имена пострадавших и характер повреждений пока не уточнены. По мере поступления новых подробностей мы будем держать вас в курсе событий. А сейчас продолжаем передачу».

Пультот дистанционного управления Стюарт выключил звук. Ли словно замороженная смотрела, как какая-то женщина, выигравшая холодильник, запрыгала и закричала от радости и кинулась на шею ведущему бессмысленной телеигры, чуть ли не удавив его шнуром от микрофона. Ли казалось неприличным радоваться новому холодильнику, в то время когда люди там, на пожаре, получали ожоги, ранения... гибли.

Диллоны проявили должный такт и не досаждали ей банальностями. Ли понимала, что они тоже волнуются. И они не собирались утешать ее.

День тянулся и тянулся. Никто не был голоден, но они старались не нарушать обычный распорядок и пообедали тушеной говядиной, которую Амелия приготовила с самого утра.

Когда около шести зазвонил телефон, они замерли, напрасно ища в глазах друг друга поддержки. Опершись на костыль, Стюарт поднялся и пошел к телефону.

Говорил он тихо и спокойно, но Амелия и Ли догадались, что речь идет о Чаде. Когда Стюарт закончил говорить и вернулся в гостиную, их худшие опасения оправдались.

– Он ранен. Их сейчас везут самолетом в Хьюстон. Наверное, уже почти привезли.

Ли зажмурилась. Она судорожно сжала руки перед собой.

– Как... как...

– Я не понял, что с ним конкретно произошло и насколько серьезно дело. Звонил человек из правительства Венесу-

элы. Он говорит по-английски, как я по-испански. Не знаю. Можно, наверное, позвонить во «Фламеко», но боюсь, что они пока знают не больше нашего. Все, что нам остается делать...

– Я еду, – сказала Ли и решительно направилась к лестнице, чтобы подняться к себе и быстро переодеться.

– Ли, – Амелия протянула к ней руку, – ты не можешь никуда ехать. Сначала надо узнать, что тебя там ждет. Я не пушу тебя в Хьюстон одну. К тому же погода... – Тут и так было все ясно, за окном высились сугробы, а голые ветви деревьев были покрыты коркой льда. – Дороги и аэропорты закрыты.

– Я еду, – сказала Ли упрямо. – У Чада есть самолет. У него есть пилот. Если я приставлю ему к виску пистолет, он довезет меня до Хьюстона. У вас ведь есть грузовик с четырехколесным приводом, – обратилась она к Стюарту. – На нем можно доехать до аэропорта. Я еду. – Она посмотрела на них с железной решимостью во взоре. Затем лицо ее приняло жалостное выражение. – Пожалуйста, помогите мне.

Она увидела огни посадочной полосы совсем близко, и они приземлились на поле для посадки частных самолетов в Хьюстоне. Полет был ужасным. Маленький самолет мотало во все стороны, пока они не вышли из зоны снежной бури. У пилота Ли не нашла никакого сочувствия, он всю дорогу бормотал что-то про упрямых баб, которым бог дал не боль-

ше мозгов, чем резиновой утке.

Буря, наделавшая столько бед в Северном Техасе, здесь, на побережье, проявилась лишь холодным дождем. Огни взлетно-посадочной полосы отражались в мокром асфальте. Подруливая к небольшому терминалу, самолет прокатил мимо ангаров для частных самолетов.

Ухватившись за край сиденья. Ли молила бога, чтобы ее ждала машина с водителем, чтобы немедля ехать в клинику, как обещал ей Стюарт. И все равно она могла опоздать, а он... Нет! Он будет жив. Он должен быть жив!

Самолет остановился, и сердитый пилот заглушил моторы. Он засунул в рот измятую сигару, которую погасил по просьбе Ли, и сказал:

– Приехали.

– Спасибо!

Она отстегнула ремень и, нагнувшись, ступила на трап, выброшенный пилотом из двери. Она полетела налегке, с одной только сумкой, куда она второпях напихала самое необходимое. Она еще раз поблагодарила пилота, который протянул ей сумку, а затем, ворча, зашагал к одному из ангаров.

Ли побежала к освещенному зданию аэропорта, стуча каблуками по асфальту. Распахнув стеклянную дверь, она подошла к единственному служащему, которого увидела в безлюдном аэропорту.

– Я миссис Диллон. Меня здесь никто не ждет?

Уборщик окинул ее близоруким взглядом с головы до ног,

отметив про себя рысью шубу и развевающиеся волосы.

– Вы говорите, вас кто-то ждет? Я не знаю, – сказал он. – А что, кто-то должен был вас встречать?

Подавив желание вышибить из-под его руки швабру, на которую он опирался, и закричать, она сказала:

– Ладно, спасибо. – И рванулась к центральному входу в здание и стремглав проскочила тяжелые стеклянные двери. Тротуар, тянущийся вдоль здания, был пуст. Пуста была и улица, и только один-единственный «Эльдорадо» был припаркован на обочине. Она нагнулась, но в машине никого не было.

От волнения у нее опустились плечи. Кто же довезет ее до клиники? Ведь Стюарт уверял ее, что...

– Не меня ищите? У нее едва не выпрыгнуло из груди сердце.

Она резко повернулась кругом, и шуба обвилась вокруг нее подобно плащу матадора. Он стоял в тени, прислонясь к стенке. Если бы она не была с ним знакома и, более того, не любила его, его вид ужаснул бы ее.

Вся одежда на нем была грязная. Одна штанина была разрезана до самого бедра, и нога до колена была в гипсе. Другая нога была в ковбойском сапоге, облепленном кусками грязи и запятнанном нефтью. Под распахнутой курткой виднелась расстегнутая на несколько пуговиц рубашка. Лоб был лихо повязан платком. Рядом, прислоненный к стене, стоял костыль.

Она уронила сумку на мокрый асфальт, сделала два неверных шага и бросилась в его объятия.

– О Господи, Чад, дорогой, ты... Любимый... Ты в порядке? Ты ранен... Ты не ранен?

– Тише, сбавь скорость. Да, я в порядке. И нет, я не ранен, только повредил голень.

– Слава Богу, – выдохнула она. – Я думала...

Она потрогала его, ощупала каждый дюйм его тела, как будто для того, чтобы убедиться, что он жив и здоров, если не считать сломанной ноги. Когда она удостоверилась, что никаких других повреждений нет, она подняла на него глаза. Долго смотрели они друг на друга, одними глазами прося друг у друга прощения и одновременно прощая.

Ее руки были у него на груди, и он накрыл их своими ладонями.

– Господи, как я рад, что ты здесь! Она встала на цыпочки и поцеловала его. Его руки сомкнулись у нее за спиной, и он заключил ее в крепкие объятия.

– Моя дорогая, любовь моя, – успел прошептать он, прежде чем их губы слились.

То был обжигающий, голодный поцелуй, в котором ей чувствовалась болезненная, пульсирующая страсть, которую она переживала и сама. То был поцелуй, который вновь подтверждал их верность и любовь, в которой они клялись перед Господом, – любовь в радости и горе, в богатстве и бедности, в болезни и здравии.

– Чад, – сказала она задыхаясь, когда, наконец, он отпустил ее, – мы так беспокоились. Мы смотрели новости, это было ужасно. Потом позвонил кто-то из правительства Венесуэлы и сказал, что ты пострадал, а больше мы ничего не знали. Он с трудом изъяснялся по-английски. – Она сделала паузу, чтобы набрать воздуха. – Когда ты... я жила у твоих родителей. Они не хотели, чтобы я сюда ехала, но мне нужно было тебя увидеть. Мне нужно было знать, что с тобой, нужно было быть с тобой. И кругом было столько снега, что мне пришлось...

– Я все знаю.

Его простая реплика остановила поток ее слов. До этой минуты она не задумывалась, как он мог узнать, что ее надо встретить.

– Ты все знаешь?

– Пару часов назад я звонил домой. Отец рассказал мне, как ты подняла всех на ноги и прошла огонь и воду – нет, там, кажется, был снег, – чтобы добраться ко мне.

Она зарделась от смущения.

– Знаешь, ты, наверное, потерял очень хорошего пилота. После того, что я устроила ему, он уволится, я не сомневаюсь. Он не хотел меня везти, ноя...

– Отец воспроизвел мне твою речь слово в слово. Джил не переживет, что позволил себя укротить хрупкой голубоглазой брюнетке. – Он хохотнул, и для нее звук его смеха был самым сладостным звуком на земле. Как же она соскучилась!

Она дотронулась до завитков его волос, выбивающихся из-под платка.

– Что у вас там произошло? Он положил руки ей на талию.

– Ничего страшного. Ох ты, какая толстая шуба, – проворчал он. – Когда резервуар взорвался, я был достаточно далеко. Как и все, я инстинктивно нырнул вниз. Неудачно приземлился в канаву и сломал ногу.

– А другие пострадавшие?

– Все пока в клинике.

– Чад, ну конечно, что же это я! – воскликнула она, отодвигаясь от него. Только теперь, когда первый наплыв эмоций от встречи с ним прошел, она осознала, что он все-таки ранен. – Ты не должен здесь быть. Тебе тоже следовало остаться в клинике.

– Об этом мне уже говорила старшая медсестра. Она все совала мне какие-то таблетки, от которых я отказался, предлагала мне ванну, от которой я тоже отказался, и, уж конечно, я отказался раздеваться. Никогда не видел, чтобы женщина была так зациклена на стягивании с мужика штанов.

– И как она выглядела, эта медсестра? – спросила Ли, с подозрением прищурившись. – Миловидная, кокетливая и веселая?

– Нет, уродина, но кокетливая и при этом строга, как сержант, – ответил он и запрыгал на одной ноге, прилаживая костыль под мышкой. – Пойдем, – сказал он, без труда двигаясь в сторону «Эльдорадо», несмотря на свой перелом. –

Извини, но тебе придется самой нести свою сумку, и через порог я тебя перенесу на руках в другой раз.

Вопросы и ответы перемежались ее тяжелым дыханием, поскольку она едва поспевала за ним, таща на плече сумку.

– Куда это мы идем? Ты сюда сам приехал?

Ты можешь вести машину? Чья это штуковина?

Что мы будем делать?

– Отвечаю в порядке поступления вопросов: в ближайший отель, да, да, служащего «Фламеко», который мне кое-чем обязан, и это глупый вопрос.

– Но твоя нога, – возразила она, усаживаясь на переднее сиденье, – ведь тебе нужно лечиться.

– Лучшее лечение для меня – это ты. – Он пристроил костыль на заднее сиденье, после чего перегнулся назад и поцеловал ее. Его глаза озарили ее лучистым светом. – Я ведь еще должен тебе брачную ночь, и хотя это и не острова, но советую тебе подготовиться к медовому месяцу.

– Я так испугалась, – призналась Ли. Они лежали на плюшевой кровати в свадебных апартаментах отеля «Ворвик». Ли охотно согласилась бы и на более скромный номер, но Чад настоял на соблюдении правил медового месяца. «Наверное, персоналу теперь на долгие годы будет о чем поговорить», – думала Ли. Все ожидали блистательную молодую чету, и, когда Диллоны подъехали с подозрительно маленьким багажом, удивлению не было границ. Жених был похож

на единственного уцелевшего в междоусобной войне рокерских банд, а на невесте были джинсы, свитер и рысья шуба. Но Ли не сомневалась, что суровый персонал отеля еще не встречал более счастливых молодоженов, чем мистер и миссис Чад Диллон.

– Но ты ведь все побросала и не позволила никому остановить тебя, когда ехала сюда ко мне, – сказал Чад. – Когда я позвонил и отец сказал, что ты прилетаешь сегодня, я и верил, и не верил. Я ведь с самого начала говорил тебе, что ты самая смелая из всех женщин.

Она играла темной порослью у него на груди. Когда она предложила ему ванну, он с радостью согласился. А поскольку по правилам игры стороны должны меняться ролями, то и он не преминул поставить ее под струю и помыть ее мягкой губкой. Сейчас они лежали раздетые на широкой кровати, утопая в романтической обстановке номера, сооруженного с единственной целью – создавать именно такое вот романтическое настроение.

– Я не из смелости примчалась сюда, а от любви. Мне нужно было быть с тобой.

Он любовно провел пальцем по ее переносице и спустился ниже, к уголку губ.

– Даже после того, как я обошелся с тобой в день нашей свадьбы?

– Ты был вынужден это сделать. Теперь я это понимаю. Я и тогда это понимала. Прости, что я так себя вела и столько

тебе наговорила всякого.

– Ты имела на это право. – Он намотал прядь волос на кулак и тянул, пока она не повернула к нему лицо. Он приник к ее рту, раздвигая языком губы и проникая в глубину. Затем он легкими, нежными поцелуями несколько раз коснулся ее губ. – Я уволился еще перед нашей свадьбой.

Она изумленно уставилась на него, чувствуя, как бешено забилось сердце.

– Ты... ты уволился?

– Да. Помнишь, я говорил тебе, что мы обучаем новых работников? Вот тогда-то я и уволился, но с условием, что подготовлю человека на свое место. В связи со свадьбой я взял месячный отпуск, – видишь, я планировал длинный-длинный медовый месяц, – но когда случился этот пожар, всем стало ясно, что новичкам не справиться. Один из новеньких тут же получил травму.

– Почему ты не рассказал мне об этом, когда уезжал? – Теперь ее мучило раскаяние. – Я не дала тебе слова сказать, да?

– Я должен был поехать, Ли, пожалуйста, поверь.

– Я верю, – сказала она искренне, наклоняясь, чтобы поцеловать его в щеку.

– Но мне больше не придется бросать тебя. Какое-то время из-за этой ноги я просижу дома. А к тому времени, как она заживет, я смогу уйти из компании уже уверенный в том, что на мое место придет обученный человек. Я уйду

из «Фламеко» навсегда.

– Я не прошу от тебя так много. Чад. Он усмехнулся.

– Ну да, вроде как с той детской кроваткой. Ты меня не просила ее собрать. Я сам вызвался. – Он посерьезнел. – Я очень славно потрудился, Ли. Такие приключения выпадают на долю единиц. У меня было больше денег, чем я мог потратить, и у меня хватило ума вложить их с толком, а не растранжирить. Я любил свою работу, риск, с которым она сопряжена, и то удовлетворение, какое получаешь от сознания того, что спасаешь других людей.

Его слова почти повторяли то, что говорил его отец, пытаясь объяснить Ли свое видение этой работы.

– Но тебя я люблю больше. И Сару я люблю больше. И наша совместная жизнь значит для меня больше. Мне теперь не интересно болтаться в компании беспутных юнцов, разъезжать по всему миру, который я уже видел много раз, тушить эти пожары. Я хочу осесть, заниматься бизнесом поближе к дому, растить свою дочь и сделать ей парочку братьев и сестер. Я хочу любить свою жену.

– Ты уверен. Чад? Я с радостью приму все, что ты хочешь. Я не смогу спокойно жить, если буду знать, что лишила тебя чего-то, что тебе дорого.

Его веселая ухмылка и блеск в глазах должны были бы сказать ей, что дискуссия переходит в иное русло.

– Я и говорю тебе о том, что мне дорого и чего я был лишен в последние недели. Его рука пробралась под простыню.

– Вот что я люблю. – Его рука занялась тщательным обследованием ее груди. Он ласкал ее с обманчивой небрежностью, как искусный фигурист, который катается легко и непринужденно, но каждое движение которого точно рассчитано и отрепетировано. – Я просто обожаю это, – сказал он, особенно усердствуя над соском. – Я обожаю это. – Он стащил простыню и нагнул голову, чтобы губами воздать должное ее красоте. Были пущены в ход губы, и зубы, и язык.

– Знаешь, как я тебя люблю. Ли? – спросил он. – Знаешь?

– Да, я знаю. И я тебя люблю. Люблю тебя, – шептала она, хотя от возбуждения почти лишилась дара речи.

Его руки заново знакомились с ее телом. Он гладил ее спину, грудь, живот, стройные бедра и женственное царство между ними.

– Любимая, – сказал он на вдохе, когда она включилась в любовную игру. – Я люблю тебя, Ли! С самого начала, с той минуты, когда ты потянулась ко мне с таким полным доверием, я любил тебя. Дорогая моя, прикоснись еще раз так же... Это рай, неземное блаженство.

– Я так боялась, что с тобой что-нибудь случится и ты не узнаешь, что я тебя люблю. Я люблю тебя. Очень!

– Я в этом не сомневался.

– О, Чад, пожалуйста... еще...

– Радость моя...

Как всегда, его прикосновения уносили ее в заоблачную высь, где все ее чувства были в его власти, где не оставалось

места никому, кроме него. Он владел ее сердцем, ее душой, ее телом, и он забрал их с ее полного согласия. Она раскачивалась в такт руке, которая ласкала ее с невыразимой нежностью, унося в стремительный поток чувств, подхвативший их обоих.

– Чад, твоя нога?.. Твой гипс?..

– Все нормально, – успокоил он. – Поверь мне.

И она поверила ему – как всегда.